

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ - 1978

4

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 4

ИЮЛЬ—АВГУСТ

БАКУ — 1978

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. З. ЗАКИЕВ,
С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,
М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор).

Адрес редакции: 370143, ГСП Баку-143, просп. Нариманова, 31, Академгородок.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Н. А. БАСКАКОВ

ФОРМА ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ ГЛАГОЛА НА -СУХ ~ -СИ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ И ЕЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ¹

Глагольная форма прошедшего времени на -с^вух ~ -с^ви характерна для ограниченного ареала тюркских языков — для части их восточного крыла: киргизского, хакасского и тувинского языков, то есть языков, подвергшихся значительно более интенсивному влиянию соседних монгольских языков.

В указанных языках форма эта встречается в следующих вариантах: а) в хакасском: на -с^вух/-с^вик ~ -д^зух/-д^зик, например, с^вух -с^вух 'он под-нялся'; раг -д^зух 'он ехал', а также в формах: раг-аг-д^зух 'пошел бы'; раг-җај-д^зух 'пожалуй, пошел бы'. В последних двух примерах в стяженной форме <раг-аг(ир)-д^зух, раг-җај(ир)-д^зух;

б) в тувинском: на -с^вуq/-с^вик ~ -суq/-с^вүк ~ -д^зуq/-д^зик ~ -д^зуq/-д^зүк, например: кел -с^вик 'он (ведь) пришел', кел-бе-д^зик 'он (ведь) не пришел'; қас-с^вуq 'он (ведь) выкопал';

в) в киргизском: на -с^ви/-с^вү, например: өт-с^вү 'он проходил', қатма-с^ви 'он ловил'; с^вух-с^ви 'он поднимался', а также в сложных формах: көг-үн-с^вү эле 'он тогда казался'; бар-с^ви емес мин 'я не хаживал'; туп-с^ви емес 'он не отдыхал'; бер-с^ви екен 'оказывается, давал' и др.;

г) в монгольских языках: на -д^зее/-с^вее ~ -д^зи/-с^ви ~ -д^з/-с^в < -д^зук -иј ~ -с^вик -иј, например: ир -д^зее 'приехал'; ал -д^зее 'убил' и т. д.

Происхождение данной формы до настоящего времени не выяснено, хотя существует несколько предположений о природе суффикса -с^вух/-с^ви (с вариантами) и его связях с другими глагольными формами.

Одной из первых гипотез о происхождении данной формы была гипотеза И. А. Батманова², поддержанная позже Б. О. Орузбаевой³, а затем с некоторыми оговорками и Б. А. Серебренниковым⁴.

Гипотеза эта была предложена лишь для данной формы в киргизском языке, без учета тех же форм на -с^вух/-с^ви в тувинском и хакасском языках. Сущность этой гипотезы заключается в том, что киргизский глагольный аффикс прошедшего времени -с^ви/-с^вү в конечном итоге якобы

¹ В развитие положений ранее опубликованных работ автора, посвященных данной форме. См.: Н. А. Баскаков, А. И. Инкижекова-Грекул. Хакасский язык. Фонетическая структура. Словарный состав и грамматический строй. — В кн.: «Хакасско-русский словарь». М., 1953, стр. 359—487; Н. А. Баскаков. Формы глагола на -с^вух ~ -с^ви в хакасском, тувинском и киргизском языках. — В сб.: «Вопросы тюркологии». Ташкент, 1965.

² И. А. Батманов. Грамматика киргизского языка, ч. III. Фрунзе, 1940, стр. 50.

³ Б. О. Орузбаева. Формы прошедшего времени в киргизском языке. Фрунзе, 1955, стр. 39—40.

⁴ Б. А. Серебренников. Из истории звуков и форм тюркских языков. — «Советская тюркология», 1974, № 6, стр. 13—15.

восходит к именному аффиксу $\text{-}\dot{\text{c}}\text{y}/\text{-}\dot{\text{c}}\text{i}$, указывающему на профессию, например, в словах qoj 'баран' — $\text{qoj-}\dot{\text{c}}\text{y}$ 'пастух', balyq 'рыба' — $\text{balyq-}\dot{\text{c}}\text{y}$ 'рыбак'.

Сторонники данной гипотезы усматривают развитие этой глагольной формы на $\text{-}\dot{\text{c}}\text{y}/\text{-}\dot{\text{c}}\text{i}$ из сочетания агентивной формы на $\text{-}\dot{\text{c}}\text{y}/\text{-}\dot{\text{c}}\text{i}$ с отглагольным именем на $\text{-}\dot{\text{y}}\text{i}/\text{-}\dot{\text{g}}\text{i} \sim \text{-}\dot{\text{y}}\text{y}/\text{-}\dot{\text{i}}\text{g}$, которая прошла в своем развитии следующие стадии: $\text{-}\dot{\text{y}}\text{i-}\dot{\text{c}}\text{i} > \text{-}\text{u}\dot{\text{c}}\text{i} > \text{-}\dot{\text{c}}\text{i}$ ⁵. Те же обоснования приводит в отношении киргизской формы прошедшего времени на $\text{-}\dot{\text{c}}\text{y}/\text{-}\dot{\text{c}}\text{i}$ и Б. А. Серебренников, считая, что аналогичные тувинская и хакасская формы имеют иное происхождение. Киргизская же форма, например, $\text{men d}\dot{\text{z}}\text{az-}\dot{\text{c}}\text{i}$ туп 'я писал всегда', $\text{al al-}\dot{\text{c}}\text{i}$ 'он брал постоянно и обычно', по его мнению, образовалась в результате элизии: $\text{al-}\dot{\text{c}}\text{i} < \text{al-u-}\dot{\text{c}}\text{i}$ ⁶.

Переход же агентивного аффикса $\text{-}\dot{\text{c}}\text{y}/\text{-}\dot{\text{c}}\text{i}$ в его губной вариант $\text{-}\dot{\text{c}}\text{y}/\text{-}\dot{\text{c}}\text{i}$ Б. А. Серебренников объясняет в киргизском языке губным сингармонизмом, то есть $\text{al-}\dot{\text{c}}\text{i}$ 'он взял' образовалось, по его мнению, из $\text{al-uw-}\dot{\text{c}}\text{i}$ 'он берущий', хотя он при этом выражает, правда, некоторое сомнение, так как его смущает вопрос: «Почему подобного рода образования были соотнесены со сферой прошедшего времени?»⁷.

Сомнения эти являются вполне закономерными, так как формы на $\text{-}\dot{\text{y}}\text{i-}\dot{\text{c}}\text{i}/\text{-}\dot{\text{y}}\text{y-}\dot{\text{c}}\text{y}$ (в карлукских и хакасском языках), $\text{-u-}\dot{\text{c}}\text{y}/\text{-uw-}\dot{\text{c}}\text{y}$ (в кыпчакских языках), $\text{-u-}\dot{\text{c}}\text{i}$ (в киргизском языке), $\text{-aa}\dot{\text{c}}\text{y}$ (в тувинском языке) и в некоторых других языках, с одной стороны, и формы на $\text{-suq-}\dot{\text{c}}\text{y} \sim \text{-}\dot{\text{z}}\text{yq}/\text{-}\dot{\text{z}}\text{iq}$ (в тувинском), $\text{-}\dot{\text{c}}\text{ux}/\text{-}\dot{\text{d}}\dot{\text{z}}\text{yq}$ (в хакасском) и $\text{-}\dot{\text{c}}\text{i}$ (в киргизском), с другой — ничего общего между собой не имеют как по своему значению и составу, так и по своему происхождению.

Прежде всего бросается в глаза абсолютное различие значений форм $\text{al-}\dot{\text{c}}\text{i}$ 'он брал' и $\text{al-u-}\dot{\text{c}}\text{i}$ 'берущий', параллельно существующих и имеющих продуктивное употребление в современном киргизском языке. Первая форма типа $\text{al-}\dot{\text{c}}\text{i}$ 'он брал, он постоянно брал' — прошедшего времени, имеет в составе только два элемента — основу глагола и аффикс $\text{-}\dot{\text{c}}\text{i}$ прошедшего времени, а вторая $\text{al-u-}\dot{\text{c}}\text{i}$ 'берущий' — не имеющая временного оттенка и указывающая на действующее лицо без отношения ко времени (так как последняя происходит от масдара на $\text{-u} > \text{al-u-}\dot{\text{c}}\text{i}$ 'взятие', не обладающего категорией времени) — состоит из трех элементов: 1) основы глагола; 2) аффикса масдара и 3) аффикса, указывающего на профессию.

Смешение этих на первый взгляд близких по составу форм $\text{al-}\dot{\text{c}}\text{i}$ и $\text{al-u-}\dot{\text{c}}\text{i}$ наблюдалось и у прежних исследователей. Не различали эти две формы, как уже отмечалось выше, в свое время И. А. Батманов⁸, а в более позднее время — Б. О. Орузбаева⁹, тогда как происхождение этих форм при кажущейся их фонетической близости — совершенно различное.

Форма типа $\text{al-}\dot{\text{y}}\text{i-}\dot{\text{c}}\text{y} \sim \text{al-u-}\dot{\text{c}}\text{y} \sim \text{al-u-}\dot{\text{c}}\text{i}$, происходящая из масдара на $\text{-u} \sim \text{-uw} \sim \text{-u}$ и аффикса профессии $\text{-}\dot{\text{c}}\text{y}/\text{-}\dot{\text{c}}\text{i}$, является общей для большинства кыпчакских и отчасти карлукских тюркских языков, но ни в одном из них не имеет значения прошедшего времени и не образует соответственных производных с временным значением. Она образуется от субстантивной глагольной формы, не имеющей временного оттенка и соотнесенной грамматически с предметным значением, путем обычного

⁵ И. А. Батманов. Указ. раб., стр. 50.

⁶ Б. А. Серебренников. Указ. раб., стр. 15.

⁷ Там же, стр. 15.

⁸ И. А. Батманов. Указ. раб., стр. 50.

⁹ Б. О. Орузбаева. Указ. раб., стр. 39—40.

присоединения аффикса профессии -џу/-џи, и по значению соответствует сочетаниям имен с этим аффиксом. Так, например, модель кирг. *džaz -uu* 'писание' + -џу > *džaz -uu-џи* 'писатель' грамматически идентична модели *temir* 'железо' + -џи > *temir-џи* 'кузнец'. Как модель — производная от глагольного масдара, так и модель от имени не имеют временного значения. Та и другая модели приобретают временное значение только в сочетании со связками *edi*, *ele*, *eken*, *emes*, *turur* и т. д., например, *džaz -uu-џи tur* 'является писателем', *džaz -uu-џи edi* 'был писателем' и *temir-џи tur* 'является кузнецом', *temir-џи edi* 'был кузнецом'.

Форма же типа *džaz -џи* 'он написал, он писал' образуется непосредственно присоединением аффикса -џи/-џи к глагольному корню или к глагольной производной форме (залоговой, видовой), но не к масдарной основе, и имеет значение глагольной основы 3-го лица прошедшего времени (*džaz -џи* 'он писал, он написал'), то есть образует исторически причастную форму с четко выраженным временным значением в отличие от формы *džaz -uu-џи* 'писатель'. К характеристике этой формы следует еще добавить то, что она имеет ограниченное распространение и встречается только в киргизском, хакасском и тувинском языках, то есть в языках, как уже отмечалось выше, наиболее подвергшихся монгольскому влиянию.

Наконец, как это указывается ниже, аффикс профессии -џу/-џи ~ -џи/-џи и аффикс, образующий глагольную форму прошедшего времени, -џуџ/-џи, имеют также и различное происхождение. Это видно и из того, что первый аффикс -џу/-џи присоединяется только к именам и глагольному масдару (имени действия), а второй -џуџ/-џи — непосредственно к глагольной основе.

Ближе к истине в отношении происхождения глагольной формы на -џуџ/-џи (с вариантами), думается, гипотеза Ф. Г. Исхакова и А. А. Пальмбаха, предложенная в их «Грамматике тувинского языка»¹⁰, где образование тувинской формы глагола прошедшего времени на -џуџ/-џи, общей с киргизской формой на -џи/-џи, объясняется стяжением синонимичной для тувинского языка формы на -џап *ijik* (соответствующей в других тюркских языках форме на -џап *edi*. — Н. Б.). Опираясь якобы на однозначность этих форм, авторы предполагали, что параллельно существующая форма на -џап *ijik* в некоторых случаях стягивалась в форму на -џуџ/-џи ~ -џуџ/-џи [например, *џога-(џ)ап ijik* > *џог ijik* > *џог-џик* > *џог-џуџ*]; сравните параллельные формы: *siler хоогајџа џогаап ijik siler џор* и *siler хоогајџа џордџуџ siler џор* с общим значением 'вы (ведь) ездили в город', где, как писали авторы, «конструкция *џогаап ijik* преобразуется в синтетическую форму *џордџуџ*; причем к последней переходят значения обоих слагаемых, то есть значение прошедшего неопределенного (результативного) времени на -џап и значение частицы *ijik*, не только участвующей в образовании условно-сослагательной формы глагола (бы), но и придающей глаголу эмоционально-экспрессивное значение (ведь, же)»¹¹.

Однако и данная гипотеза все же не до конца объясняет происхождение формы на -џуџ/-џуџ ~ -џуџ/-џуџ в тувинском языке, равно как и ее вариантов в киргизском и хакасском языках. Она напоминает нам предположение А. Казембека о происхождении формы прошедшего времени на -џу/-џи от вспомогательного глагола *edi*, то есть по существу объяснявшего форму на -џу/-џи той же самой формой от вспомогательного гла-

¹⁰ Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмах. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961, стр. 378—379.

¹¹ Там же, стр. 379.

гола е- (<er-/ir-) ¹², в то время как, например, формы al-du 'он взял' и е-di ≈ i-di (<er-di ≈ ir-di) имеют общий, не объясненный А. Казембеком аффикс -du/-di, точно так же, как и в сопоставляемых формах чогаап ijik и чог -žiq остается не объясненным аффикс -jik и -žiq, образующий одну и ту же форму прошедшего времени.

Авторы тувинской грамматики так же, как и А. Казембек, форму на -čyq/-žyq выводят из сочетания -yaп ijik, в котором «первое слоговое усекается (чогаап > чог), редуцированный i в начале ijik выпадает (ijik > jik), j > ž на основе чередования j/č (ž) (ijik > žik); j > u по закону сингармонизма гласных после „твердого“ губного: o (žik > žuq)» ¹³, то есть по существу форму на -čyq/-čiq ~ -žyq/-žiq они объясняют формой -juq/-jik, которая, как мы увидим далее, является инвариантом как формы на -dyq/-dik ~ -dy/-di, так и -čyq/-žyq. Это подтверждается тем, что форме i -jik в тувинском языке во всех других тюркских языках соответствует форма е-di ~ i-di, то есть форме прошедшего времени от недостаточного глагола е- (<er-/ir-) <е- (~i-) + -di.

Что касается перехода idik > ijik или idi > iji, то явление это встречается достаточно часто в различных тюркских языках. Сравните, например, в татарском языке: «Вспомогательный глагол idi, — пишет Н. Б. Бурганова, — превратился в четырехвариантный аффикс -ују/-iji (после согласных) и -ју/-ji (после гласных)» ¹⁴. Сравните, например, также и сочетания min bara idim > min bara -jım 'я пошел бы' или в форме на -уг idi: min baruğ uğım 'я пошел бы', bis baruğ ujuğ 'мы пошли бы'; min barmaş uğım 'я не пошел бы', bis barmaş ujuğ 'мы не пошли бы' и т. д.

Кроме татарского языка, соответствие причастных форм на -dyq/-dyu ~ -juq/-jık встречается и в древнеуйгурском языке, например: bol-ma-juq-qa 'по небыванию'; bol-ma-juq-lar-u 'не найденные они'; tägä-mä-jük ägmis 'не выполнялись (годы и времена)' ¹⁵. Все эти формы древнеуйгурского языка по своему значению и происхождению соответствуют формам на -diq/-duу в других древних и современных языках; сравните те же параллельно употребляющиеся формы прошедшего времени на -diq/-jik от недостаточного глагола er-/ir- в самом тувинском языке, например, suу höj bolıan bolza, tağılaya eki bolıaj ertik (форма на -dyq) 'было бы хорошо для посевов, если бы было много воды' или bilgen bolza kelgej ertik 'если бы он знал, то он пришел бы' ¹⁶, с одной стороны, и sen düün kelgen boluza eki bolur ijik (форма на -jik) 'было бы хорошо, если бы ты вчера пришел' или daarta ajas xün bolur bolza eki bolur ijik 'было бы хорошо, если бы завтра был ясный день' ¹⁷ — с другой. В этих примерах частицы ertik и ijik имеют общее происхождение, из которых первая — ertik является более древней по своему фонетическому составу.

Частицы ijik (<i-jik) и ertik (<er-tik), встречающиеся в тувинском языке, первая как с причастиями прошедшего времени (например, Aq qys kelgen ijik be 'пришла ли Аккыс?'; qym kelgen ijik 'кто пришел?'), так и в сочетаниях с причастиями будущего времени (например, bolur ijik 'был бы'; pağar ijik 'пошел бы'), вторая же — с причастиями на -yaј/-gej — bol -yaј ertik 'было бы', а также частица -(ir-)čux, встречающаяся в хакасском языке (например, pağar (ir-) čux 'он пошел бы', pağ-yaj (ir-)

¹² А. Казембек. Общая грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1846.

¹³ Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмах. Указ. раб., стр. 379.

¹⁴ Н. Б. Бурганова. О временных формах глаголов изъявительного наклонения в за-казанском говоре. — В сб.: «Материалы по татарской диалектологии». Казань, 1974, стр. 23—24.

¹⁵ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 190.

¹⁶ «Тувинско-русский словарь». М., 1955, стр. 588 и 713.

¹⁷ «Тувинско-русский словарь», стр. 189 (см. там же другие примеры).

çux 'он, возможно, пошел бы'), — вполне соответствуют по своему значению частице *e-di* в других тюркских языках; сравните, например, в казахском языке: *kel-gep edi* 'он пришел', *bag-ar edi* 'пошел бы' и т. д.

Таким образом, в тюркских языках частицы *eg-tik* ~ (*ig-*) *çux* ~ (*i(r)-jik*) — производные глагольные формы прошедшего времени от недостаточного глагола *e* ~ *i* (<*eg* ~ *ig-*) 'быть', как следует из приведенных примеров, имеют не только единое лексическое значение, но и общее происхождение, так как аффиксы *-tyq/-tyγ* ~ *-dyq/-dyγ* [*>-dy(γ)/-ty(γ)*] ~ *-çux/-džux* ~ *-çux/-džux* [*>çu*] ~ *-jyq/-jik* являются инвариантами одного и того же аффикса, образующего форму прошедшего времени; сравните, например, тувинск. *eg-tik* ~ *i(r)-jik*, хакасск. (*ig-*) *džux*, древнеуйгурск. *eg-ti(k)*, во всех других тюркских языках *e(r)-di* ~ *i(r)di*. Что же касается наличия конечных *x/q/k* в аффиксе *-tyq/-çux/-jik* в формах *eg-tik* ~ *i(r)-jik* ~ (*ig-*) *-džux* и отсутствия их в формах *e-di* ~ *i-di* в других тюркских языках, то известно, что форма прошедшего времени на *-dy/-ty* произошла из причастия на *-dyγ/-tyγ*, которое полностью сохранилось в той же форме прошедшего времени в древнеуйгурском языке¹⁸, равно как в форме *eg-tik* — в тувинском языке.

Любопытно, что тюркским формам прошедшего времени на *-dyγ/-dyq* ~ *-tyγ/-tyq* ~ *-jyγ/-jyγ* ~ *-džux/-džyq* ~ *-çux/-çyq* ~ *-çu/-çü* соответствуют монгольские формы также прошедшего времени на *-žee/-čee* ~ *-dži/-či* ~ *-dž/-č*, восходящие, по мнению Г. Д. Санжеева, к более полной фонетической форме *-džuy-uγ/-čuk-uγ*¹⁹, которой окончание *-uγ*, возможно, придает модальное значение аудитива. «Форма на *-džee/-čee* в монгольских языках, — пишет Б. Х. Тодаева, — служит спрягаемой основой третьего прошедшего времени, обозначающего давно прошедшее действие, неизвестное до момента говорения слушателю», то есть с семантикой, весьма близкой к семантике формы на *-çux/-çyq* ~ *-çu/-çü* также прошедшего времени в хакасском, тувинском и киргизском языках (сравните примеры на монгольском современном языке: *öböddör Bat hotoos irdžee* 'сегодня Бат приехал, оказывается, из города'; *Džamjan ganсаара jawdž baja 33 čono aldžee* 'Жемьян, оказывается, один убил 33 волка'²⁰).

Г. И. Рамstedт, отмечая эту форму в монгольском литературном языке, также считал ее общей по происхождению с общетюркской формой прошедшего времени на *-dy/-ty*. Как утверждает Г. И. Рамstedт, аффиксы этой формы *-džui/-či* ~ *-dži/-či*, имея видоизмененный исконный *-dj/-tj*²¹ с последующим гласным, соответствуют тюркским *-dy/-ty*.

Итак, можно прийти к общему выводу, что все указанные выше фонетические варианты аффиксов, встречающиеся в тюркских и монгольских языках: *-djux/-tjyγ*; *-dyγ/-tyγ* (>*-dy/-ty*); *-džux/-džik* ~ *-çux/-čik* (>*-džy/-dži* ~ *-čy/-či* ~ монг. *-žee/-čee* ~ *-dži/-č* ~ *-jyγ/-jik* ~ *-jyq/-jik* ~ *-jy/-i* — в татарских диалектах), а также все их губные модификации восходят к единому их архетипу **-djyγ/*-dyγ*, причем формы с конечным гласным *-dy/-di*, *-ty/-ti*, *-džy/-dži* ~ *-čy/-či* ~ *-çu/-çü* и т. д. являются более новыми образованиями по сравнению с древними формами, имеющими

¹⁸ Н. А. Баскаков. Причастие на *-dy/-ty* в тюркских языках. — «Труды Московского института востоковедения», вып. 6. М., 1951, стр. 205—217; ср. также: Н. А. Баскаков. Об одном древнем типе структуры сказуемого в сары-югурском языке. — В сб.: «Тюркологические исследования». М., 1971, стр. 41—44.

¹⁹ Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. М.—Л., 1958, стр. 59; А. Бобровников. Грамматика монгольского языка. Казань, 1849, стр. 356—363.

²⁰ Б. Х. Тодаева. Грамматика современного монгольского языка. М., 1951, стр. 108—110.

²¹ Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 117. Вместе с тем Г. И. Рамstedт считает ошибочным возведение аффикса *-džui/-či* к полной форме *-džukuj/-čukuj*.

аффиксы с конечным согласным, то есть -djyγ ~ -džyx ~ -čyx ~ -сyx ~ -jyγ и т. д.; последние же в старописьменном монгольском языке соответствуют еще более полным, сложным формам -džuk -uj ~ -čuk -uj, в которых, впрочем, вторая часть аффикса (-uj) имеет иное модальное значение.

Однако, устанавливая общий генезис отмеченных выше форм на -dyγ ~ -džyγ ~ -čyγ ~ -jyγ и констатируя наличие параллельных форм в хакасском, тувинском и киргизском языках -dy/-ty и -čyx/-či с весьма близким значением прошедшего времени, а также ограниченное распространение формы на -čyx/-či (только в ареале восточных тюркских языков), мы можем предположить, что фонетические варианты формы на -čyx/-či характерны только для монгольских языков, в тюркских же языках (хакасском, тувинском и киргизском) они являются относительно новыми формами, заимствованными из соседнего монгольского языка, тем более, что именно восточные тюркские языки, в отличие от западных, характеризуются значительным монгольским влиянием как в области фонетики и лексики, так и морфологии.

М. А. АХМЕТОВ

ЗАЛОГИ ГЛАГОЛА В ЯЗЫКЕ ОРХОНО-ЕНИСЕЙСКИХ ПАМЯТНИКОВ И ИХ ОТНОШЕНИЕ К СОВРЕМЕННОМУ БАШКИРСКОМУ ЯЗЫКУ

Под категорией залога в современной тюркологии понимаются многосторонние отношения между субъектом и объектами предложения¹. В тюркских языках значение производной основы складывается из потенциального значения залоговых аффиксов, семантики исходной глагольной основы и способности объектов к действию или воздействию.

В языке орхоно-енисейских памятников и в современном башкирском языке имеются пять залогов: основной, взаимно-совместный, возвратный, страдательный и понудительный.

Основной залог. Основной залог в исследуемых языках не имеет специального показателя и совпадает с основной глагола.

Примеры: *kāl-* "kileü 'приходить', *jögy-* "jöröü 'ходить', *qač-* "qasyu 'убежать', *buṇad-* "moṇajyu 'горевать', *ötün-* "üteneü 'просить', *tut-* "totou 'держать'.

Взаимно-совместный залог. Взаимно-совместный залог в языке текстов образуется при помощи аффикса *-š*. Представлены варианты *-yš*, *-š* и *-s*: QCS² — *qačyš-* "qasysyu 'разбежаться' [О 1]; *süzlš—süzläš—"höjläšeü* 'поговорить, обсудить' [КТб 26]; *ögls—ögläš-* "ujlašyu 'рассудить вместе' [Тон 20].

В современном башкирском языке существуют варианты взаимно-совместного залога *-yš/-eš/-oš/-öš*.

В этом залоге зафиксированы три основы³, причем все они выражают совместное действие двух или более субъектов. *Inim Kül Tigin birlä sözläšdimiz* "Енем Kül Tigin menän höjläšteḡ 'Мы переговорили о делах с моим младшим братом Кюль-Тегинном' [КТб 26]; *Ol qan joq boltuqda käsrä äl jätmis, yčyṇmys, qačyšmys* "Ul xan ülgändän huṇ il ülgän, ys-qyṇ, qasyšqan 'Затем, когда этого хана не стало, народ наш погиб, рассеялся, разбежался' [О 1].

Возвратный залог. Возвратный залог в языке исследуемых памятников образуется с помощью аффиксов *-n* и *-l*. Зафиксированы следующие

¹ См.: С. Н. Иванов. Родословное древо тюрков Абу-л-Гази-хана. Ташкент, 1969, (глава IV); Х. Г. Нигматов. Залоги глагола в восточнотюркском языке XI—XII веков. — «Советская тюркология», 1973, № 1.

² В транслитерации твердые варианты согласных передаются заглавными буквами, мягкие — строчными.

³ Тексты памятников приводятся по книгам: С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951; его же. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952; его же. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959.

варианты этих аффиксов: *-yn/-in/-un/-n* и *-yl/-il/-ul*. Когда гласные основы и аффиксов подчиняются закону сингармонизма, гласный звук аффикса не пишется: DRN — *adyryn* — "*ajyrylyu* 'отделиться' [Ен 32]; TUTN — *tutun* — "*totonou* 'держаться' [Тон 25]; QRYN — *qarɣan* — "*qarɣanyu* 'клясться' [Ен 25]; itn — *itin* — 'делаться' [КТб 10]; IYL — *jayyl* — "*berläſeü* 'присоединяться' [Тон 5]; trl — *tiril* — "*jylylyu* 'собираться' [Тон 28].

При негубных гласных основы и губных аффикса гласный звук аффикса передается графически: IRTUN — *jaratun* 'создать' [КТб 10]; TSUL — *tasul* — "*kütäreleü* 'подниматься, восстать' [О 8].

В исследуемых текстах представлено одиннадцать основ в форме возвратного залога, семь из них образованы посредством аффикса *-n*, четыре — *-l*.

Основы, образованные при помощи аффикса *-n*: *tutun* — "*totonou* 'держаться, придерживаться' [Тон 25]; *itin* — *jaratun* — '(что-либо) сделать, создать для себя' [КТб 10]; *adyryn* — "*ajyrylyu* 'отделиться' [Ен 32]; *qarɣan* — "*qarɣanyu* 'клясться' [Ен 25]; *qanlan* — "*xanlanyu* 'стать имеющим хана' [Тон 2]; *atlan* — "*atlanyu* 'сесть на лошадь' [КЧ 20]; *qatyɣlan* — 'мужаться' [Ен 10, 11, 45, 47].

Основы, образованные при помощи аффикса *-l*: *tiril* — "*jylylyu* 'собираться' [Тон 28]; *aryl* — "*aryu* 'изнуриться' [КТм 9]; *jayyl* — "*quşylyu* 'присоединяться' [Тон 5]; *tasul* — "*kütäreleü* 'восстать' [О 2].

Основы с аффиксами возвратного залога имеют значение: 1) собственно-возвратное: *Qarluq atlanty* "*Qarluq(tar) atlandy(lar)* 'Карлуки сели на лошадей' [КЧ 20]; *Joqaru at jätä, jadayyn, yuč tutuny ayturtum* "*Juqary attardy jetäk län, jäjäü, ayaşqa totonop kütarelderdem* 'Я заставил подняться вверх, ведя лошадь на поводу, пешком, удерживаясь деревянными шестами' [Тон 25]; *Budun anta bärnäziŋa tasulmys* "*Xalyq ul vaqytta birmädkä kutärelde* 'Народ тогда поднялся, чтобы не отдать его врагам' [О 8]; 2) активно-возвратное: *Jayy bolyp, itinü-jaratunu umaduq, jana içik mis* "*Doşman bulyp, üdenä his nämä eśläŋ almaŋ, jänä bujhondo* 'Став врагом и не будучи в состоянии что-либо сделать, создать для себя, он опять подчинился' [КТб 10]; 3) общевозвратное: *Qaqa budunum, qatyɣlanuŋ* "*Barlyq xalqum, qatylanyuud* 'Мой весь народ, мужайся' [Ен 10]; *Qor anta alqyntuŋ, aryltuŋ* "*Unda kübehe xälheðlände, aruny* 'Там многие изнемогли и изнурились' [КТм 9].

В современном башкирском языке возвратный залог образуется также с помощью аффиксов *-n/-yn/-en/-on/-ön* и *-l/-yl/-el/-ol/-öl* и имеет все значения, представленные в языке орхоно-енисейских памятников⁴.

Страдательный залог. Данный залог в языке памятников и в современном башкирском языке образуется при помощи аффиксов *-l* и *-n* от основ на *-l* и производных глаголов, образованных аффиксом *-la* (о вариантах и графической передаче этих аффиксов см. выше). В языке текстов зафиксированы четыре основы в страдательном залоге: *ätil-*

⁴ В башкироведении принято считать, что возвратный залог образуется только с помощью аффикса *-n*. Однако имеется много производных основ с аффиксом *-l*, где его возвратное значение очевидно. Например, *bär-el-eü* 'удариться': *Marat ayaşqa bärelde* 'Марат ударился о дерево'; *as-yl-yu* 'открыться': *Jšek übenän übe asyldy* 'Дверь вдруг сама собой открылась' и т. п. Эти примеры показывают, что действие совершается субъектом и направлено на субъект же.

В современном башкирском литературном языке возвратный залог от новых глаголов образуется при помощи аффикса *-n*. Это позволяет сделать вывод, что формы возвратного залога с аффиксами *-l* — древние, оставшиеся от эпохи недифференцированного состояния возвратного и страдательного залогов (тем более, что аффиксы *-n* и *-l* являются генетически родственными), и что в современном башкирском литературном языке возвратный и страдательный залогов дифференцировались.

"iteleü, ešläneü 'быть сделанным' [Ен 41], boıuzlan- "boıađlanıy "быть удушенным" [Тон 26], alyp- "alynıy 'быть взятым' [Тон 26], qylyp- "tär-biäläneü 'быть воспитанным' [Тон 1], 'быть сотворенным' [КТб 1].

Все примеры имеют собственно-страдательное значение: Jäti äšnuqy äšim taşu ätilti "Jete kürenekle ešem sittä ešlände 'Семь моих передовых дел были совершены вонне' [Ен 41]; Bän bäs jägirmi jašda alynımyşım "Min un biş jäštä alynıanıtıp 'Я был взят в пятнадцать лет' [Тон 26].

Основы, имеющие и возвратное, и страдательное значение. Ниже следующие основы с аффиксами *-l* и *-n* имеют значение и возвратного, и страдательного залогов: jārıl- "ajıyrylyu 'отделиться, быть отделенным': Ar ärdämim, adaqy ägäcimä, apa, ägmäç, ägät jāriltım "Irlegem, babajım, äsäjem, qatynım, öj ešeläre, heđđan ajıyryldım 'Моя геройская доблесть, батюшка мой, от моей тетки; мать, супруга, служанки, от всех вас я отделился (то есть умер)' [Ен 46]; adıryl- "ajıyrylyu 'отделиться, быть отделенным': Sizimä, juz qadaşyma, alty budynıma, sizimä adırylytım "he đđan, jöđ iptäšem, alty qäbiläm, he đđan ajıyryldım 'От вас мои сто приятелей, от шести родов моего народа, от вас моих я отделился' [Ен 49]; qatyl- "bäreleü 'столкнуться': Qan süsi birlä qatyltım "Xan yäsk'äre mēnān bäreldem 'Я столкнулся с ханскими войсками' [МЧ 7]; aqlan- "aqlau 'узнать, быть узнанным': Äsän änip aqlanıp "Jöän töšöp häm aqlap 'Благополучно спустившись и узнав' [Ен 38].

Таким образом, и возвратный, и страдательный залогов в языке орхоно-енисейских памятников образуются с помощью аффиксов *-l* и *-n*. Кроме того, ряд основ с аффиксами *-l* и *-n* имеет значение и возвратного, и страдательного залогов. Это позволяет сделать вывод, что в языке памятников возвратный и страдательный залогов не были дифференцированы, и их можно определить как единый возвратно-страдательный залог.

В современном башкирском языке лишь незначительное количество глаголов участвует в образовании возвратного залога с аффиксом *-l*, а из новых глаголов возвратный залог образуется с помощью аффикса *-n*. Поэтому можно считать, что в современном башкирском языке возвратный и страдательный залогов дифференцировались.

Понудительный залог. Понудительный залог образуется от глаголов переходных и непереходных и всегда обозначает переходное действие.

В языке памятников представлены следующие аффиксы понудительного залога:

1) *-t/-yt/-ut*: İYUT — jayut- "jaqynajıtyu 'приблизить' [КТм 5]; BST — basyt- "bađıtyıy 'раздавить' [Тон 34]; OLRT — olurt "ultırtıy 'посадить' [КТб 26]; jügürt — jügürt- "jögörtöü 'заставить бежать' [Тон 34];

2) *-ür/-yr/-ir*: Klür — kälür- "kiltireü 'принести' [Тон 36]; TSYR — taşıyır- "kütäreldereü 'заставить подниматься' [МЧ 22]; içgr — içigir- "bujhondorou 'заставить подчиниться' [МЧ 7];

3) *-tur/-tür*: YTUR — aytur- "kütäreldereü 'заставить подняться' [Тон 25]; kltür — kältür- "kiltireü 'приводить' [Тон 54];

4) *-tyz*: LTZDY — altyzdy- "aldırđy 'пустил взять' [КТб 38];

5) *-yz*: UZD — udyz- "ejärteü 'заставить следовать' [Тон 5];

6) *-gür*: kigür — kigür- "kiltireü 'приводить' [КТб 23].

Зафиксированы нижеследующие основы с аффиксами понудительного залога:

С аффиксом *-t*: ölüt- "ültereü 'убить' [Тон 3]; ilsirät- "ilheđländereü 'лишить страны' [КТб 15]; qayansırat- "qayanhyđlandıy "лишить кагана' [КТб 15]; oquysırat- 'лишить потомства' [КТб 10]; joylat- "jerläteü 'совершить погребение' [Тон 31]; qobart- "kübjäteü 'увеличить' [КТм 10, КТб 12]; ulıart- "oloıajıtyu 'возвысить' [Тон 53]; qysalat- "quđtalatıy

‘теснить’ [БК 37]; qamašt- “qamaštyru ‘дать ослабеть ногам’ [КТ6 47]; oŋraqlat- ‘приказать остановиться лагерем’ [Тон 25]; аyyt- ‘прогнать’ [БК 31]; sū joryt- “jau saptyru ‘вести в поход’ [Тон 25, 35, КТм 4, 6]; cūlāt- “jau saptyru ‘вести в поход’ [Тон 18, 43, 53]; olurt- “ultyrtyu ‘посадить’ [КТ6 27]; jüqürt- “jögörtöü ‘заставить бежать’ [Тон 54]; toqyt- “töddötöü ‘заставить построить’ [МЧ 20]; itit- “ittereü ‘заставить делать’ [МЧ 20]; bitit- “jadduŋu ‘заставить написать’ [Тон 58]; uylat- “ilatyu ‘заставить плакать’ [Ен 28]; basyt- “baŋtyru ‘позволить раздавить’ [Тон 34]; jaŋut- “jaŋnapjtyu ‘приблизить’ [КТм 5].

С аффиксом -üŋ: kälür- “kiltäreü ‘доставлять’ [Тон 35]; ölüŋ- “ültereü ‘убивать’ [Тон 7, КТ6 10]; tägür- “jetkereü ‘доводить’ [Тон 19]; tūsür- “tösögöü ‘приказать, заставить сойти’ [Тон 27]; bötür- “bötgögöü ‘выполнять, исполнять’ [КЧ 23]; ičigir- “bujhondogou ‘подчинить, заставить войти вовнутрь’ [МЧ 7, 28, БК 35]; kăčür- “kistäreü ‘приказать, заставить переправиться’ [МЧ 36]; tašuyŋ ‘выйти из повиновения’ [МЧ 22]; ögür- ‘созывать’ [Ен 32].

С аффиксом -tur: jantur- “qajтары ‘заставить возвратиться’ [Тон 45]; qontur- “qundyru ‘поселить’ [КТ6 21, 38]; bintür- “mendereu ‘приказать сесть на лошадь’ [Тон 25]; jüküntür- “bašyn ejdereü ‘заставить склонить голову’ [КТ6 2, 15, 18, БКх6 10]; kältür- “kiltäreü ‘приводить’ [Тон 54]; аytur- “kütäreldereü ‘приказать подняться’ [Тон 25]; jögtür- kütäreü ‘возвысить’ [КЧ 2]; joŋ ärtür- “jerläteü ‘устроить похороны, похоронить’ [БКха 10, КТ6 10].

С аффиксом -tyz: altyz- “aldyru ‘заставить, попустить взять’ [КТ6 38].

С аффиксом -yz: udyz- “ejärteü ‘заставить следовать’ [Тон 5, КЧ 13].

С аффиксом -gür: kigür- (<kil+gür) “kiltäreü ‘принести’ [КЧ 20, КТ6 23].

Таким образом, представлены двадцать одна основа с аффиксом -t, десять основ с аффиксом -ur, восемь основ с аффиксом -tur и по одной основе с аффиксами -tyz, -yz и -gür.

В современном башкирском языке существуют аффиксы -t (не имеет гласных), -ur (варианты: -ar/-är/-yr/-er/-or/-ör), -tur (варианты: -dyr/-der/-dor/-dör/-dori/-dör/-dyr/-der), -gür (варианты: -qyr/-ker/-qor/-kör/-qar/-kär). Аффикс -yz в виде -yŋ/-ed сочетается с несколькими основами: аq- ‘течь’ — аyyud-уи ‘проливать’, tam- ‘капать’ — tamud-уи ‘заставить капать’. Не сохранился аффикс -tyz. Он и в языке памятников встречается всего один раз, поэтому его можно отнести к диалектальным явлениям. Кроме того, аффиксы -tyz и -tur, -yz и -ur генетически родственные, ибо в древности в тюркских языках существовало чередование $r \sim z^5$.

Синтаксическое отношение глаголов и аффиксов понудительного залога следующее: основы глагола с аффиксами понудительного залога, образованные от глаголов непереходных, управляют определенной и неопределенной формами винительного падежа, к процессу действия имеют отношение два лица: грамматический субъект (подлежащее) и грамматический объект (дополнение в определенной и неопределенной формах винительного падежа); основы глагола с аффиксами понудительного залога, образованные от глаголов переходных, управляют определенной и неопределенной формами винительного падежа, дательным, творительным падежами, и к процессу действия имеют отношение три лица: грамматический субъект (подлежащее), II грамматический объект (вы-

⁵ См.: А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 195.

раженное или невыраженное дополнение в дательном или творительном падежах) и I грамматический объект (дополнение в определенной или неопределенной формах винительного падежа).

Отношение между производителем действия и объектом (объектами) основ с аффиксами понудительного залога определяется значением как исходной основы глагола, так и объекта (объектов). Так, в глаголах понудительного залога, образованных от основ непереходных, отношение между субъектом и объектом следующее:

а) если объект в винительном падеже не может производить действие, то грамматическое подлежащее само выступает в роли лица — производителя действия, и превращает объект во что-либо, то есть лицо — реальный производитель действия — грамматический субъект (подлежащее), лицо, подвергающееся действию, — объект (дополнение в винительном падеже). В этом случае функции аффиксов понудительного залога ограничиваются превращением непереходных глаголов в переходные;

б) если объект является действующим лицом, то объект по воле грамматического субъекта (подлежащего) производит действие над собой, то есть превращает себя во что-то; другими словами, и лицо — реальный производитель действия, и лицо, подвергающееся действию, — объект.

В глаголах понудительного залога, образованных от основ переходных, отношение между субъектом и объектом следующее:

а) если I объект не может подвергаться действию или действовать по воле субъекта, II объект производит действие над собой, то есть и лицо — реальный производитель действия, и лицо, подвергающееся действию, — II объект;

б) если I объект может подвергаться действию, то по воле субъекта (подлежащего) II объект производит действие над I объектом, то есть побуждающий, или понуждающий к действию — субъект, лицо — реальный производитель действия — II объект, лицо, подвергающееся действию, — I объект.

Таким образом, собственно-понудительное значение имеют лишь основы с аффиксами понудительного залога, образованные от непереходных основ, где объект может действовать, и от переходных основ.

Присоединение аффиксов понудительного залога к непереходным глаголам, где объект не может производить действия, лишь преобразует непереходный глагол в переходный.

Остановимся на примерах:

Исходная основа — непереходный глагол.

а) Лицо — реальный производитель действия — субъект, лицо, подвергающееся действию, — объект: *Ičikdük üčün täñri ölütmis ärinč* "Буһһонһан өсөн тәңре үлтергән бит 'Из-за подчинения ведь небо умертвило тебя' [Тон 3]; *Qatun joq bolmys ärti, any joylatajyn, — tidi* "Qatynym ülgän ine, uny jerlätäjem, — tine 'Моя жена умерла, я хочу совершить погребение, — сказал он' [Тон 31]; *Jäti börü ölürdüm* "Jete büre ültärdem 'Я убил семь волков' [Ен 11]; *Käntü janlytyr jablaq kigürtig* "Üdeñ janlystyñ, jamanlyq kilterden 'Ты сам ошибся и сделал низость' (букв. 'плохое принес') [КТб 23]; *Layzyn jyl bisinč aj jiti otuzqa joy ärtürtüm* "Duñnyñ jylynda, bişense ajda, 27-nse köndä jerlättem 'В год Свиньи, в пятый месяц, в двадцать седьмой день я устроил похороны' [БКха 10]; *...tduqta jögtürmis yşbara Cyqan Küli Cür bolmys* "...yändä kütäreüse yşbara Cyqan Küli Cür bulyan 'Когда мы ... (что-то делали), возвысивший был ышбара — Чыкан Кули-Чур' [КЧ 2].

б) Побуждающий к действию — субъект, лицо — реальный производитель действия и лицо, подвергающееся действию, — объект: *Aq tärmäl*

käčä oŋraqlatdym "Aq-Tärmälde kisep syqqas lager jahattym 'Переprавясь через Ак-Термель, я приказал остановиться лагерем' [Тон 25]; Tängri qaŋan olurtdy ärinä "Tängre qaŋan itep ultyrtty bit 'Ведь небо посадило каганом' [КТб 26]; Ciz taşyqyŋ, čikig taşyŋyryŋ, — timis "Heđ kütärelegeđ, čiktärde lä kütärelderegeđ 'Он сказал: вы выйдите из союза, (то есть восстаньте), принудьте и чиков к восстанию' [МЧ 22]; Başlyŋyŋ jüküntürmis, tizligig sökürmis "Başlyny ejeldergän, teđlene teđländergän 'Имеющих головы заставил склонить головы, имеющих колени заставил преклонить колени' [КТм 2]; Jäti juz kisig udyzyŋma, uluŋy, šad ärti "Jete jöđ kešene ejärteüse, oloho, šad ine 'Тот, кто семьсот людей заставил последовать, старший из них, был шад' [Тон 5]; Äkisin özi altyzdy "Ikehen üde aldyrđy 'Двух из них он сам попустил взять' [КТб 38].

Исходная основа — переходный глагол.

а) Понуждающий к действию — субъект, лицо — реальный производитель действия и лицо, подвергающееся действию, — II объект: Joŋaŋu at jätä, jadaŋyŋ, yŋač tutuny aŋturtum "Juŋaŋu attar (đu) jetäklär, jäjäu, aŋas totonop kütärelderđem 'Я заставил взойти вверх горы, ведя лошадь на поводу, пешком, удерживаясь деревянными шестью' [Тон 25]; Toŋyŋyŋy käčürü... "Toŋyŋyŋy kisterep... 'Велев переправиться через Тогуругу...' [МЧ 36].

В этих предложениях I объекты в винительном падеже «гора» и «река Тогуругу» не могут быть подвержены действию, поэтому и лицом — реальным производителем действия, и лицом, подвергающимся действию, выступает II объект в виде логического дополнения в творительном падеже: кого заставил действовать? Его, их;

б) понуждающий к действию — субъект, лицо — реальный производитель действия — II объект, лицо, подвергающееся действию, — I объект: Cyt anta toqyttym "Unda nyŋytma töđöttöm 'Там я заставил построить крепостные стены' [МЧ 20]; Örgin anta ititdim "Unda haraj töđöttöm 'Там я заставил построить дворец' [МЧ 20]; Qaraŋy ädgüti uŋŋyl, basytma, — timis "Qaraulydy jakšy tot, bađtyrma, — tigän 'Хорошенько держи караул, не позволяй себя раздавить, — сказал он' [Тон 34].

Как видно из примеров, в этих предложениях I объекты в винительном падеже čyt 'крепость', örgin 'дворец', в третьем предложении логический I объект 'себя' — могут подвергаться действию, поэтому II объект в винительном падеже превращает их в нечто.

Таким образом, в языке орхоно-енисейских памятников и в современном башкирском языке аффиксы понудительного залога присоединяются к переходным и непереходным глаголам* и имеют две функции: 1) глаголы непереходные при присоединении аффиксов понудительного залога, где объект—действующее лицо, преобразуются в глаголы переходные; 2) от основ непереходных, где объект может действовать, и от переходных основ образуется понудительный залог.

Глагольные основы с фузирванными залоговыми аффиксами. В ряде глагольных основ языка орхоно-енисейских памятников ясно различимы залоговые аффиксы. Этимологию первичных корней этих основ раскрывает сравнительно-исторический анализ. Приводим зафиксированные примеры.

Глагольные основы с аффиксами возвратно-страдательного залога:

1) ökin-, okün- "ükeneŋ 'грустить, раскaiваться, сожалеть' [КТб 23, БК 38]. В языке памятников ö- имеет значение 'думать'. Так как древние корни не дифференцировались на имя и глагол, закономерно предпо-

ложить, что от *ö* 'мысль, дума' при помощи глаголообразующего аффикса *-k* образован глагол *ök-* 'думать', а от него — залоговая форма *ökin-*, значение которой, может быть расширено: 'думать > грустить > сожалеть > раскаиваться'. Глагол *ökin-* 'грустить' сохранил собственно-возвратное значение;

2) *ötün-* "üteneü 'просить, молить' [О 8]. В языке памятников древнетюркской письменности слово *ötüg* имеет значение 'просьба'⁶, где ясно вычленяется глагольный корень *öt-* 'просить'. *Ötün-* 'просить для себя, молить' — форма возвратного залога от *öt-* 'просить'. Он сохранил собственно-возвратное значение;

3) *sābin-* "höjöpöü 'радоваться' [БК 2]. В древнетюркских языках есть слово *sāb-* "höjöö 'любить'⁷, значение которого могло быть и шире. *Sābin-* 'радоваться' имеет общевозвратное значение;

4) *jöbal-* 'испытывать неудобства, мучения; мучиться' [Тон 26]. В современном башкирском языке *jubaŋu* имеет значение 'чувствовать недомогание, быть не в настроении, лениться'. В языке исследуемых памятников встречается слово *jabug-* или *jabgu* со значением «притеснять, погубить, мучить» [БК 37]. Вычленяется первоначальный корень *job*, *jab*, который в период недифференцированных корней мог иметь значение «мучение, мучить, мучиться» и т. п. *Jöbal-* 'испытывать мучения, неудобства' сохраняет общевозвратное значение;

5) *saqun-* "haŋuŋu 'думать, горевать, грустить' [БКхс 6, БК 2, 33, МЧ 46, 11, КТб 10, Тон 5, 22, Оа 2]. Этимология первичной основы *sak* затемнена. Вторичная основа с омертвелым аффиксом возвратно-страдательного залога *-(y)n* имеет общевозвратное значение;

6) *äšin-* "atta hybaj jögöü 'ездить на коне' [Ен 41]. В современном башкирском языке *is-eü* 'грести, загребать', *äsäk* (*š~s* + имяобразующий аффикс *-äk*) 'проезжие' в составе фразеологического сочетания *äsäk-häsäk kešelär* 'проезжие, неизвестно какие люди'. *Äš* в древности мог обозначать езду и вообще движение. *Äšin-* имеет собственно-возвратное значение;

7) *tiril-* "tereleü 'остаться в живых, ожить' [БК 31]. В современном башкирском языке *tere* обозначает «живой», в диалектах башкирского языка *tergeŋeü* (*ter-* + аффикс понудительного залога *-geŋ*) имеет значение «оживить». Ясно, что в древности *tir* или *tiri* имел и глагольное значение. Неразложимая основа с мертвым аффиксом возвратного залога имеет собственно-возвратное значение;

8) *orul-* 'поглощаться' [КЧ 19, 23]. В современном башкирском языке *ub-yu* (*o > u*, *p > b*) обозначает «провалить, взваливать, обвалить, поглощать». *Orul-* 'поглощаться' — омертвелая форма возвратного залога от *or-||ub-yu* 'поглощать'. Возможно, *orul-* имел значение возвратного залога, но так как не зафиксирована форма *or-*, мы условно включили его в данный раздел;

9) *ükül-* 'увеличиваться' [Тон 32]. В современных тюркских языках *kür* обозначает «много». В древнетюркских языках существовало слово *üklit-* со значением «увеличивать»⁸. Здесь вырисовывается первичный корень *ükü*, который мог иметь значение «много, умножать, увеличивать, умножаться, увеличиваться», позже сросшийся с залоговым аффиксом *-l*;

10) *jükün-* "teŋläneü 'кланяться, присесть' [Тон 28]. В языке наших памятников *jüŋ-yuŋ* обозначает «утапывать снег ногами», *jügür-* 'бежать'. Закономерно предположить, что *jüg||jüŋ||jük* обозначало в древ-

⁶ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 408.

⁷ Там же, стр. 420.

⁸ Там же, стр. 440.

ности какое-то движение. Jūkūp- 'кланяться' сохранил собственно-возвратное значение.

Глагольные основы с аффиксами взаимно-совместного залога:

1) sūñūs-, sūñūš- "ñuγušu 'сражаться, воевать' (БК 35, КТб 5, 18). В языке исследуемых памятников sū имеет значение «войско», в современном башкирском языке huq- (s > h) 'ударить, бить'. Мы предполагаем sūk-||huq- 'ударить, бить', sūñūš-||ñuγuš- 'биться, драться' > 'сражаться, воевать';

2) qabys- 'воевать, столкнуться' [Тон 12, 20];

3) qabyš- 'соединяться' [МЧ 23, 28]. В современном башкирском языке qar- имеет значения «встретить», «схватить», «поймать» и используется для придания экспрессивной стилевой окраски, употребляясь вместо глаголов, обозначающих эти понятия. Например: Аһа, qартуһты?! 'Ага, попался?!'. Значение «воевать» могло развиваться от «встретиться, столкнуться»;

4) qamaš- 'ослабеть (о ногах)' [КТб 47]. В современном башкирском языке ајаq qamašu обозначает: а) «оскомина, набить оскомину», б) 'устать'. Вообще, значение этого выражения близко к «схватывать»: ајаq qamašu 'ноги схватывать'. В письменных древнетюркских памятниках qamut- (корень qam + аффикс повелительного залога -ut) обозначал «держатъ, удерживатъ, волноватъ, охватитъ»⁹. Можно предположить, что в древнетюркских языках qam- обозначал «держатъ, удерживатъ, схватитъ» и т. п., откуда и qamaš-||ајаq qamašu 'онеметь, устать, ослабеть (о ногах)'.

В приведенных примерах основы с аффиксом -s/-š сохраняют взаимно-совместное значение.

Глагольные основы с аффиксами повелительного залога:

1) aryt- "edläü, arytu 'разыскивать' [Ен 28]. Понятие «искать, разыскивать» в современном башкирском языке передается словом edläü, где корень ed 'след'. В истории тюркских языков известно чередование r ~ z. Поэтому мы предполагаем, что ar- или aru- в древности мог обозначать также «след, искать, разыскивать»;

2) ämgät 'мучить, притеснять' [БКхб 13]. В башкирском языке imgäpeü обозначает «калечиться», imgäteü 'искалечить', однако предполагаемого корня imgä не существует. Следовательно, в орхоно-енисейском ämgät- 'мучить, притеснять' и башкирском imgäteü 'искалечить', imgäpeü 'калечиться' залоговые аффиксы срослись с корнем еще в древности;

3) jarat- "jaratu 'создавать, устраивать, строить' [КТм 12, КТб 13, 53, МЧ 20]. В различных древнетюркских языках jar- обозначал «устраивать, строить»¹⁰. Значит, jarat- состоит из корня jar- + аффикс повелительного залога -at.

Все основы с омертвелыми аффиксами повелительного залога являются переходными.

Таким образом, в языке орхоно-енисейских памятников залоговые аффиксы срослись с некоторыми корнями, образовав вторичные неразложимые основы, сохранившие значение соответствующей залоговой формы. Залоговые аффиксы в таких основах в некоторых работах получили название «мнимо-залоговых аффиксов»¹¹. На наш взгляд, залоговые аффиксы в данных основах были и остаются полноценными залоговыми аффиксами, сохраняющими свои основные значения и функции и лишь сросшимися с исходной основой.

⁹ С. Е. Малов. Указ. раб., стр. 441.

¹⁰ Там же, стр. 384.

¹¹ См.: С. Н. Иванов. Указ. раб., стр. 131.

Неправильно было бы также отмечать словообразовательные функции таких залоговых форм только потому, что на данном этапе развития языка они не расчленяются на корень и аффикс. Лексикализация грамматических форм обычно происходит тогда, когда в языке используется одно слово из звена (или даже из возможного звена), в котором производные формы связаны релятивными или деривационными отношениями¹². Лексикализация, то есть фузирование залоговых форм, должна происходить легче и чаще, ибо в тюркских языках залоговые образуются не только от первичного корня, но и от других залоговых форм. Поэтому в этих примерах вопрос может ставиться только так: залоговые аффиксы при присоединении к первичным основам имели залогообразующую или словообразовательную функцию. Как можно понять из упоминавшейся уже работы С. Н. Иванова, залоговые формы образуют новые слова при определенных условиях, а именно при изменении объектных связей производной и исходной основ¹³. Можно добавить, что словообразование особенно наглядно, когда в значении исходной основы не предполагается объектная связь, «навязываемая» залоговым аффиксом и синтаксическим употреблением новой основы.

В этих условиях можно усмотреть и базу для метафорического переосмысления производной основы¹⁴ (кроме случаев, где метафорическое переосмысление основано на ассоциации близких явлений, сопровождающихся также изменением объектных связей). Например, современное башкирское *küreſeſi* 'встретиться (вместе)' и *küreſeu* 'здороваться за руку', или *atlat*¹⁵ 'снарядить в конный поход' от первоначального значения «посадить (велеть садиться) на коня».

Изменение объектных связей является основой для метафорического переосмысления и глагольных корней, то есть корней без залоговых аффиксов. Например, современное башкирское *qaſau* в своем основном значении управляет направительным падежом: *igtapſa qaſau* 'смотреть в лес, в сторону леса', *öjgä qaſau* 'смотреть в дом, в сторону дома'. При изменении объектных связей указанное значение расширяется, приобретая новые: «разглядывать», «присматривать», «заниматься (чем-то)», «выращивать», «воспитывать» и т. п. Сказанное подтверждается примерами: *öjbö qaſau* 'разглядывать дом', *öj qaſau* 'заниматься домашним хозяйством', *igtapdu qaſau* 'разглядывать лес', *igtap qaſau* 'присматривать за лесом', 'выращивать лес', *balan qaſau* 'разглядывать ребенка', 'присматривать за ребенком, нянчить ребенка', *üdeſde qaſau* 'следить за собой', *auuguıdu qaſau* 'присматривать за больным, лечить больного'.

В результате возникает новая лексическая единица *qaſau* 'присмотр', 'уход', 'надзор'. Например: *qaſauıud* 'без надзора', 'без внимания', 'без ухода', 'запущенный, заброшенный' и т. п.; *qaſausu* 'присматривающий', 'тот, кто присматривает, ухаживает, нянчит' и т. п.; *at qaſausu* 'конюх', *balä qaſausu* 'няня, нянька', *qoſ qaſausu* 'птицевод' и т. д.

¹² Мы также склонны видеть в явлении фузии словообразование, но не тогда, когда сращение грамматических форм слов происходит без какого-либо изменения значения и грамматических характеристик слова (например, современный башкирский *karı* 'старый', 'старик' и архаический *kaſu* в том же значении; современный башкирский *äit* 'сказать, говорить' и древнетюркский *aj* 'сказать, говорить' и т. д.). Можно сказать лишь, что фузия «закрепляет» уже сложившиеся между языковыми элементами отношения.

¹³ См.: С. Н. Иванов. Указ. раб., гл. IV; см. также: Х. Г. Нигматов. Указ. раб.

¹⁴ С этим явлением перекликается тенденция к созданию новых образных слов в современных тюркских языках, в частности, в современном башкирском, путем «необычного» употребления слова.

¹⁵ Пример взят из книги: С. Н. Иванов. Указ. раб., стр. 131.

Возникает вопрос: почему *qaġau* 'смотреть' с дополнениями в одном падеже образует новые слова с разными оттенками значения? В этом случае основную роль играет способность только к определенному действию или к воздействию объекта, выраженного винительным падежом: лес можно выращивать, ребенка можно лишь нянчить, за больным — присматривать и лечить.

Образование основного значения глагола в результате способности к определенному действию или воздействию объекта особенно наглядно проявляется в следующем примере: *jöp teteü* 'трепать, мотать шерсть'; *Maratty teteü* 'сильно отругать (избить) Марата', 'дать жару Марату'.

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что словообразующие функции залоговых аффиксов первоначально базировались на образном употреблении производной основы. Возможность наиболее полного раскрытия функций залоговых форм мы видим в изучении их синтаксической и лексической сочетаемости с обязательным выяснением способности к действию или воздействию объектов.

Об аффиксах *-laš*, *-lan*, *-lat*.

Эти аффиксы являются сложными и состоят из глаголообразующего аффикса *-la/-lä* и залогообразующих аффиксов — соответственно *-š*, *-n*, *-t*. Одни ученые рассматривают эти аффиксы как залоговые формы глагольных основ с аффиксом *-la/-lä*, другие признают в них следующую ступень развития аффикса *-la/-lä*¹⁶.

В настоящее время тюркологами признается, что аффиксы *-laš*, *-lan*, *-lat* в современных тюркских языках имеют двоякую природу:

а) залогообразующие компоненты утратили свое чисто залоговое значение и срослись с основным словообразующим компонентом *-la/-lä*, приняв форму единого неделимого аффикса;

б) залогообразовательные компоненты образуют соответствующий залог, и тогда эти аффиксы распадаются на словообразующий и залогообразующий компоненты.

Говоря о различии неделимых аффиксов *-laš*, *-lan*, *-lat* от аффикса *-la/-lä* с залогообразующими аффиксами *-š*, *-n*, *-t*, следует привести следующее замечание А. Н. Кононова: «В тех случаях, когда аффикс *-лан* разлагается на *-ла* + *-н*, морфема *-н* всегда является показателем страдательно-возвратного залога: *имзо* 'подпись', *имзо-ла-моқ* 'подписывать' — *имзо-ла-н-моқ* 'быть подписанным, подписываться'; *Буйруқ имзоланды* 'Приказ подписан'; *сарф* 'расход', — *сарф-ла-моқ* 'расходовать', — *сарф-ла-н-моқ* 'быть расходуемым, расходовать'»¹⁷.

Значит, по А. Н. Кононову, когда *-lan* распадается на слогаобразующий и залогообразующий аффиксы, от основ, образованных с помощью *-lan* (*сарф-лан-моқ*), можно образовать основной залог (*сарф-ла-моқ*). Этот критерий, по нашему убеждению, можно применять ко всем сложным аффиксам, состоящим из глаголообразующего элемента *-la/-lä* и показателя залога, как *-laš*, *-lat*, *-laštyr*, *-landyr*, и учитывать их способность к образованию не только основного, но и других залогов. Иначе говоря, если от основы, образованной с помощью *-laš*, *-lan* или *-lat*, можно образовывать другие залогов, то показатели залогов будут выступать как залогообразующие аффиксы и, наоборот, если основа употребляется только с одним из этих аффиксов, то этот аффикс будет неделимым словообразующим аффиксом. Например, башк. *bašlau* 'начинать' — *bašla-*

¹⁶ О взглядах ученых на природу аффиксов *-лан*, *-лат*, *-лаш* см.: Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, стр. 97, 133—135, 175.

¹⁷ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка, стр. 250.

š-уи 'помогать начинать, совместно начинать' — bašla-t-уи 'заставить начинать' — bašla-t-туг-уи 'заставить начинать третье лицо при помощи второго' — bašla-n-уи 'быть начатым, начинаться' и at-lan-уи 'сесть верхом на лошадь' (формы atlaš-уи, atlat-уи и т. п. отсутствуют).

Это не исключает того, что в каждом отдельном случае следует обстоятельно учитывать как значения и оттенки значений каждой основы, от которой образован глагол, так и значения и оттенки значений показателя залога, как на это указывает Э. В. Севортян¹⁸.

Причину сращения залогообразующих аффиксов и основ глагола с аффиксом *-la* мы видим в значении как основы глагола: переходность — непереходность глаголов с аффиксом *-la*, исторически являющаяся представлением об активности и пассивности предметов, явлений, признаков и свойств, выражаемых исходными именными основами¹⁹ и залогообразовательных аффиксов, сросшихся с глаголом на *-la* (например, *-š* в разных языках обозначает: взаимность, совместность, множественность лиц, многократность и полноту, а также усиление, интенсивность и продолжительность действия, соревнование, помощь при совершении действия и др.)²⁰, *-t* — способность преобразовывать непереходные глаголы в переходные и образовывать от переходных глаголов понудительный залог²¹, так и в значении и характере употребления новой основы (метафорическое переосмысление, закрепление основы за одним процессом, состоянием, явлением и т. д., например, башк. *hajlanуи* 'привередничать' от *hajlau* 'избирать', 'выбирать' и *hajlanуи* 'быть избранным, избираться, выбирать').

В языке исследуемых памятников имеются два глагола с аффиксом *-laš*, шесть глаголов с *-lan* и пять — с аффиксом *-lat*.

Об аффиксе *-laš* в словах *sözläš*- 'разговаривать', *ögläs* 'рассуждать вместе' Э. В. Севортян пишет: «Правда, нельзя категорически утверждать, что в подобных примерах мы имеем дело с глаголообразующей формой на *-лаш*, а не взаимносовместной формой глагола на *-ла*, что является вполне возможным для глагола *sözläш*, наряду с которым имеется глагол *sözlä*- 'говорить, рассказывать' (Малов, Пам., 422)»²².

Слово *sözläš* встречается в таком предложении: *Inim Kül Tigin birlä sözläšdimiz* 'Енем Күл-Тигин менән höjläštek 'Мы переговорили о делах с моим младшим братом Кюль-Тегин' [КТб 26]. Употребление *sözläš*- с союзом *birlä* 'менән 'с, вместе' указывает на то, что элемент *-š* в слове *sözläš* является залогообразующим аффиксом. Точно такое же употребление в предложении глагола *ögläs* "ujlašуи 'рассудить (вместе)': *Ol üç qayap, ögläsip* 'Эти три кагана, рассудив' [Тон 20]. Таким образом, *-laš* в языке орхоно-енисейских и таласских памятников является взаимно-совместной формой глагола на *-la*.

Аффикс *-lan* в языке исследуемых памятников также представляет собой возвратно-страдательную форму глагола на *-la*. Примеры: *boıuz-lan*- "tamaqlanуи 'быть заколотым, удушенным' [Тон 26], *säclän*- "haj-lanуи 'избираться, быть избранным' [КЧ 1], *atlan*- "atlanуи 'сесть на лошадей' [КЧ 20] (имеется параллельная форма *atlat*- "atlandуи 'приказывать сесть на лошадей' [Тон 25]).

¹⁸ Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, Разделы: Аффикс *-лан*; Аффикс *-лаш*; Аффикс *-лат*; *-лаштыр*, *-ландыр*.

¹⁹ Там же, стр. 94.

²⁰ Там же, стр. 135.

²¹ О функциях аффикса *-t* см. выше.

²² Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 153.

Аффикс понудительного залога *-t* в *-lat* в языке памятников образует понудительный залог от глаголов на *-la* или же делает непереходные глаголы на *-la* переходными. Примеры на образование понудительного залога: *atlat-* 'atlandyгуи 'приказать сесте на лошадей' [Тон 25]; *yulat-* 'ilatyи 'заставить рыдать' [Ен 23]; *oуgaqlat-* 'приказать остановиться лагерем' [Тон 25]; *jazuqlat-* 'склонять к преступлению' [БК 38]. Пример на образование переходного глагола: *joulat-* 'погребать, хоронить' [Тон 31].

Из изложенного можно заключить, что в языке орхоно-енисейских памятников зафиксировано слишком мало примеров, дающих основание сделать вывод о словообразующем характере аффиксов *-laš*, *-lan*, *-lat*.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БК — памятник в честь Бильге-Кагана (Могиляна).

Ен — Енисейские памятники.

КТ — памятник в честь Кюль-Тегина (*КТб* — большая надпись, *КТм* — малая надпись).

КЧ — памятник в честь Кули-Чура.

МЧ — памятник в честь Моюн-Чура.

О — Онгинский памятник.

Тон — памятник в честь Тоньюкука.

Цифры указывают номер строки, а в енисейских памятниках — их номер по нумерации С. Е. Малова.

Р. Г. СИБАГАТОВ

МОДАЛЬНОСТЬ КАК СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО

В последние десятилетия усилился интерес лингвистов к проблеме модальности, что привело к появлению целого ряда работ, где высказываются различные точки зрения на эту проблему, в том числе и ставящие под сомнение само существование модальности как особой языковой категории. Так, И. П. Распопов в связи с указанной проблемой пишет: «Собственно, никакой категории модальности именно как категории в грамматическом смысле данного термина... не существует»¹. Т. П. Ломтев в сущности стоит на этой же точке зрения, утверждая, хотя и несколько менее категорически, что грамматические категории модального характера образуют одну систему, «но не одну грамматическую категорию модальности»².

Эти высказывания, безусловно, не случайны. Модальность в ее традиционной трактовке действительно трудно поддается дефиниции.

Значение модальности, как известно, выявляется на самых разных уровнях системы языка, и по этому поводу среди лингвистов нет особых разногласий. Однако средства выражения модальности на материале различных языков определяются в настоящее время по-разному (в этом, думается, проявляется не столько специфика каждого отдельно взятого языка, сколько отсутствие единой методики выделения этих средств). Довольно подробное описание состава модальных средств имеется в русском языкознании. Так, по мнению Н. Ю. Шведовой, к ним относятся: наклонение, особые конструкции предложения, интонация, словопорядок, повторы, частицы, междометия, вводные (модальные) слова и предложения³. Состав модальных средств, определяемый на материале тюркских языков, несколько иной. М. З. Закиев считает, что модальность в татарском языке выражают аффиксы наклонения и времени, личные аффиксы, особые конструкции предложения, частицы, вопросительные местоимения в роли частиц, междометия, порядок слов, интонация, вводные слова и предложения, обращения. К средствам выражения модальности М. З. Закиев относит также вспомогательные слова, обычно употребляющиеся в составе сказуемого: *булса кирәк, бугай, тиеш, туры кил-*

¹ По мнению И. П. Распопова, было бы целесообразнее говорить не о категории модальности, а о модальном качестве предложения. См.: И. П. Распопов. Заметки о синтаксической модальности и модальной квалификации предложения. — В кн.: «Синтаксис и интонация», Уфа, 1973, стр. 10.

² Т. П. Ломтев. Предложение и его грамматические категории. М., 1972, стр. 91.

³ «Грамматика современного русского литературного языка». М., 1970, стр. 542—545, 611—614.

де, *мөмкин, ярый, иде* и др.⁴ М. В. Зайнуллин выражение модальности в башкирском языке связывает, прежде всего, с грамматической категорией наклонения и включает в круг модальных средств некоторые аналитические глаголы, модальные слова и словосочетания, интонацию, особые конструкции предложения⁵. Сопоставление средств выражения модальных значений, приводимых разными авторами на материале различных языков, можно было бы продолжить⁶.

Но и приведенные примеры позволяют заключить, что в теории модальности стало обычным апеллирование к понятиям: 1) фонетики (интонация); 2) лексикологии (разные группы слов); 3) морфологии (наклонение, время, лицо); 4) синтаксиса (конструкции предложения, словопорядок, повторы). Правомерность подведения такого большого многообразия под одну общую категорию не могла не вызывать возражений. Поэтому, естественно, начались поиски «общего знаменателя». Обращается внимание на то, что все эти средства реализуют свои функции на уровне предложения, то есть они, так сказать, — синтаксичны. При описании модальности иногда даже употребляются такие термины, как, например, «синтаксическое наклонение», «синтаксическая частица» и т. п. В целом проявляется тенденция квалифицировать способы выражения модальности как: 1) конструктивно-синтаксические; 2) морфолого-синтаксические; 3) интонационно-синтаксические. При этом также подчеркивается, что «модальное значение, заключенное в словах определенных разрядов, как и всякое модальное значение, реализуется только в синтаксических отношениях»⁷. Указанным способом отводится роль модификаторов определенных синтаксических построений.

Придание синтаксического статуса всем средствам модального значения, в том числе и рассматриваемым обычно как морфологические и лексические, с одной стороны, как будто становится довольно сильным аргументом в пользу их структурной общности. Однако, с другой стороны, при всем этом еще не устанавливается полной теоретической последовательности. Было бы натяжкой констатировать существование полного единства, одноплановости средств выражения модальных значений путем приписывания им общего синтаксического характера (ведь известно, что в предложении не может быть ничего вне сферы синтаксиса). Данное свойство (синтаксичность) рассматриваемых средств, служащее объединяющей основой в одном случае, исчезает при дифференциации.

Нельзя не обратить внимания также на не вполне специализированный характер модальных средств. Исключение могут составить лишь отдельные типы, как, например, вводные слова, основной функцией которых считается выражение субъективно-модальных значений. Большинство других модальных средств многофункционально, причем не совсем ясно, какая из этих функций — модальная или немодальная — доминирует. Например, для форм изъявительного наклонения характерно вы-

⁴ «Современный татарский литературный язык». М., 1971, стр. 9.

⁵ М. В. Зайнуллин. Хәзерге башкорт телендә модаллек категорияһы. Өфө, 1975, стр. 34.

⁶ См.: Ф. А. Ангели. К вопросу о категории модальности и лексических средствах ее выражения в тюркских языках. Автореф. канд. дисс. М., 1964; Н. Г. Агазаде. К вопросу о категории наклонения и модальности в современном азербайджанском языке. Баку, 1965; Е. Жанпейсов. Модальность предложения и способы ее выражения в казахском языке. — «Известия АН Казахской ССР. Серия филологии и искусствоведения», вып. 1—2, Алма-Ата, 1968; Н. Шаршеев. Модальность и модальные слова в киргизском языке. Автореф. канд. дисс. Фрунзе, 1969; Ф. Зейналов. Категория модальности и способы ее выражения в тюркских языках. — «Советская тюркология», 1970, № 2.

⁷ Г. А. Золотова. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1974, стр. 152.

ражение не только значения реальности (времени), рассматриваемое как модальное, но и значений лица и числа, модальный характер которых окончательно не установлен (сравните, например: *килде* 'пришел').

В языкознании встречается понятие разноуровневых категорий, поэтому к решению проблемы модальности, может быть, следует подойти именно с этой позиции⁸. Авторы, выдвинувшие положение о разноуровневых категориях, считают, что средства разных уровней (корни, аффиксы и другие грамматические формы) могут образовывать целостную категорию. Однако при этом ставится неперемное условие: они должны выражать значения, входящие в один класс понятий. Содержание разноуровневых категорий «это целая семантическая область, которая охватывает (может охватывать) грамматические и лексические значения, отличающиеся друг от друга и все же объединенные общим понятием»⁹.

Если существование и правомерность выделения разноуровневых категорий считать научным фактом, то вполне допустимо, что категория модальности в плане выражения (в традиционном описании) попадает именно в разряд разноуровневых категорий. При этом, однако, возникает закономерный вопрос: оправдана ли данная квалификация модальности в плане содержания?

Известно, что общее определение модальности (по В. В. Виноградову) как выражения отношения, позиции говорящего лица построено исключительно с учетом содержания. Иными словами, план содержания — это то, на чем основано само появление и существование категории модальности в лингвистике. Рассмотрим, насколько последовательно излагается мысль о семантической цельности и однородности категории модальности в современной научной литературе, в которой принято выделять два основных типа модальных значений: объективно-модальных и субъективно-модальных. «Если объективно-модальное значение выражает характер отношения сообщаемого к действительности, то субъективно-модальное значение выражает отношение говорящего к сообщаемому»¹⁰. Некоторые лингвисты выделяют третий тип модальных отношений — отношение между действием и его носителем¹¹. Вопрос о соотношении различных типов модальных значений детально не разработан. Имеющиеся уточнения сводятся к следующему: первый тип отношений (объективная модальность) — это отношение содержания высказывания к действительности с точки зрения его реальности, соответствия или несоответствия действительности. Ко второму типу (субъективной модальности) относятся значения усиления (подчеркивания, акцентирования) экспрессивной оценки, уверенности или неуверенности, определенности или неопределенности, согласия или несогласия и ряд других значений. И, наконец, в третий тип модальности, по мнению Г. А. Золотовой, объединяются значения возможности, желательности, необходимости, долженствования.

Таким образом, в традиционной трактовке модальности в плане содержания также преобладают тенденции, ведущие к отрицанию внутреннего единства (критику вопроса смотрите ниже). К тому же, на основе разъединения плана содержания еще более углубляется разъединение плана выражения. Главным средством выражения первого (основного)

⁸ О разноуровневых категориях говорится в работах В. В. Виноградова, А. В. Бондарко, И. И. Мещанинова и В. Н. Мигирова. См., например: А. В. Бондарко и Л. Л. Буланин. Русский глагол. Л., 1967, стр. 5; В. Н. Мигирин. Язык как система категорий отображения. Кишинев, 1973, стр. 128—137.

⁹ А. В. Бондарко и Л. Л. Буланин. Указ. раб., стр. 5.

¹⁰ «Грамматика современного русского литературного языка». М., 1970, стр. 545.

¹¹ Г. А. Золотова. Указ. раб., стр. 151.

типа модальных значений считается категория наклонения, средством выражения второго типа значений — вводные (модальные) слова, третьего типа — модальные слова, включаемые в состав сказуемого (предиката). Считается, что первый тип модальных значений является необходимым признаком любого предложения, а остальные модальные значения — факультативны.

На наш взгляд, подобная дифференциация модальных значений не учитывает (или просто игнорирует) то, что модальность в любом ее проявлении — это, прежде всего, выражение отношения говорящего к реальности. Единство рассматриваемой категории (если не на традиционно-грамматическом, то на структурно-семантическом уровне) может быть сохранено, если только взять данную общую квалификацию содержания модальности за основу всего построения.

Вопрос о языковом выражении отношения говорящего к действительности чрезвычайно сложен. Здесь налицо двойственность положения: с одной стороны, приходится практически сталкиваться с единицами содержания, несущими в себе нечто сугубо индивидуальное (субъективное), а, с другой стороны, обнаруживается невозможность теоретического обоснования реальности таких (субъективных) единиц.

Разработка теории модальности, в конечном счете, опирается на решение проблемы соотношения объективного и субъективного в мышлении — одной из важнейших проблем философии. Философия при решении данной проблемы исходит из того, что мышление не разъединяет субъект и объект, а соединяет их. «Это соединение заключается в том, — пишет, например, П. В. Копнин, — что в результате мышления создается субъективный образ объективного мира»¹². Далее автор подчеркивает: «В какой форме существует предмет в мышлении, — это зависит от субъекта, от положения человека в обществе»¹³. При этом учитывается, что объективность мышления проявляется, прежде всего, в содержании мысли. Оно целиком и полностью является отражением внешнего мира («сознание ничего из себя произвести не может»). А субъективность мышления, как правило, сводится к форме его проявления, существования. Такой подход к соотношению объективного (= содержания) и субъективного (= формы) в мышлении скорее приводит к объединению всех проявлений мышления (и языка), чем к их дифференциации. На основе этого делается вывод о том, что содержания единиц языка — объективны, а формы их выражения — субъективны. С этих позиций одна (модальная) группа значений не может быть противопоставлена другой (немодальной) группе их. Получается, что все эти значения (и модальные, и немодальные) в одном и том же плане и в одной и той же мере как объективны, так и субъективны.

Противопоставление значений в плане объективности и субъективности может быть оправдано только тогда, когда субъективный фактор, сводимый в одном случае исключительно к форме существования объекта в сознании, в другом случае может быть распространен на само содержание (означаемое). Существующее противопоставление модальных и немодальных значений в конце концов является следствием именно такого представления. Все обычные (немодальные) значения рассматриваются как «субъективные образы объективного», то есть как значения, субъективность которых сводится именно только к форме их существования. Модальные же значения воспринимаются как единицы содержания со своеобразным субъективным составом, то есть как зна-

¹² П. В. Копнин. Философские идеи В. И. Ленина и логика. М., 1969, стр. 153.

¹³ Там же.

чения, субъективность которых проявляется и в сфере их денотативной соотносительности. Однако при этом крайне усложняется вопрос о квалификации языкового статуса этих субъективных по содержанию фрагментов предложения. Вполне понятно, что назвать их просто субъективными значениями нельзя. Но и отрицать субъективность рассматриваемых единиц тоже нельзя, так как это вообще устранило бы проблему модальности. Поэтому многие авторы, разрабатывая теорию модальных единиц, придерживаются весьма «своеобразного» мнения, согласно которому признание возможности проявления субъективности в содержании обуславливается различного рода структурными ограничениями, теоретически налагаемыми на это явление. Во-первых, рассматриваемому субъективному составу предложения в целом приписывается свойство надстроечного явления. Считается, что основу предложения образуют значения первой группы, то есть объективного содержания, а единицы, выражающие субъективное отношение, лишь налагаются (или наслаиваются) на эту объективную основу. Во-вторых, модальные значения сами по себе рассматриваются в качестве двухкомпонентных (объективно-субъективных) единиц содержания. При этом проявляется стремление выдвинуть объективный компонент на передний план. Подчеркивается, что, хотя эти единицы выражают индивидуальное отношение говорящего, они в своей основе типизированы, всеобщы (то есть объективны)¹⁴. Следовательно, объективные и субъективные составы в каждом из двух случаев рассматриваются как неравные величины. Таким путем как бы устанавливается единство объективного и субъективного составов содержания при доминирующей роли объективного состава. Но подобное решение заключает в себе достаточно серьезное теоретическое противоречие, ибо ведет к утверждению, будто предложение вообще и его модальный конституент, в частности, содержат объективные и субъективные составы в разных количественных соотношениях (больше первых и меньше вторых). Единство объективного и субъективного, с философской точки зрения, составляющее диалектическое единство, существующей теорией модальности рассматривается как механическое соединение (сумма) объективного и субъективного составов. И не случайно поэтому данный подход к решению проблемы модальности все чаще подвергается сомнению и критике.

При этом неизбежно возникают вопросы о принципиальной возможности раздвоения содержания единиц языка (и сознания в целом) на объективные и субъективные компоненты, о характере и сущности каждого из этих компонентов и, наконец, об их реальном взаимоотношении. — вопросы, имеющие методологическое значение. Дальнейшая разработка теории модальности в лингвистике, на наш взгляд, находится в прямой зависимости от решения именно этих вопросов.

При несколько ином (отличном от предыдущего) подходе возможность противопоставления отдельных компонентов сознания друг другу по степени объективности и субъективности нельзя считать теоретически недоказуемой. Но прежде следует определить этот подход. В философских работах имеются указания на то, что разделение действительности на объект и субъект не является только результатом противопоставления внешнего мира человеческому сознанию, что такое деление существует и в самом сознании. Как пишет В. П. Тугаринов, «сознание челове-

¹⁴ См., например: М. В. Ляпон. К вопросу о языковой специфике модальности. — «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1971, вып. 3, т. 30; В. Г. Адмони. Типология предложения. — В кн.: «Исследования по общей теории грамматики». М., 1968.

ка, будучи субъективной формой действительности, само раздваивается на субъект и объект, на сознание, которое познает (субъект), и на сознание, которое познается (объект)»¹⁵. По мнению В. П. Тугаринова, такое разделение, несмотря на известную парадоксальность, является очевидным и постоянно наблюдаемым фактом.

Здесь важно подчеркнуть: реальность объектно-субъектного раздвоения сознания никак не означает, что выделяемые составы (части, компоненты) могут функционировать сами по себе, изолированно, хотя в этом случае они и рассматриваются как равные величины. Различение части сознания, принимаемой за объект, и части сознания, принимаемой за субъект, имеет относительный характер. Эти части, будучи субъективными отражениями объективного, конституируются как нечто внешнее (объективное) и как нечто внутреннее (субъективное) лишь по отношению друг к другу. Нельзя приписывать части сознания, скажем, свойства объекта (познаваемого), когда этой части не противостоит другая, являющаяся по отношению к ней субъектом (познающим), и наоборот. Качественная определенность каждой из них проявляется в отношении с другой, в процессе, именуемом актом мышления.

Ставя вопрос в таком аспекте, мы закономерно приходим к понятию системы, образуемой из подразумеваемых элементов «объект» и «субъект» на базе существующего между ними отношения. Рассматриваемое в рамках такой системы раздвоение содержания мышления на относительно объективные и относительно субъективные элементы становится вполне возможным.

Определение системного характера организации анализируемого явления в целом позволяет особо отметить два момента: во-первых, следует иметь в виду, что единство объективного и субъективного элементов содержания в рамках системы приобретает подлинно диалектический характер; во-вторых, допуская реальность системы, необходимо учитывать не только элементы, объединяемые ею, но и отношения, объединяющие их. Это последнее обстоятельство особенно важно.

Данное положение об объектно-субъектном раздвоении сознания и взаимоотношении выделяемых частей, представленное в виде некоторой общей схемы, на наш взгляд, является основой решения вопроса о содержании модальных единиц.

Правоммерно прежде всего выдвинуть следующий тезис. Речевое употребление модальных средств, безусловно, предполагает наличие некоторой (реализуемой на уровне сознания) системы с элементами «объект» и «субъект», находящимися в определенном взаимоотношении. Однако в строе языка модальность существует не как выражение (обозначение) системы в целом, а как выражение отношения, абстрагированного от элементов, вступающих в это отношение¹⁶. Модальное значение, воплощая в себе субъектно-объектные отношения, не включает в себя непосредственно элементы «объект» и «субъект», поскольку они носят переменный характер, то есть меняются в каждом отдельном случае употребления модального средства. Отсюда следует сугубо индивидуальный (актуализированный) характер самой системы. А выражаемое модальным средством отношение, будучи абстрагированной, обобщенной единицей содержания, сохраняет свою стабильность при всей неустой-

¹⁵ В. П. Тугаринов. Философия сознания. М., 1971, стр. 109.

¹⁶ Вопрос об абстрагированном выражении отношения, существующего между элементами объективного и субъективного порядка, нами более подробно рассмотрен на материале дейктических слов в специальной статье «К вопросу о значениях с субъективным компонентом» (подготовлена к печати).

чивости элементов и самой системы в целом (характер выражения соотносящихся элементов в реальном предложении — вопрос особый, к которому мы еще вернемся).

Мнение о том, что модальность выражает отношение, не является принципиально новым. Однако элементы, между которыми это отношение существует, не получили пока достаточно полного и четкого определения. Этим объясняется проявляющийся в лингвистических описаниях загадочный характер самого отношения (модальности).

При дифференцировании модальных значений выделяют три основных типа их, противопоставляя при этом три группы элементов.

Объективная модальность определяется прежде всего как отношение сообщаемого к действительности. Это определение иногда уточняется указанием на то, что отношение сообщаемого к действительности устанавливается с точки зрения говорящего. Из первого варианта определения, данного в академической грамматике русского языка, вытекает, что сообщаемое (содержание высказывания) и действительность — это два элемента, вступающие во взаимоотношение. Отношение же, как известно, не тождественно ни части, ни сумме элементов. Оно представляет собою нечто третье. Логика, изучая категорию отношения, оперирует схемой по крайней мере из трех звеньев: элемент — отношение — элемент. Отношение иначе называют двухместным предикатом. В приведенном определении объективно-модального отношения (в неуточненном виде) настораживает то, что здесь содержание высказывания, взятое целиком, оказывается в положении одного из элементов, вступающих в отношение. Возникает вопрос: если содержание высказывания — только один из элементов, то чем же тогда является само отношение (модальность)? Допустимо ли, чтобы модальное отношение (как нечто третье) находилось вне содержания предложения? И в этом смысле определение объективной модальности в первом (неуточненном) варианте противоречиво. Как нам представляется, отношение сообщаемого к действительности как таковое не составляет содержания модальности. Формула «сообщаемое — действительность» явно ущербна. Здесь отсутствует необходимое звено — «субъект». Именно упоминание о нем включается во второй (уточненный) вариант определения объективной модальности. [Сравните формулировку Г. А. Золотовой: «... Отношение содержания высказывания (точнее, предикативного признака) к действительности с точки зрения говорящего»¹⁷]. Хотя в это определение включено упоминание о субъекте, его место в общей схеме четко не установлено, однако важно то, что уже имеются три звена. Ими являются: субъект (говорящий), объект (действительность) и сообщаемое (содержание высказывания). Если поставить вопрос о месте каждого из этих звеньев в общей схеме, то можно установить, что речь идет об отношении субъекта к объекту, сообщаемое (содержание высказывания) же может быть принято именно за выражение отношения (нечто третье). В результате мы приходим к общему субъектно-объектному отношению.

В определении субъективной модальности (как отношения субъекта к сообщаемому) фигурируют элементы: 1) субъект и 2) сообщаемое (содержание высказывания). В этом случае обнаруживаются те же противоречия, что характерны и для определения объективной модальности. Во-первых, субъективная модальность как бы выводится за рамки высказывания, ибо сообщаемое признается лишь в качестве одного из элементов отношения. Во-вторых, формула «субъект — сообщаемое» сама

¹⁷ Г. А. Золотова. Указ. раб., стр. 142.

по себе является неполной. В ней не достает такого необходимого звена, как «объект» (или действительность). Без восстановления пропущенного звена данная модель не будет действовать, ибо она замкнется в самом субъекте, и отношение примет форму «субъект — субъект».

В третьем типе модальных отношений противопоставляются субъект действия (предмет) и его действие (свойство). Это две части сообщаемого, принятого в первых двух случаях за одно из трех необходимых звеньев. В данное построение фактически ни субъект, ни объект в указанном смысле не входят. Обе части, противопоставляемые здесь, субъективны по форме и объективны по содержанию. Возникает новое отношение, отличное от двух первых.

Данный подход исключает одноплановость элементов, вступающих во взаимоотношение, что, в свою очередь, неизбежно ведет к отрицанию внутреннего единства всех отношений, определяемых как модальные. Очевидно, что данная дифференциация произведена без установления общей (объединяющей все частные проявления) модели модальных отношений. Основопологающим является именно отношение «субъект — объект»: «Сущность любого высказывания и есть высказывание некоторого отношения человека к какому-либо объекту»¹⁸. От общей модели к конкретному и дифференцирующему описанию модальных отношений, видимо, можно и нужно идти путем дальнейшего уяснения содержания и типов элементов «объект» и «субъект».

Элементы, рассматриваемые здесь, нельзя представить как просто материальные субстанции. Всякое отношение, выражаемое в языке, — это отношение между осознанными явлениями. Соответственно, вступающие в отношение элементы «объект» и «субъект» функционируют на уровне мышления как отражения. Это — части (компоненты) сознания, имеющие материальную основу. Особенность состоит в том, что в качестве элементов модального отношения выступают не совсем разные по материальному источнику отражения. [Разные явления, выступающие в роли элементов отношения, обычно находят свое выражение в линейном построении (синтагматике) предложения, то есть во взаимосвязанных лексических единицах]. Здесь же налицо раздвоенность сознания в отношении одного и того же явления. Одно отражение явления (или одна мысль о нем) противопоставляется другому отражению его (другой мысли о нем). Сознание не только противопоставляет эти отражения, но и устанавливает (раскрывает) отношение, существующее между ними. И это отношение в конечном итоге воплощает в себе отношение явления действительности к самому себе.

На первый взгляд может казаться, что, поскольку мышление в принципе верно отражает действительность, два отражения одного и того же явления всегда и обязательно должны были бы полностью совпадать, и противопоставление их не имеет смысла. Однако так можно рассуждать только в том случае, если каждый акт мысли считать исчерпывающим, окончательным. Между тем развитие мысли, постигающей действительность, происходит этапами, скачкообразно. Да и само явление находится в постоянном движении, развитии. В результате два отражения одного и того же явления не обязательно целиком и полностью соответствуют друг другу, так как в одном отражении, ранее воспринятом субъектом, явление может предстать одной стороной, а в другом (фиксируемом в данный момент) — другой.

¹⁸ Г. В. Колшанский. Соотношение субъективного и объективного факторов в языке. М., 1975, стр. 118.

Можно утверждать, что отношение явления к самому себе (в двух отражениях) — это отношение, характеризующее одновременно и как тождество, и как различие. Тождество устанавливается по одним свойствам, а различие — по другим. Свойства, присущие явлениям действительности, в логике разделяют на: 1) свойства, внутренние организующие данное явление, составляющие его суть (внутренние свойства) и 2) свойства, определяющие отношение данного явления к другим явлениям (внешние свойства). Изменение внутренних свойств означает изменение самого явления, то есть превращение его в другое явление. При изменении же внешних свойств явление не теряет своей внутренней (качественной) сути, остается тем же самым. Именно тождество внутренних свойств, выявляющееся при соотнесении двух указанных отражений друг с другом, позволяет говорить об отношении явления к самому себе. А то, что явление, выступающее в двух отражениях, не всегда соответствует самому себе по внешним свойствам, обуславливает существование различных характеристик данного отношения.

Так противопоставляются друг другу два отражения явления (две мысли о нем), выступающие в качестве объекта и субъекта сознания. **Элемент «субъект», стало быть, представляет собою отражение, принимаемое за исходное. Под элементом же «объект» подразумевается отражение, становящееся предметом данного акта мышления.** Таким образом, здесь выступает, с одной стороны, то, от чего сознание отталкивается, а с другой — то, к чему сознание направлено (приковано).

Каждый раз с появлением элемента «объект» в сознании возникает элемент «субъект» или, наоборот, с появлением элемента «субъект» возникает элемент «объект», и одновременно включается механизм субъективной обработки объективного. Суть этой обработки заключается в определении отношения того, что принимается за исходное, к тому, что становится предметом данного акта мышления (или, наоборот, отношения второго элемента к первому). Иначе говоря, определяется отношение того, что уже является «принадлежностью» сознания, к тому, что только преподносится действительностью. Так выглядит общий механизм установления модальных отношений.

Изложенное, на наш взгляд, может стать основанием для составления общей формулы модальных отношений. При этом, видимо, целесообразно брать за основу формулу, применяемую в логике. Там отношение вообще выражается как: $R(a, b)$. R — первая буква латинского слова *relatio* (отношение), a и b — условные обозначения элементов, вступающих в отношение. Преобразуем эту формулу: обозначение отношения R уточним знаком m (модальность), обозначения элементов несколько конкретизируем. При первом подходе формула модальных отношений может принять следующий вид: $R^m[S(X^{a_1}), O(X^{a_2})]$. Здесь R^m , как уже было сказано, обозначает модальное отношение; $S(X^{a_1})$ — субъективный элемент; $O(X^{a_2})$ — объективный элемент, в их составе X и X — тождественные по внутренним свойствам явления, a_1 и a_2 — различающиеся внешние свойства, приписываемые явлениям X и X .

Составленная формула наиболее обобщенно выражает семантическую сущность всех, обычно причисляемых к модальной группе, средств языка — частиц, наклонений, вводных слов и т. д. В любом случае употребления названных средств возникает противопоставление объективного и субъективного моментов. И значение модальности предстает, таким образом, именно как выражение отношения между ними.

Так, например, содержание частицы, относящейся к части (второстепенному члену) предложения, — один из случаев выражения субъектно-объектного отношения. Частица в этой позиции как бы указывает на

раздвоенность сознания в отношении предметно-логического содержания лексико-грамматической единицы, к которой частица относится. Сравните, например, употребление частиц татарского языка *тик*, *фэкать*, *гына/гена* при члене предложения, выраженном существительным, или частиц *иң*, *үтә* при члене предложения, выраженном прилагательным или наречием. В первом случае однотипные по значению частицы *тик*, *фэкать*, *гына/гена* служат для выделения предмета из их группы. Если выделяемый при этом предмет выступает в качестве объекта сознания, то группа предметов, включающая данный, фигурирует как субъект его (нечто внутреннее, не высказанное). Рассматриваемые частицы выражают отношение между противопоставляемыми элементами. Частицы *иң*, *үтә*, употребляемые чаще всего при членах предложения, обозначающих свойства явлений действительности, предполагают различные степени проявления свойства. Из разных проявлений свойства, подразумеваемых субъектом, выделяется данное, интенсивное, объективно существующее проявление его.

Значения форм наклонений и вводных слов обычно распространяются на все предложение. При этом в качестве явления, раздваиваемого на «объект» и «субъект», выступает отношение «субъект — предикат» Субъективное представление отношения («субъект — предикат») противопоставляется объективному положению его. И отношение, устанавливаемое между ними, образует содержание указанных средств (форм наклонений и вводных слов). Речь, таким образом, фактически идет об отношении отношения к отношению. Как известно, субъектно-предикатное отношение, устанавливаемое субъективно, в языковом плане, может иметь или не иметь места в действительности. Образуются два основных типа отношений: 1) отношение субъективно осуществляемого отношения к объективно существующему отношению (реальная модальность); 2) отношение субъективно осуществляемого отношения к объективно несуществующему отношению (ирреальная модальность).

Таким образом, можно заключить, что модальность в данном понимании — не замкнутый круг, а часть более широкого логико-семантического явления. Не только содержание собственно модальных средств, но и содержание некоторых других морфологических и лексических единиц языка, а именно форм времени глагола и различных групп дейктических слов, могут быть представлены как выражение отношения между некоторыми объективными и субъективными моментами. Кроме того, формирование номинативного плана предложения в целом сводится к установлению субъектно-объектного отношения. Называя каждый раз заново преподносимые явления действительности одними и теми же именами (словами), мы исходим из отождествления наших субъективных знаний, представлений с объективным положением вещей (то есть из установления отношения соответствия).

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

С. М. ИСХАКОВА, Ф. Т. ВАЛЕЕВ

ТАДЖИКСКИЙ КОМПОНЕНТ В НАРОДНО-РАЗГОВОРНОМ ЯЗЫКЕ ЗАПАДНОСИБИРСКИХ ТАТАР

В современной тюркологической литературе имеется немало исследований, посвященных сопоставительному изучению родственных тюркских языков. В последние годы большое значение придается компаративному изучению и неродственных языков. В данной статье делается попытка сопоставить два неродственных языка: сибирско-татарский (тюркский) и таджикский (иранский).

Как известно, коренные западносибирские татары — это тюркоязычные аборигены Сибири, живущие в основном в сельских районах Тюменской, Омской, Новосибирской областей, в окрестностях Томска, а также в Тюмени, Тобольске, Омске, Новосибирске, Томске, Барабинске, Таре и других городах Западной Сибири. По данным переписи населения 1970 года, общая численность татарского населения в пяти (Новосибирской, Омской, Томской, Тюменской и Кемеровской) областях Западной Сибири составляла 260 555 человек¹.

Происхождение разных групп западносибирских татар и их народно-разговорных языков — вопрос малоизученный. На процессы этнического развития татар-аборигенов Сибири оказывали влияние группы угорского происхождения, монголы, племена Саяно-Алтайского нагорья, узбеки, таджики, казахи, татары Поволжья, башкиры, с которыми предки современных коренных сибирских татар поддерживали длительные экономические, хозяйственные, культурные связи, находились в языковых контактах. Таким образом, эти народы в той или иной степени приняли участие в формировании отдельных групп сибирских татар.

Авторы ряда появившихся за последние годы историко-этнографических и лингвистических работ обращались к вопросу о роли некоторых народов (тюркских и нетюркских) в этногенезе западносибирских татар, становлении их народно-разговорного языка². Однако этнографические, историко-культурные и этнолингвистические контакты татар-аборигенов Сибири с монголами, обскими уграми, таджиками и некоторыми другими народами остаются еще не изученными.

Так, например, таджикский компонент в этническом составе, культуре, языке сибирских татар связан с историей так называемых сибирских бухарцев. Сибирские «бухарцы» — это обобщающее название узбеков, таджиков и некоторых других народов Средней Азии, переселившихся в районы Западной Сибири в XVI—XVIII веках из Бухарского ханства. Сведения о сибирских бухарцах приводятся в дореволюционной историко-этнографической литературе. История, быт и культура сибирских бухарцев нашли свое отражение и в работах советских исследователей, причем в них основное внимание уделяется анализу роли узбеков

в формировании отдельных групп западносибирских татар, прослеживается процесс их влияния на развитие материальной и духовной культуры, а также языка татар указанного региона³. Что же касается вопроса о таджиках, другом основном компоненте сибирских бухарцев, сыгравших также большую роль в формировании западносибирских татар и их народно-разговорного языка, то этот вопрос пока еще не получил соответствующего освещения в научной литературе.

В данной статье анализ таджикских элементов в народно-разговорном языке западносибирских (тарских, тобольских, тюменских) татар основан на полевых лингвистических наблюдениях, проведенных среди отдельных групп коренных сибирских татар, проживающих в Большереченском, Тарском, Омском районах Омской области, в Тобольском, Вагайском районах Тюменской области, а также среди представителей сибирских татар, проживающих в Омске, Таре, Тобольске, Тюмени и других городах Западной Сибири.

Исследование имеющегося в нашем распоряжении полевого языкового материала, относящегося к таджикско-сибирско-татарским языковым контактам, показывает, что таджикские элементы (иранизмы вообще) проникли в народно-разговорный язык сибирских татар двумя путями: во-первых, через бухарцев-таджиков, а также узбеков-билингвов, говоривших на узбекском и таджикском языках и переселившихся в Сибирь в XVI—XVIII веках; во-вторых, через книжный язык, то есть через арабско-персидскую литературу религиозного содержания, поступавшую к сибирским татарам до второй половины XIX века в основном из Бухары, а после присоединения Средней Азии к России (с конца XIX и начала XX века) — из Казани и Оренбурга. Следует отметить, что в этот период иранизмы проникают в народно-разговорный язык сибирских татар и через светскую литературу — произведения татарских писателей и поэтов.

Согласно легендам и семейным преданиям, бытующим среди части тарских и тобольских бухарцев, их предки переселились в Сибирь из долин Зеравшана и Амударьи. В рассказах стариков — сибирских бухарцев — о родине их предков часто упоминаются, кроме Бухары, Хорезм, Ходжент (ныне Ленинабад), Шахристан, Пенджикент, Ура-Тюба и названия других городов и кишлаков, где издавна проживали таджики. Указанные районы еще в древности были местами обитания оседлых ираноязычных народов — согдийцев, хорезмийцев, являвшихся предками современных таджиков и узбеков. «Древнейшие известные нам культурные народности Средней Азии, — пишет В. В. Бартольд, — согдийцы на Зеравшане и хорезмийцы по нижнему течению Аму-Дарьи, принадлежали к иранскому племени»⁴.

Восточноиранские народности являются составным этническим элементом всех народов Средней Азии, в том числе и тюркоязычных, в частности, узбеков и туркмен. Таджикский народ в процессе формирования своей национальной общности из различных элементов, включая тюркские, в наибольшей степени вобрал в себя и сохранил восточноиранский этнический элемент, а отсюда — и ираноязычную речь.

Таджикский народ обладает богатой самобытной культурой, национальным языком, однако предки таджиков и персов были близки друг другу как в этническом, так и языковом плане⁵.

Что касается бухарцев-таджиков, переселившихся в Сибирь, то отдельные информаторы во время опроса заявляли о «тачикском» (таджикском) происхождении своих предков⁶. Бухарцы-таджики вступали в контакты с сибирскими татарами, прежде всего, в области хозяйственной производственной деятельности. Таджики и узбеки распространили

в Сибири некоторые методы обработки земли, культуру выращивания пшеницы и некоторых бахчевых. Они завезли с собой в Сибирь предметы материальной культуры (одежду, пищу, домашнюю утварь, украшения и т. п.), распространили здесь кожевенное дело, ковроткачество, ювелирное и гончарное ремесла и т. д.

О наличии тесных исторических контактов сибирских татар с таджиками свидетельствует значительное количество топонимов, общих для таджикского и сибирско-татарского языков и сохранившихся до наших дней в некоторых местах постоянного жительства татарского населения на территории Тюменской и Омской областей. Таджикский компонент прослеживается и в демонологии сибирских татар.

Таджики-бухарцы так же, как и узбеки-бухарцы, в процессе длительного пребывания в Сибири вступали с сибирскими татарами в родственные отношения и постепенно ассимилировались последними. Однако ассимиляция таджиков (бухарцев вообще) сибирскими татарами так же, как ассимиляция татарами данного региона отдельных групп других народов (казахов, татар Поволжья, племен Саяно-Алтая), была не насильственной, а естественной, всегда имевшей, по словам В. И. Ленина, прогрессивное значение⁷. Таким образом, бухарцы-таджики приняли непосредственное участие в формировании некоторых групп западносибирских татар, особенно тарских, ибо в районе Тары бухарцев по численности было больше, чем в других округах. Так, по итогам Всероссийской переписи 1897 года сибирских бухарцев насчитывалось в Тарском округе 4 515 человек обоего пола, в Тюменском — 3 070, в Тобольском — 3 380, в других округах — 342 человека. Всего в Тобольской губернии бухарцев проживало 11 307 человек⁸.

Многовековые тесные исторические контакты таджиков с сибирскими татарами нашли свое отражение в народно-разговорном языке татар региона. В ранний период пребывания бухарцев в Сибири таджики и двуязычные узбеки, возможно, шире пользовались таджикским языком. Об этом свидетельствует, например, сообщение ориенталиста Юлиуса Клапрота (1783—1835), собиравшего материалы по языку сибирских бухарцев. Ю. Клапрот писал, что он в Тобольске, Таре и Томске встречался с оседлыми бухарцами, уверявшими его, что персидский (фарси) является их родным языком, но после долгого пребывания бухарцев в Сибири их язык смешался с языком местных тюрков, то есть сибирских татар, и что в Хиве и Бухаре соплеменники сибирских бухарцев говорят на чистом персидском (фарси). Эти сибирские бухарцы, отмечал Ю. Клапрот, говорят теперь обычно почти всегда по-тюркски, но употребляют еще для большего количества житейских и других надобностей старые персидские названия⁹.

Проникшие через таджикский язык иранизмы обогатили лексику языка сибирских татар и закрепились в их словарном фонде. Правда, многие таджикские слова и словосочетания под влиянием фонетико-морфологических особенностей языка татар-аборигенов Сибири претерпели соответствующие изменения. Анализ таджикизмов (иранизмов) в лексике сибирских татар показывает, что значительное количество их подверглось метатезе, а некоторые слова сохранились только в идиоматических сочетаниях и изолированно не употребляются.

Как известно, таджикский язык принадлежит к числу языков иранской группы и наиболее близок персидскому. Поэтому, естественно, приводимые нами таджикские слова имеют соответствия и в персидском языке. Таджикские слова и термины (иранизмы вообще) так же, как и арабизмы, широко бытуют во многих тюркских языках (узбекском, та-

тарском, казахском, башкирском и др.) и давно уже стали их органической составной частью. Но время и пути проникновения иранизмов и арабизмов в разные тюркские языки, степень взаимодействия, характер усвояемости их тюркоязычными народами были различны. Вопросы эти являются предметом самостоятельного исследования. Мы же здесь остановимся прежде всего на некоторых сибирско-татарских топонимах, имеющих таджикскую параллель. Название татарского селения Малсун¹⁰ (Ембаево, Тюменский район Тюменской области) восходит к таджикскому *манзил*, означающему «стоянку», «привал», «пристанище», «дорожную гостиницу». И действительно, это селение, по преданиям сибирских бухарцев, первоначально представляло собой место остановки, стоянки бухарских торговых караванов, направлявшихся в Тобольск, Тару и другие города Западной Сибири. Название *Манзил* под влиянием сибирско-татарской народной этимологии превратилось в более близкое татарам региона по семантическому значению слово *Малцын*. Понятно, что корень этого слова составляет широко распространенное во многих тюркских языках слово *mal*, означающее «товар», «имущество», «богатство». Однако в изменении *манзил* на *малцын* мы не исключаем метатезы или просто звукоподражания.

Некоторые современные татарские селения в районах Омской и Тюменской областей носят названия, данные им бухарцами в память о прежней своей родине — Средней Азии. Селение Qaḡaḡül (Большереченский район Омской области) было названо бухарцами-переселенцами, двуязычными узбеками или таджиками в честь их прежнего места жительства — города *Каракуль*, расположенного на берегу Зеравшана.

Разумеется, компоненты этого составного слова Qaḡaḡül — qaḡa 'черный' + kül || gül || göl 'озеро' широко распространены в тюркских языках, и не вызывает сомнения, что Qaḡaḡül имеет тюркское происхождение.

Название селения сибирских бухарцев Qõtaḡau 'Комарово' было дано бухарцами-таджиками и связано с названием долины *Комароу* и ущелья того же названия на территории современного Таджикистана. По преданию, бухарцы-переселенцы называли основанное ими в Сибири селение *Комароу* в память о своей прежней родине. Название татарской деревни Saḡḡaly в русской адаптации *Чарналы* (Большереченский район Омской области) восходит к таджикскому *Чор* 'четыре' + *ном* 'название' + *лы* — тюркский словообразовательный аффикс наличия, присутствия. По легенде тарских татар и бухарцев, эта деревня была основана четверьмя братьями-бухарцами: Авазбақы-шейхом, Ашқы-шейхом, Кучкар-шейхом и Файзе-шейхом¹¹. Во время экспедиционных поездок в разные районы Омской и Тюменской областей авторами были отмечены и другие топонимы и гидронимы, бытующие в таджикском языке. Заслуживает внимания лексика, относящаяся к жилищу и имеющая параллели в сравниваемых языках. Например, сибирско-татарское iḡḡāṇāk 'клетка из прутьев или досок в жилом помещении для содержания новорожденных телят и козлят'. *Иргана́к* татары обычно строили в углу жилого помещения справа или слева от входа, часто за печкой или чувалом¹². Таджикское *эргана́к* 'плетеная из прутьев загородка, чаще всего из тутового дерева, для загороживания входа'. Сиб.-тат. äüle || aule 'сени, сенки'; семантически значение слова более узкое, чем узбекского и таджикского ҳовли 'дом со всеми службами'. Возможно, это слово происходит от латинского aula, ае, 'двор, храм, крытый передний зал', которое под влиянием иранского субстрата подверглось эпентезе и получило в таджикском, узбекском языках начальное *h*. Исчезновение же *h* на почве языка сибирских татар объясняется фонетическими законами их

языка, в котором отсутствует звук *h*. Этими же фонетическими условиями можно объяснить и исчезновение *h* в сиб.-тат. *аванса* 'ступа', тадж. *ҳован*, узб. *ҳованча*; *кõна* 'вина', перс. *gənah*; *киа* 'свидетель', перс. *gūah* и многие другие. Очень ограниченное количество заимствованных слов из арабского и персидского языков сохраняет фонему *h*. Сиб.-тат. *gāw-hāg* 'жемчуг' < перс. *gāyhar*; сиб.-тат. *rihūš* 'бессознательный, бесчувственный' < перс. *bihūsh*; сиб.-тат. *ilham* 'вдохновение' < араб. *ilhām*; сиб.-тат. *mōher* 'печать' < перс. *mōher*.

Многие слова, бытующие в таджикском языке, вошли в лексику сибирских татар, полностью сохранив свое фонетическое звучание и семантическое значение, или же подвергнувшись незначительным фонетическим изменениям под влиянием фонетических законов татарского языка. Такова, например, некоторая бытовая лексика: сиб.-тат. *kešān* 'пути для лошади', тадж. *кишан* — в том же значении; сиб.-тат. *ainak* || *āināk* 'очки', тадж. *айнак*; сиб.-тат. *sigä* 'тмн', тадж. *зира*; сиб.-тат. *ägä* 'пила', тадж. *арра*; сиб.-тат. *astar* 'подкладка', тадж. *астар*; сиб.-тат. *agaq* 'водка', тадж. *арак*; сиб.-тат. *tastar* 'головная повязка', тадж. *дастор* 'чалма'; сиб.-тат. *tastyghan* 'скатерть', тадж. *дастархон*; сиб.-тат. *māgwāt* 'жемчуг' (*tešläre māgwättäi* 'зубы, как жемчуг'), тадж. *марворид*; сиб.-тат. *maxmal* 'бархат', тадж. *махмал* || *бахмал*; сиб.-тат. *puqsa* 'сумка, кошелек' (*aqsa per puqsa* 'денег полон кошелек'), тадж. *бӯхча* || *бугча* 'узел с вещами'; сиб.-тат. *küger* 'сера, молния', тадж. *гугирд* 'сера'; сиб.-тат. *tā-wāt* 'чернильница', тадж. *дават* — в том же значении; сиб.-тат. *syjaž* 'чернила', тадж. *сиёхи*; сиб.-тат. *sepcer* 'цепь', 'оковы', тадж. *занчир*; сиб.-тат. *särtäk* 'морковь', тадж. *зардак*; сиб.-тат. *jelem*, *šereš* 'клей', тадж. *йилим* || *елим*, *ширеш*; сиб.-тат. *kätäk* 'клетка для кур', тадж. *катак*; сиб.-тат. *lägān* 'медный таз', тадж. *лаган*.

Значительный интерес представляет сибирско-татарское название старинного праздничного головного убора замужних женщин *sarawus*. *Сарауц* носили женщины до конца 20-х годов нашего столетия. Экземпляр *сарауц* хранится в коллекции предметов быта сибирских татар Тобольского музея-заповедника¹³. Сибирско-татарский *сарауц*, как предмет материальной культуры татар-аборигенов Сибири, состоит из двух параллельно расположенных тонких металлических лент длиной примерно 56—58 см, придающих этому головному убору вид диадемы. Между металлическими лентами располагается полоса цветного (голубого, темно-синего, фиолетового и т. д.) канауса — плотной шелковой ткани полотняного переплетения, с внутренней стороны подбитой жесткой подкладкой (картон, кожа, береста). По нижнему краю *сарауц* проходит довольно толстый валик, плотно обмотанный серебряной ниткой, а по другую сторону — вздержка. Лицевая сторона канауса расшивается густым орнаментом двойной ниткой. У других народов подобные головные уборы не встречаются, однако есть названия женских головных уборов, близкие к слову *сарауц*. В таджикском языке *сарандоз* — женское головное покрывало, женский платок, набрасываемый на голову и плечи. Эта аналитическая форма состоит из имени существительного *сар* 'голова' и компонента *андоз*, употребляемого во второй части сложных слов и означающего «бросающий, набрасывающий» от глагола *андохтан* 'бросать, кидать, набрасывать'; перс. *андазтан* 'набрасывать', повелительное — *андаз*¹⁴. Собственно калькированный перевод сложного слова *сарандоз* 'наброшенный на голову'. Слово *сарауц* зафиксировано в словаре Махмуда Кашгари как *сарағуч* 'женский платок, покрывало'¹⁵. В словаре В. В. Радлова — *саракуч* || *сарағ* обозначено как джагатайское в описании: Die Kopfföfnung der Mütze и дан его калькированный пере-

вод — «головное отверстие вокруг шапки»¹⁶. Древнетюркское слово *saraguč* также состоит из двух слов: таджикского *sar* 'голова' + древнетюркское *aγi* 'шелковая ткань'¹⁷ + аффикс *s* производного имени. Начальная часть составного слова *saragūc sarандоз, сарагуч, саракуч* || *sarag*, то есть *sar* восходит к таджикскому и персидскому «голова». Что касается второй части, то в словообразовании участвовали компоненты таджикского (*андоз*) для слова *сарандоз*, древнетюркского (*aγici*) — для *saragūc*.

Среди сибирско-татарских и таджикских параллелей имеются любопытные лексемы, относящиеся к характеристике тех или иных качеств человека. Например, сиб.-тат. *irsel* || ерсел 'ловкий, разворотливый, сообразительный', *irsel keše* 'ловкач', тадж. *абҷир* || *анҷил* — в том же значении; сиб.-тат. *pälākāt* 'счастливец, удачник', тадж. *балоғат* 'совершеннолетие, возмужалость, зрелость'. Таджикское слово *лаб*, латинское *labium* 'губа', 'уста' в языке сибирских татар употребляется лишь в словосочетании *lapsuq keše* 'болтливый человек, болтун'. Таджикские синонимы *маст* 'пьяный, нетрезвый, опьяненный' и *махмур* 'опьяненный, пьяный, хмельной' в языке сибирских татар составили фразеологическую единицу *mast + maγuγ* || *mas + maγuγ* 'состояние вдохновенности, поглощенности каким-либо делом, событием, обстоятельством'. Хотя сочетание *масмаγуγ* по форме состоит из раздельно оформленных лексем, однако как объект нашего исследования оно неразложимо. В отдельности *mas* || *mast* и *maγuγ* не имеют смыслового значения. Лексема *mas* в виде свободной единицы бытует в ряде других тюркских языков: узб. *маст* 'пьяный, нетрезвый', каз. *мас болу, ызу, мастану* 'опьянение', тур. *mest* 'пьяный, опьяненный'. Сиб.-тат. *sorgartan* 'плачущий, переживающий' состоит из компонентов *sor + gartan*. Разложимые части не имеют смыслового значения, употребляясь вместе — усиливают значение. Тадж. *зор* 'плачущий', *зор-зор гиристон* 'плакать горько, навзрыд'. Возможно, сиб.-тат. *gartan* < тадж. *гиристон* образовано путем звукоподражания. Сиб.-тат. *ajyr(keše)* 'хитрец, шельма, пройдоха', в том же значении тадж. *айёр*; сиб.-тат. *ākse (keše)* 'вредный, делающий наоборот, упрямый', тадж. *акс* 'контраст, противоположность, обратное'; сиб.-тат. *āptātā* употребляется только во фразеологических сочетаниях типа: *ru kešepeñ āptātāse сууруты* 'этот человек совершенно обессилел, обезобразился, обеднел, обносился, состарился', тадж. *афтода* 'обедневший, бедняк'; сиб.-тат. *syjaпqоғ* 'наносящий вред, вредный', тадж. *зиенкор*; сиб.-тат. *уңсуq (keše)* 'капризный в одежде' (*уңсуq keşegә kejem kilešmaite* 'капризному человеку трудно подобрать одежду'), тадж. *инқиқи* — в том же значении.

Среднеазиатский (таджикский и узбекский) компонент в языке западносибирских татар отмечается в словах и терминах, обозначающих их демонологические представления. В лексике сибирских татар и таджиков названия различных злых и добрых духов имеют часто одинаковое значение и близкое фонетическое звучание. Сиб.-тат. *tejü, čin, rägi* 'бес, злой дух', в тадж. *дев, деву, пэри*. Слова эти имеют глубокие корни. Так, по предположению французского востоковеда А. Массэ, латинское *genius* (имеется в виду *tuus malus genius*) 'твой злой дух' восходит к арабскому *джинн*¹⁸. Но, по мнению Ю. В. Откупщикова и А. И. Доватюра, слово *genius* является исконно латинским словом¹⁹. Не вступая в дискуссию по вопросу об этимологии слова *джинн*, полагаем, что оно перешло в языки тюркских народов, особенно тех, которые исповедывали ислам, именно из арабского, через мусульманскую религиозную литературу.

Из пандемониума народов Средней Азии проникли к сибирским татарам представления о Сулейман-пери (водяном), святом Зангиата (Сангибаба) и др. У таджиков водяной Сулейман считался злым демоном, вредящим людям²⁰. Представление сибирских татар о Сулейман-пери нашло отражение в их фольклоре. В 1962 году во время полевых исследований в Сибири нами были записаны следующие строки о Сулейман-пери:

Sölājman suta jatyr,
Qojryyu qyrta jatyr.
Alyp attym avaya,
Kilep töšte tärjaya.
Tärja suyn qorytqan,
Palyqlaryn ceretkän.

'Сулейман лежит в воде,
Хвост его на суше.
Я закинул его в небо,
А он попал в море.
Засушил он море,
Сгноил морских рыб'²¹.

Таджикский компонент отмечается и в названиях пищи: сиб.-тат. пап 'хлеб', тадж. *нон*; сиб.-тат. *pjas* 'лук' (репчатый), тадж. *пиёз*; сиб.-тат. *läpläk* 'свекла', тадж. *лаблабу*; сиб.-тат. *särtäk* 'морковь', тадж. *зардак*; сиб.-тат. пагун 'густой суп из мелкокрошенного мяса'. Это слово встречаем в различных словарях: у В. В. Радлова — *норин* 'тонкий, стройный'; у С. Е. Малова — *норин* 'кусочки теста (лапша) с мясом'; у Л. З. Будагова — *норин* 'похлебка'. К. Махмудов пишет, что *норин* — это тонко нарезанные короткие кусочки теста, сваренные в кипятке с мясом²². В языке сибирских татар (например, тарских) слово пагун и в настоящее время сохраняет в основном ту же форму и семантическое значение, что и в сравниваемых языках — таджикском и узбекском. Широко распространенная среди тюркских народов лексема *шур* имеет значение «соленый, солончак», другое ее значение «несчастье». Толкование этого слова имеется в словарях: В. В. Радлова, К. К. Юдахина, оно зафиксировано также в древнетюркском словаре: *şor* 'соленый, соленая, кислая горячая пища'²³. В таджикском языке *шур* употребляется в том же значении, что и в тюркских языках. В языке же сибирских татар *şur* не является определением, а означает «раствор поваренной соли», который готовили из крупной соли для более лёгкого употребления в пищу. Кроме того, *şur* входит в производное слово *şur + paqta* || *şur + pahta* от древнетюркского и иранского *шур* || *шор* 'соленый' и таджикского, узбекского *пахта* 'вата': *şur paqta* || *пахта* 'овечья шерсть, предварительно вымоченная в горячем соленом растворе', которую клали на ушиб или большое место как лечебное средство. Таким образом, в сибирско-татарском составном слове *şurpaqta* таджикское *пахта* послужило словообразовательным элементом. То же самое имеет место и в сиб.-тат. *şurcaj* || *şurcaj* 'чай с молоком, маслом и солью', обычно подававшийся роженицам и больным для подкрепления. Слово *şur* || *şir* (изолированно) самостоятельного значения не имеет, тогда как тадж. *шир* 'молоко' наряду с самостоятельной формой широко употребляется в словосочетаниях, образуя новые понятия, например: *шири байтал* 'кумыс', *шири буз* 'козье молоко', *шири гов* 'коровье молоко', *шири навдӯшидаги* 'парное молоко', *шири хом* 'сырое молоко' и т. п.

На такого рода примерах, как *sarawuc*, *şurpaqta*, *şurcaj*, *sorgortan* || *sorsorgortan* и т. д., прослеживается взаимодействие языков и этнических, лингвистических факторов.

Рассмотренный выше полевой языковой материал, собранный в среде коренных сибирских татар, проживающих в районах современных Омской и Тюменской областей, подтверждает наличие в народно-разговорном языке татар региона таджикского компонента, проникшего туда главным образом через бухарцев — таджиков и узбеков, давних переселенцев из Средней Азии. Таджикские слова и термины (иранизмы вообще) обогатили, как отмечалось, словарный фонд языка сибирских татар, но подчинились его фонетическим и лексическим законам.

Дальнейшее комплексное сравнительное изучение народно-разговорного языка сибирских татар и таджикского языка с привлечением современных данных истории, этнографии, фольклора, несомненно, даст возможность исследователям выявить новые закономерности в тюрко-иранских языковых контактах.

¹ «ЦСУ СССР. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, IV том. Национальный состав населения СССР». М., 1970, стр. 93, 107—108, 120—122.

² См.: Л. П. Потапов. Тюльберы енисейских рунических надписей. — «Тюркологический сборник. 1971». Л., 1972, стр. 161; Н. А. Томилов. Современные этнические, культурные и бытовые процессы среди сибирских татар. Автореф. канд. дисс. М., 1972; *его же*. Изучение этногенеза сибирских татар в советской литературе (к вопросу об угорском и самодийском компонентах). — В сб.: «Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока». (Тезисы докладов Всесоюзной конференции). М., 1973; Н. А. Томилов, В. Б. Богомолов, Ю. И. Курочка. Новые материалы по этнографии барабинских татар. — В кн.: «Из истории Сибири», вып. 16. Томск, 1975, стр. 195—198; Ф. Т. Валеев. К этнической истории тарских татар. — Там же, стр. 215—219; *его же*. Этногенетические и этнокультурные контакты западносибирских татар с казахами в XIX — начале XX века. — В кн.: «Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР». Тезисы докладов и сообщений. Алма-Ата, 1976, стр. 28—29; С. М. Исхакова. Лексика сибирских татар (К вопросу о взаимоотношении татарского и узбекского языков). Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1970; *ее же*. О языке сибирских «бухарцев». — «Общественные науки в Узбекистане», 1968, № 5, стр. 63—70; *ее же*. К характеристике лексики сибирских узбеков («бухарцев»). — «Общественные науки в Узбекистане», 1969, № 7, стр. 57—58; *ее же*. Узбекский элемент в языке сибирских татар. — В сб.: «Вопросы тюркологии». Казань, 1970, стр. 140—150; *ее же*. Роль таджикского компонента в формировании языка татар-аборигенов Сибири. — В кн.: «Происхождение аборигенов Сибири и их языков». Томск, 1976, стр. 54—57 и др.

³ Х. Зияев. Сибирлик узбеклар (XVI аср — XX асрининг башлари). Тошкент, 1958; *его же*. Урта Осиё ва Сибирь XVI—XIX асрлар). Тошкент, 1962; *его же*. Средняя Азия и Сибирь (вторая половина XVI—XIX вв.). Ташкент, 1964; *его же*. Узбеки в Сибири (XVII—XIX вв.). Ташкент, 1968; Ф. Т. Валеев. Сибирские бухарцы во второй половине XIX — начале XX вв. Историко-этнографический очерк. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1965; С. М. Исхакова. О языке сибирских «бухарцев». — «Общественные науки в Узбекистане», 1968, № 5, стр. 68—70; *ее же*. К характеристике лексики сибирских узбеков («бухарцев»). — «Общественные науки в Узбекистане», 1969, № 7, стр. 57—58.

⁴ См.: Р. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 1.

⁵ Б. Г. Гафуров. История таджикского народа. М., 1955, стр. 32—34.

⁶ Полевые записи от Зайнуллы Ибрагимов, рождения 1890 года, город Тара (февраль 1961 года); от Нурмухамета Ахтичанова, рождения 1901 года, город Омск (сентябрь 1971 года). Записи хранятся у авторов.

⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, издание 5-е, т. 24, М., 1961, стр. 127.

⁸ С. Патканов. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. (На основании данных специальной разработки материалов переписи 1897 г.) (т. 1). — «Записки Императорского русского географического общества по отделению статистики», т. XI, вып. I. СПб., 1912, стр. 76.

⁹ «Asia Polyglotta von Julius Klaproth». Zweite Auflage. Paris. Verlag von Heidelberg. Sampe, 1831, стр. 241.

¹⁰ Слова языка сибирских татар приводятся в транскрипции журнала «Советская тюркология», примеры, взятые из словарей, — с сохранением их орфографии, взятые из работ других авторов, — в авторской транскрипции.

¹¹ Полевые записи авторов от Латыфы Маннановой, рождения 1896 года, деревня Яланкуль Большереченского района Омской области (июнь 1976 года).

¹² Обычай сибирских татар держать новорожденных телят, козлят и ягнят в жилом помещении сохранялся вплоть до конца 20-х годов нашего века. О том, что тарские и

тобольские татары в своих юртах держали телят, сообщал в феврале 1716 года уроженец Стокгольма, швед по национальности, лейтенант Лоренц Лянге, отправленный по указу Петра I в Китай вместе с капитаном лейб-гвардии Преображенского полка Львом Васильевичем Измайловым. Лоренц Лянге писал: «Нередко встречаются юрты (gurte) или жилища, в которых не только три, но и более телят привязываются сзади камина (очага)». См.: *Н. Ф. Катанов*. Известия Лоренца Лянге 1716 года о Сибири и сибирских инородцах. Tobольск, 1905, стр. 3.

¹³ Tobольский краеведческий музей. Инвентарный № 275, по книге поступления — № 4701.

¹⁴ *В. Наливкин*. Русско-персидский словарь общеупотребительных слов по наречиям Туркестанского края. Казань, 1888, стр. 147.

¹⁵ *Махмуд Кашгарий*. Девону луғот ит-турк. Т. 1. Тошкент, 1960, стр. 449.

¹⁶ *В. В. Радлов*. Опыт словаря тюркских наречий, т. IV, ч. I, стр. 316.

¹⁷ «Древнетюркский словарь» (далее — ДТС). Л., 1969, стр. 17.

¹⁸ *А. Массэ*. Ислам. М., 1961, стр. 100.

¹⁹ Личные беседы С. М. Исхаковой с профессорами Ю. В. Откупшиковым и А. И. Доватуром по этому вопросу состоялись в ноябре 1974 года в Ленинграде.

²⁰ *О. Мурадов*. Шаманский обрядовый фольклор у таджиков средней части долины Зеравшана. — В кн.: «Домусульманские верования и обряды в Средней Азии». М., 1975, стр. 121, примечание 56.

²¹ Полевые записи, от Асмы Шиховой, рождения 1887 года, деревня Еланлы Большереченского района Омской области (июнь 1962 года). Подстрочный перевод авторов.

²² *К. Махмудов*. Узбек таомлари. Тошкент, 1960, стр. 131.

²³ ДТС, стр. 524.

К. М. КОЩАНОВ

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ НА БАЗЕ РУССКИХ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ СЛОВ В КАРАКАЛПАКСКОМ ЯЗЫКЕ

Займствование русско-интернациональных слов каракалпакским языком как отражение взаимодействия и взаимообогащения языков народов СССР представляет собой актуальную, но малоизученную проблему, рассмотрение которой имеет большое теоретическое и практическое значение. Влияние русского языка на каракалпакский разнопланово и вместе с тем специфично.

Как известно, основную массу заимствованных слов обычно составляют термины, в большинстве своем обозначающие конкретные предметы и понятия. Займствуются термины вместе с обозначаемыми ими реалиями. Основное количество прямых заимствований из русско-интернациональной лексики является именами существительными. В последнее время эти заимствования воспринимаются каракалпакским языком в той грамматической и фонетической форме, в какой они функционируют в русском языке. Эти слова могут быть различного структурного состава, в том числе: с **непроизводной основой**: *парта, стол, класс, том, шкаф* и т. д.; **производные образования** (сохраняющие приставку и суффикс): *механизация, металлургия, аттестация, открытка* и т. д.; **сложные слова**: *колхоз, совхоз, партком, комсомол, пединститут, ветврач* и т. д.; **аббревиатуры**: *КПСС, СССР, МРЗ, МТС* и т. д. и т. п. Разумеется, заимствованные в составе этих слов приставки и суффиксы отнюдь не являются словообразующими элементами для каракалпакского языка, имеющими самостоятельное значение. Все заимствованные слова как бы претерпевают процесс морфологического опрощения и воспринимаются как неразложимые лексические единицы. Следовательно, русско-интернациональные аффиксы не могут образовывать новые слова от корней и основ каракалпакских слов.

Русско-интернациональные заимствованные слова составляют большой пласт в современном каракалпакском литературном языке и подчиняются его грамматическим закономерностям. Представляя собой цельную неразложимую единицу, они присоединяют словообразующие и словоизменяющие аффиксы каракалпакского языка. Так, например, к заимствованному слову *трактор* могут присоединяться различные словоизменятельные суффиксы: *тракторшы* 'тракторист', *трактордай* 'как трактор, подобно трактору', *тракторлы* 'с трактором, на тракторе', *тракторга* 'трактору', *тракторсыз* 'без трактора', *тракторлар* 'тракторы' и т. д.

Наряду с существительными, непосредственно заимствованными из русского языка вместе с приставками и суффиксами, многие русские слова, вступая в контакт со словообразовательными элементами каракалпакского языка, образуют новые лексические единицы.

Следует отметить, что словообразовательные системы русского и каракалпакского языков находятся на различных уровнях. «Словообразовательные средства русского языка намного богаче и разнообразнее, чем в узбекском языке»¹, — пишет А. А. Азизов. Это относится и к родственному с узбекским каракалпакскому языку.

Ведущим способом образования слов в русском и каракалпакском языках является морфологический. В русском языке «морфологический способ словопроизводства распадается на пять подтипов: а) префиксальный, б) суффиксальный, в) префиксально-суффиксальный, г) словосложение, д) бессуффиксальный»². В каракалпакском языке морфологический способ словообразования включает три типа: а) аффиксальный, б) словосложение, в) аббревиация³.

Остановимся на усвоении каракалпакским языком русско-интернациональных заимствованных существительных, обозначающих названия лиц, и на эквивалентных словообразовательных средствах каракалпакского языка.

Русский язык очень богат суффиксами, обозначающими названия лиц. Многие из них заимствуются в составе слов, часть же заменяется эквивалентными суффиксами каракалпакского языка.

Так, например, в составе слов заимствованы суффиксы лица: *-ат* (*адресат, стипендиат, экспонат* и т. д.), *-ент* (*абонент, ассистент, оппонент* и т. д.), *-ёр* (*призер, шахтер* и т. д.), *-ик* (*механик, фанатик, эстетик* и т. д.), *-ист* (*активист, горнист, программист* и т. д.).

Академик В. В. Виноградов писал: «Образование новых слов происходит по тем моделям, по тем словообразовательным типам, которые уже установились в языке или вновь возникают в связи с выделением новых слов и использованием новых аффиксальных элементов, в связи с развитием и усовершенствованием системы словообразования»⁴. Суффиксы русского языка, обозначающие названия лиц по роду их деятельности, профессии, ремеслу, специальности, принадлежности к общественным течениям, организациям, идейному направлению (*-ик, -щик (-чик), -ёр, -онер, -ист, -ец, -овец, -евец, -анец, -янец, -ианец, -ьянец, -арь*⁵), передаются в каракалпакском языке суффиксами *-шы, -ши*.

Например:

-ик: *фронтвик* — *фронтшы*, *колхозник* — *колхозшы*, *физкультурник* — *физкультурашы* и т. д.

Часть существительных на *-ик* заимствуется вместе с суффиксом, например: *передовик, заочник, очник, историк, трагик, академик* и т. д;

-щик (-чик), производные *-овщик, -льщик*: *арматурщик* — *арматурашы*, *атомщик* — *атомшы*, *аппаратчик* — *аппаратшы*, *ракетчик* — *ракеташы*, *газетчик* — *газеташы*, *газовщик* — *газшы*, *крановщик* — *краншы* и т. д.

Некоторые существительные заимствуются вместе с суффиксом *-щик (-чик)*, например: *летчик, ядерщик, разведчик (разведкашы)* и т. д.;

¹ А. А. Азизов. Сопоставительная грамматика русского и узбекского языков. Морфология (Краткий очерк). Ташкент, 1960, стр. 66.

² З. А. Потиха. Современное русское словообразование. М., 1970, стр. 153.

³ А. Бекбергенов. Каракалпак тилиндеги тийкаргы сөз жасау усыллары. — «Вестник Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР». Нукус, 1976, № 1, стр. 69.

⁴ В. В. Виноградов. Вопросы современного русского словообразования. — «Русский язык в школе», 1951, № 1, стр. 2.

⁵ З. А. Потиха. Указ. раб. (Далее суффиксы русского языка будут приводиться из этой книги.)

-ёр: боксер — *бокшы*, лифтер — *лифтиш*, минер — *минашы*, билетер — *билетиш*, киоскер — *киоскашы* и т. д.

Существительное *шахтер* заимствовано без изменения;

-ионер: селекционер — *селекцияшы*, коллекционер — *коллекцияшы* и т. д.

Большинство существительных на **-ионер** заимствуется без изменения, например: *миллионер, акционер, милиционер, революционер, реакционер* и т. д.;

-ист: бульдозерист — *бульдозерши*, фельетонист — *фельетоншы*, футболист — *футболишы*, велосипедист — *велосипедши*.

Часть существительных на **-ист** заимствуется вместе с суффиксом, например: *журналист, идеалист, империалист, коммунист* и т. д.;

-ец: ленинец — *ленинши*, нахимовец — *нахимовшы*, стахановец — *стахановшы*, суворовец — *суворовшы* и т. д. Существительное «комсомолец» в каракалпакском языке употребляется с усечением суффикса **-ец**, как *комсомол*;

-овец, -евец: кружковец — *кружакшы*, искровец — *искрашы*, мхатовец — *мхатовшы* и т. д.;

-анец, -янец: республиканец — *республикашы*;

-ианец, -ьянец: вольтерьянец — *вольтерши*, гегельянец — *гегельши*, кантианец — *кантшы* и т. д.;

-арь: аптекарь — *аптекашы*.

Существительное «библиотекарь» на каракалпакский переводится как *китапханашы* (библиотека — *китапхана*), но каракалпаки часто употребляют и слово *библиотекашы*, образованное от русского заимствования.

Суффиксы **-ак, -як, -ин, -анин, -янин, -чанин, -овчанин, -ец, -овец, -евец, -анец, -янец, -инец, -ич** русского языка, обозначающие лиц по местожительству, в каракалпакском языке передаются аффиксом этого же значения **-лы, -ли**; например:

-ак, -як: сибиряк — *сибирли*, туляк — *тулалы*, пензяк — *пензалы* и т. д.;

-анин, -янин: киевлянин — *киевли*, египтянин — *египетли*, римлянин — *римли*, парижанин — *парижли* и т. д.;

-овчанин: горьковчанин — *горькийли*, харьковчанин — *харьковлы* и т. д.;

-ец: ленинградец — *ленинградлы*, кубанец — *кубанлы*, суданец — *суданлы*, волгоградец — *волгоградлы* и т. д.;

-овец, -евец: донбасовец — *донбаслы*, орловец — *орловлы*, кузбасовец — *кузбаслы* и т. д.;

-анец, -янец: американец — *америкалы*, африканец — *африкалы*, мексиканец — *мексикалы*, итальянец — *итальялы* и т. д.;

-инец: алма-атинец — *алма-аталы*, бакинец — *бакулы*, кубинец — *кубалы*, сочинец — *сочи́ли*, читинец — *читалы*, ялтынец — *ялталы* и т. д.;

-ич: костромич — *костромалы*, москвич — *москвалы*, пскович — *псковлы* и т. д.

Существительные на **-ин** каракалпакским языком усваиваются двояко. Часть их заимствуется вместе с суффиксами, например: осетин — *осетин*, грузин — *грузин* и т. д. Другая часть усваивается с усечением суффикса, например: болгарин — *болгар*, татарин — *татар* и т. д.

Существительные с суффиксом **-чанин** каракалпакским языком воспринимаются с усечением конечного **-ин**, например: англичанин — *англичан*, минчанин — *минчан*, ростовчанин — *ростовчан* и т. д.

Каракалпакский язык заимствует из русского языка существительные, обозначающие лиц женского пола, вместе с суффиксами. Например,

акушерка, лаборантка, машинистка, иностранка, актриса, стюардесса, графиня, гражданка, аспирантка, блондинка и т. д. В большинстве случаев каракалпакский язык, который не имеет грамматической категории рода, как язык тюркской системы, прибегает к синтаксическому способу образования слов, обозначающих лиц женского пола. Это достигается с помощью слов *қатын*, *қаял* 'женщина', *қыз* 'девушка'; например: журналистка — журналист *қыз* (*қатын*, *қаял*), кассирша — кассир *қыз* (*қатын*, *қаял*), помещица — помещик *қыз* (*қатын*, *қаял*), француженка — француз *қыз* (*қатын*, *қаял*), американка — америкалы *қыз* (*қатын*, *қаял*) и т. д.

Этот способ употребляется для образования существительных, обозначающих лиц женского пола, на основе заимствованных русско-интернациональных слов и исконной каракалпакской лексики.

Как уже отмечалось, каракалпакский язык не заимствует аффиксы русско-интернациональной лексики. Эти аффиксы могут входить только в состав заимствованных слов, которые на каракалпакской почве становятся неразложимыми лексическими единицами. Русско-интернациональные аффиксы не могут образовывать новые слова от корней и основ каракалпакских слов, хотя имеются и отдельные исключения.

Так, при помощи заимствованных русских суффиксов *-ов*, *-ович*, *-ова*, *-овна*, *-евна*, прибавляемых к каракалпакским личным именам, образуются фамилии и отчества, например: *Досжанов Муратбай Сипатдинович*, *Камалов Жолдас Сапарович*, *Ормашова Рабиби Алиевна*, *Жумашева Данегуль Ганиевна* и т. д.

Образование имен существительных, обозначающих названия лиц, на базе заимствованных и исконных элементов имеет свои особенности и играет большую роль в обогащении и развитии каракалпакского языка.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. А. А. Азизов. Сопоставительная грамматика русского и узбекского языков. Морфология (Краткий очерк). Ташкент, 1960.
2. Н. А. Баскаков. Современное состояние терминологии в языках народов СССР. М., 1959.
3. А. Бекбергенов. Қарақалпақ тилиндегі тийқарғы сөз жасау ұсыллары. — «Вестник Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР». Нукус, 1976, № 1.
4. В. В. Виноградов. Вопросы современного русского словообразования. — «Русский язык в школе», 1951, № 1.
5. А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960.
6. З. А. Потиха. Современное русское словообразование. М., 1970.
7. «Русский язык в национальной школе», 1976, № 1.
8. «Хэзирги қарақалпақ тили». Нөкис, 1974.
9. «Каракалпакско-русский словарь». М., 1958.
10. «Русско-каракалпакский словарь». М., 1967.

О Н О М А С Т И К А

М. Р. ФЕДOTOB

ЭТАЦИЗМ И ИТАЦИЗМ В СВЕТЕ ТЮРКСКИХ НАЗВАНИЙ РЕКИ ВОЛГИ

Цель данного сообщения — уточнить хронологию одного из интереснейших явлений исторической фонетики тюркских языков, а именно звукопереходов $\ddot{a} > a$, $\ddot{a} > e > i$ в тюркоязычных названиях реки Волги.

Термин «этацизм» обязан своим названием греческой букве Η, именуемой по древнему (эразмову) чтению «эта». «Итацизм» восходит к той же букве, именуемой по новому (рейхлингову) чтению «ита».

Еще первые исследователи тюркских языков отмечали, что на месте корневого чувашского заднеязычного *a* в других тюркских языках могут стоять гласные переднего ряда. В. Шотт, например, приводит чувашские слова с корневым *a*, которому в тюркских языках соответствуют гласные переднего ряда: чув. *an-* 'спускаться' — тур. *en-*; чув. *ar* 'мужчина' — тур. *er*; чув. *bar-* 'давать' — тюрк. *bir-* и др.¹

В. В. Радлов писал, что всеобщий переход тюркских палатальных (нёбных) гласных в гутуральные (гортанные) ни в одном из тюркских языков, кроме чувашского, не наблюдается. Причиной тому служил якобы забытый теперь чувашами их исконный язык, не относившийся к тюркским. Вследствие этого *ätik* чуваша превратили в *ada*, *äläk* в *ала* (сохраняем орфографию оригинала. — М. Ф.). В то же время В. В. Радлов считал, что чувашское *a* восходит к тюркскому *ä*, и, следовательно, переход $\ddot{a} > a$ совершился раньше $\ddot{a} > i^2$.

Вопрос о причине или комплексе причин перехода тюркских узких гласных в широкие все еще является спорным, но вторая часть тезиса В. В. Радлова о том, что чув. *a* восходит к тюрк. *ä*, была принята лингвистами как неоспоримый факт: др.-тюрк. *bär* 'давать' ~ чув. *rag*, но тат., башк. *bir id*; др.-тюрк. *äg* 'муж, мужчина' ~ чув. *ag*, но тат., башк. *ig id*; др.-тюрк. *säkiz*, *säkkiz* 'восемь' ~ чув. *sagär*, *sakkär*, но тат., башк. *sigëz id* и т. д.

Обратим внимание на последний пример, поскольку имя числительное *восемь* в болгарских памятниках XIII—XIV веков зафиксировано в форме *سكر* = *ski*. Принято считать, что чувашское *sagär* 'восемь' восходит к болгарскому **säkir* на том основании, что в древнетюркских памятниках той же эпохи существует форма *säkiz* 'восемь'. Звукосоответствие древнетюркского *ä* чувашскому *a* как будто бы подтверждает такое чтение. Однако утверждение некоторых авторов, что в период болгарских памятников (от 1280—1281 до 1357 года) фонетическое явление $\ddot{a} >$

¹ *Guilelmus Schott. De lingua tschuwaschorum. Dissertatio. Berolini (1840), стр. 7.*

² *W. Radloff. Phonetik der nördlichen Türk Sprachen. Leipzig, 1882, стр. 89.*

>булг. *a* еще не началось, а в XVI—XVII веках³ уже завершилось, вызывает сомнение. Фактический материал свидетельствует о том, что **ā* > булг. *a* имело место намного раньше. Числительное *восемь* в сарыг-югурском и якутском языках имеет ту же огласовку, что и в чувашском: сар.-югур. *sakis*, як. *aŋis*. Если же допустить, что отпадение начального общетюркского *s*- в якутском языке произошло в раннюю эпоху его формирования, то можно считать, что оно в какой-то мере связано с фонетическим явлением *ā* > *a*. Но при всех предположениях нам кажется несомненным, что итация в кыпчакских языках восходит к этации древнетюркского (огузского) типа. Для доказательства этого сошлемся на некоторые исторические документы, в которых зафиксированы тюркские названия реки Волги с начальным *a*, *ā*, *i*.

В атласе, составленном в седьмом веке неизвестным армянским географом и ныне расшифрованным академиком Академии наук Армянской ССР С. Еремянном, Волга называлась *Атл*. Рядом с Волгой обозначена другая большая река, под названием *Ра*⁴. На современных картах ее нет. Оказывается, озера, расположенные ныне между Волгой и Доном, являются остатками исчезнувшей реки *Ра*, рукав которой впадал в Дон (согласно сообщению профессора В. Д. Димитриева автору).

Имеются другие документы, датируемые более ранним временем, в которых название реки Волги дано с начальным открытым (широким) гласным *a*.

«Насколько известно, — пишет О. Прицак, — алтайское название Волги зафиксировано в византийских источниках. (По мнению Л. Лашони, название *Атиль* существовало еще до н. э.)»⁵. Там оно появляется в следующих формах: Ἀττίλα 'Волга' — у Менандра Протиктора (около 582 года); [варианты: Ἀντελῆς, Ἀταλ 'Волга' — в хронике Феофана (умер в 818 году); в латинских переводах Анастасия (873—875 годы): *Atel*, *Atal*; Ἀτῆλ 'Волга' и Ἐτελ — у Константина Багрянородного (умер в 959 году)]⁶. И. С. Чичуров пишет, что Феофан в своих описаниях географических названий Северного Причерноморья несколько раз упоминает величайшую реку, текущую вниз от океана по земле сарматов и называемую Ἀτελ. В латинском переводе, сделанном полвека спустя после создания греческого оригинала, зафиксировано *Atel*⁷.

В памятниках древней восточной литературы, судя по приведенным в упомянутой статье О. Прицака формам, начальный гласный в названии реки Волги писался по-разному: 1) 'tl — у ал-Балхи (умер в 934 году), 'itil — у Истахри (середина X века), atul — у Ибн Хаукаля (около 975 года); 2) 'itil — у Ибн Русте (около 903 года), ал-Мукаддеси (996 год) и ал-Гарнати (1162 год); cod. Alger: atal; ср. у Якута (умер в 1229 году): itil; 3) ātl — в Мешхедской рукописи Ахмеда ибн Фадлана (922 год), в анонимной рукописи Hudūd al-'ālam (983 год) и у ал-Бируни (ум. в 1048 году); 4) ātil — у Махмуда Кашгари (около 1070 года)⁸.

³ A. Róna-Tas, S. Fodor. Epigraphica Bulgarica. A Volgai bolgár-török feliratok. Szeged, 1973, стр. 154—155; Bernd Scherner. Arabische und Neupersische Lehnwörter im Tschuwasschischen. Wiesbaden, 1977, стр. 13.

⁴ См.: А. Какосян. Второй атлас земли. — «Комсомольская правда», № 130 от 5 июня 1965 года.

⁵ «Acta linguistica», Budapest, III, 1953, № 3—4, стр. 347—350. Цитируется по книге: В. А. Никонов. Краткий топонимический словарь. М., 1966, стр. 87.

⁶ Omeljan Pritsak. Der Titel Attila. — «Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag». Wiesbaden, 1959, стр. 406.

⁷ И. С. Чичуров. Экскурс Феофана о протобулгарах. — «Древнейшие государства на территории СССР». М., 1976, стр. 66, 71.

⁸ Omeljan Pritsak. Указ. раб., стр. 407—408.

В более поздних рукописях, а именно после XIII века, зафиксированные названия реки Волги имеют начальный узкий гласный *i*, хотя даже в XVI веке встречается написание с гласным *a* (*·Ā*).

А. П. Ковалевский, анализируя географические названия, встречающиеся в Мешхедской рукописи Ахмеда ибн Фадлана (начало X века), отмечает, что «огромная река, текущая в сторону хазар, пишется здесь

آتِل = *Атл*, что вполне соответствует чувашскому *Атӑл* (-д-)... Следует заметить, что Н. И. Ашмарин эту форму предугадал, когда писал: „Я думаю, что арабское *آتِل* должно произноситься с фатхой алифа *آتِل*, а не с касрой *إتِل*, как у нас обыкновенно принято читать это слово” (Н. И. Ашмарин. Булгары и чуваш. Казань, 1902, стр. 45). Действительность, — продолжает А. П. Ковалевский, — превзошла его ожидания, так как здесь алиф написан со знаком мадда»⁹.

Выше отмечалось, что в документах XVI века встречается название реки Волги с начальным алифом со знаком мадда. В. В. Бартольд по поводу выхода в свет сочинения Мухаммеда-Хайдера «Та'рих-и Рашиди» в английском переводе (Лондон, 1895), «едва ли не самого любопытного памятника мусульманской исторической литературы XVI века», писал, что на его 366 странице упоминается река *Атал* *آتِل* .., впадающая в Каспийское море. В рукописи *А* добавлено, что так пишется название этой реки в исторических сочинениях, но что узбеки говорят *Идил* *ایدل*¹⁰.

Не лишено интереса древнемонгольское название реки Волги. В «Нигуче Тобчиан» («Сокровенное сказание», начало XIII в.) содержатся географические сведения о Центральной и Средней Азии, а также отчасти и Европы. Среди приведенных здесь названий имеется и интересующее нас тюркское название Волги — *Ајл* [Ш. Бира. Монгольская историография (XIII—XVII вв.). М., 1978, стр. 63]. Что же касается упомянутого монгольского названия, то следует сказать, что содержащиеся в нем аффриката -j- и вокал -i- восходят соответственно к *-d- и *-ĭ-, то есть **Adil*.

Анализируя переход чув. *a* < др.-тюрк. **ā*, можно считать, что исходной формой чувашского названия *Атӑл* (-д-) была *Adil*, зафиксированная в ДТС в форме *Edil* со ссылкой на енисейский памятник Е 36. Начальные *А* и *Е* в приведенных выше словах не одного фонологического порядка. Как замечает М. Ряснян, «Томсен уже в древнетюркском языке подметил разницу между **ā* и **e* (в его написании *e* и *è*), из которых закрытое *e*- (в енисейских памятниках имеет специальное обозначение) встречается в словах: *eki* 'два', *bel* 'талия', *beš* 'пять'¹¹. Это закрытое *e*-, главным образом в кыпчакских и чувашском языках, перешло в *i*: тат., башк., чув. *ikë* 'два': тат., башк. *bil*, чув. *piĕk* 'талия'; тат., башк. *biš*, чув. *piĕk* 'пять' и т. д. Енисейские памятники, как известно, датируются V—VII веками нашей эры. Однако в ДТС нет названия гидронима с начальным закрытым (узким) гласным *i*. Надо думать, что опереднение открытого (широкого) *ā* произошло значительно позже в такой последовательности: *ā* > *e* > *i*. В пользу этого говорят названия *itil* у Джувеини (умер в

⁹ А. П. Ковалевский. Чуваш и булгары по данным Ахмеда ибн Фадлана. Чебоксары, 1954, стр. 30.

¹⁰ В. В. Бартольд. Сочинения, т. VIII. Работы по источниковедению. М., 1973, стр. 63, 72.

¹¹ М. Ряснян. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 79.

1283 году), itl — у ал-Муффадал (умер в 1341 году) и ал-Омари (умер в 1349 году)¹².

Интересно, что О. Прицак считает имя гуннского вождя Атилъ, Attila — Attyla, Ἀττῆλα ~ Ἀττίλα ~ Ἀτίλα связанным с первоначальным апеллятивом *äs-tila > *attila¹³. Свое доказательство исследователь строит на основании того, что алтайский апеллятив *äs (> чув. ас- в слове асла 'большой, всеобъемлющий, великий') плюс алтайский апеллятив *tıl < *tal (~ тюркско-монгольские tal ~ dal 'большая река'; 'море'; 'разлив, наводнение')¹⁴ являются составными частями гидронима Ἀττίλα, Ἀτελ, Ἀταλ, чув. Атӑл.

Рассмотренный материал позволяет, на наш взгляд, дать ответ на вопрос о причинах звукоперехода $\tilde{a} > \text{чув. } a$, а также $\tilde{a} > e > i$ в кыпчакских языках и сделать следующие выводы: 1) чув. Атӑл (-д-) по своей форме почти не отличается от зафиксированных в V—VIII веках византийских форм; 2) чув. Атӑл восходит к др.-тюрк. форме Adil, зафиксированной в енисейском памятнике Е 36¹⁵; 3) византийские названия реки Волги V—VIII веков отражают звукопереход $\tilde{a} > a$. Он осуществился не после XIII века, а в раннюю эпоху формирования тюркских языков, еще во времена енисейских или даже доенисейских памятников; 4) I в кыпчакском названии Idēl восходит к закрытому переднеязычному E, который в свою очередь восходит к более открытому заднерядному $\tilde{A}$, то есть $\tilde{A} > \text{чув. } A$: $\tilde{A}dil > \text{чув. } Атӑл$; $\tilde{A}dil > Edil > \text{кыпчакск. } Idēl$; 5) предположение, что A в вышеприведенных византийских формах по существу изначально и в этом виде сохранилось в чувашском языке, противоречит всей истории вокализма тюркских языков, поскольку анлаутное A древнетюркских слов в чувашском последовательно переходило в гласные y , $\tilde{a}$, $o > y$. Однако история чувашского языка не знает форм *Ытӑл, *Атӑл, *Отӑл > *Утӑл.

¹² Omeljan Pritsak. Указ. раб., стр. 408.

¹³ Там же, стр. 419.

¹⁴ Там же, стр. 412—413.

¹⁵ «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 163.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

М. И. ТРОФИМОВ

О ФОНЕТИЧЕСКОМ СПОСОБЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ УЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ

Г. Садвакасов в одной из статей¹ утверждает, что в тюркских языках фонетического способа словообразования как такового не существует, по крайней мере — в уйгурском языке. Те факты, которые могли бы, казалось, подтвердить существование продуктивного фонетического способа словообразования, в действительности объясняются вторичной семантизацией фонетических вариантов, возникающих случайно, независимо от плана содержания².

В настоящем сообщении рассматриваются некоторые аспекты данного вопроса.

Под «фонетическим способом» словообразования следует, очевидно, понимать способ словообразования, связанный с фонетическими процессами, в результате которых возникают фонетические варианты, например: *miŋä||mejä* 'мозг', *beliq||biliq* 'рыба' и т. п.³ В большинстве случаев фонетические процессы приводят к «стиранию» фонетического контура и уменьшению его информационной нагрузки. Э. Н. Наджип отмечает в тюркских языках, в частности в уйгурском, большое количество омонимов, например: *at* 'имя' и 'лошадь', *çiş* 'сон' и 'обеденное время', *jaş* 'слезы' и 'возраст', *barmaq* 'пальцы' и 'идти', *kög* — основа глагола «видеть» и «слепой» и т. д. и т. п.⁴ В результате фонетических процессов возникают новые случаи омонимии, например: *teriş* 'сев' и 'сбор, уборка', *beriş*, *berip*, *jetiş*, *jetip* — дееспричастия и имена действия от глаголов *bärmäk* 'дать' и *barmaq* 'идти', *jätmāk* 'достигать' и *jatmaq* 'лежать', *atni* 'лошадь' (винительный падеж) и 'лошади' (родительный падеж), например, в сочетании *atni beşi*⁵ и т. п.

Тем больший интерес представляют противоположные случаи, когда следствием фонетических процессов является не уменьшение, а увеличение функциональной нагрузки фонетического контура.

Г. Садвакасов в своих работах неоднократно возвращается к этому вопросу⁶. В книге «Современный уйгурский язык» в разделе, посвящен-

¹ Г. Садвакасов. Имеется ли в современном уйгурском языке фонетический способ словообразования? — «Советская тюркология», 1972, № 6.

² Там же, стр. 82.

³ Т. Талипов. Система гласных в современном уйгурском языке. — Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1960, стр. 15.

⁴ Э. Наджип. Современный уйгурский язык. М., 1960, стр. 29.

⁵ Там же, стр. 29, 56.

⁶ Г. Садвакасов. К некоторым вопросам словообразования в современном уйгурском языке. — «Известия АН Казахской ССР. Серия филологии и искусствоведения», вып. 1 (17). Алма-Ата, 1961, стр. 64.

ном орфографии, он относит такие случаи к дифференцирующим написаниям⁷. Однако орфография является атрибутом не языка, а другой знаковой системы — графики, в значительной мере автономной по отношению к языку. Явления двух разных планов — языка и письменности, переплетаясь, продолжают друг друга. В первую очередь интерес представляют процессы, происходящие внутри самого языка. Нельзя не согласиться с мнением Г. Садвакасова, что функциональное значение явления и механизм его образования следует рассматривать отдельно.

Видимо, фонетические изменения различаются между собой степенью, так сказать, «престижа», которым они обладают. Наиболее известный пример — существование в чешском языке двух стилей — «домашнего» и «официального». Один и тот же человек в быту может сказать «млико» (молоко), а выступая с трибуны — «млеко». Разговорный и ораторский стили произношения различаются четкостью дикции. Подобное противопоставление в произношении может также сосуществовать с противопоставлением литературного и диалектного или жаргонного произношения.

Примеры, приводимые Г. Садвакасовым в упомянутых работах, различаются в большинстве своем по двум пунктам: 1) один из фонетических вариантов восходит к более полному произношению, другой — к более редуцированному; 2) первый из вариантов обладает книжным, абстрактным значением, второй — более конкретным, обиходным. Указанное различие значений особенно заметно у заимствованных слов. Обратимся к примерам: *sāhra* 'пустыня, степь' — *sā:ra* 'деревня'; *meñpāt* 'труд' — *mājnāt* 'нечистоты'; *adaq* 'конец' (*adaqqi* 'конечный, последний') — *ajaq* 'нога'; *bajaq* 'давнишний, давний' — *bajiqi* 'недавний, давешний'; *jārlık* 'местный' — *jā:lik* 'могила'; *oɣanmaq* 'пробуждаться (о политическом сознании)' — *oxanmaq* 'просыпаться, проснуться'; *dövlāt* 'государство' — *dölāt* 'богатство', *pañajiti* 'очень' — *pajiti* 'только, лишь, как-нибудь'.

Это явление можно уподобить заимствованиям в современном хинди из санскрита или в древнерусском из старославянского. Славянизмы в современном русском языке всегда книжны, имеют более абстрактное значение, нежели исконно русские слова.

К этой группе, возможно, примыкают и еще некоторые пары, например: *qedimqi* 'древний' — *qādimki* 'обычный, обыкновенный', *halak bolmaq* 'погибнуть, потерпеть крушение' — *hālāk bolmaq* 'измучиться, измаяться', *dala* 'пустырь' — *tala* 'двор, улица', *šogra* 'суп' — *šova* 'бульон', *tor* 'сеть' — *tō* 'паутина', *turdi* 'встал, поднимался, принял вертикальное положение' — *tūdi* 'стал, становился, стоял'.

Более полный или более исконный фонетический контур связан в некоторых случаях с тем значением, которое возникло позднее. Так, например, *šogra* в отличие от традиционной похлёбки местной кухни имеет особое значение «суп», которое появилось позднее вместе с этим блюдом. Еще одной причиной сохранения фонетического контура может быть более тесная связь с внутренней формой слова или выражения. Например, *aɣa-ıñi* 'братья' (первоначальное значение) — *aɣıjñā* 'приятель' (более позднее значение), *qoɣuɣdimaq* 'загородить, отгородить' — *qoɣdimaq* 'защищать, оборонять'. Иногда это различие проявляется лишь в

⁷ Э. Қайдаров, Г. Садвакасов, Т. Талипов. Ғазпрки заман уйғур тили. Лексика ва фонетика. Алмута, 1963, стр. 253.

орфографии (atdaš 'тёзка' — adaš 'приятель'). Особо следует рассматривать пример joq 'нет, не имеется' (антоним слова «есть») — jaq 'нет' (антоним слова «да»). Первое слово является обязательно членом предложения, второе же принадлежит к числу так называемых слов-предложений, поэтому связано с более долгим произношением. Гласный в последнем слове представляет собой, таким образом, своего рода «ступень удлинения».

Выяснение механизма появления таких контрастных пар, как приведенные выше, может быть полезно для понимания и самой сущности этого явления.

У.-Ж. Ш. ДОНДУКОВ

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ СЛОВА-ЭТНОНИМА «ЯКУТ»

О. Н. Бётлингк в своем знаменитом «Якутско-немецком словаре» отмечал, что этноним *якут*, по мнению бурятского ученого Доржи Банзарова, монгольского происхождения¹. Тем не менее этимология слова *якут* до сих пор не может считаться выясненной, хотя и в последующие годы этим вопросом занимались многие исследователи.

Совсем недавно в журнале «Полярная звезда» появилась статья якутского лингвиста П. Барашкова, в которой автор утверждает, что название *якут* происходит от эвенкийского слова *яко*. При этом он ссылается на известного краеведа прошлого века А. Е. Кулаковского, писавшего: «Первые русские об якутах услышали от южных тунгусов, под указанным именем «эко». Но в русском языке, как известно, не принято ставить в начале слова иностранный «э» и казаки его заменили звуком «йа» или «я», — получилось «яко». Затем к слову придали свое окончание «ут» — получилось «якут»². Для подтверждения своей точки зрения П. Барашков приводит мнение другого краеведа — Р. Маака, изучавшего в свое время Вилюйский округ и писавшего еще в 1887 году, что существует предположение, будто русские узнали о существовании на Лене якутского народа от тунгусов и от них позаимствовали слово «якут»: тунгусы называли якутов «яко», откуда, по всей вероятности, и произошло название «якут»³.

Безоговорочно принимая эти предположения, автор статьи пытается их еще обосновать: «С фонетической точки зрения название «саха» соответствует тому же эвенкийскому «яко (екэ)»... В начале якутского слова никогда не встречается согласный «й»... В соответствии с этим правилом эвенкийский начальный «й», имеющийся в слове «яко», видимо, был заменен якутами сильным переднеязычным «с»... В результате вместо эвенкийского «я» появилось в якутском произношении «са». Второй слог «ко» принят якутами почти без серьезного изменения как «ха»... В результате всего этого произошло весьма любопытное явление: этнические названия «саха» и «якут» произошли от одного общего эвенкийского корня «яко (екэ)»⁴.

Таким образом, автором отвергается гипотеза О. Н. Бётлингка и Д. Банзарова.

¹ Доржи Банзаров — первый бурятский ученый-ориенталист, окончивший Казанский университет в 1846 году с дипломом кандидата наук.

² П. Барашков. О происхождении слов «саха» и «якут». — Журнал «Полярная звезда». Якутск, 1977, № 4, стр. 126.

³ См. там же, стр. 126.

⁴ Там же, стр. 127.

В современных исторических исследованиях о народах Сибири отмечается следующее: «Бродячие эвенкийские племена вклинивались по горным лесистым хребтам внутрь территории, занятой бурятами... Более слабые и экономически более отсталые, чем буряты, племена нередко оказывались в зависимости от бурятских князцов. Эти отношения получили наименование “кыштымства”. Самый термин “кыштым” происходит от “кистэргэ”, что на языке минусинских тюрков значит “притеснять”, “прижимать”. Эти отношения возникли до появления русских в Сибири. Во всяком случае к моменту появления первых отрядов казаков за Енисеем большая часть местного населения к востоку от Енисея находилась в зависимости от бурятских князцов... Русские документы XVII века говорят о том, что в первой половине века кыштымами бурят считались тунгусские племена, жившие на Ангаре»⁵.

В свете сказанного утверждение П. Барашкова о том, что первыми местными жителями, встреченными русскими на Енисее, были эвенки, сообщившие им о якутах и называвшие их «яко (екэ)», весьма сомнительно. Это не подтверждается никакими историческими источниками, ибо на Енисее русские встретили только приенисейских тюрков (качинцев, аринов и др.), которые давно находились в вассальном подчинении у бурят⁶. С эвенками же русские встретились только на Ангаре.

Вековое «кыштымство» эвенков у бурятских князей и меновая торговля между эвенками и бурятами не могли не отразиться на языке эвенков. Как видно из «Эвенкийско-русского словаря» Г. М. Василевич, у эвенков имеется значительное количество заимствованных бурятских слов из различных областей лексики.

Видного якутского лингвиста П. Барашкова должен был насторожить тот факт, что эвенкийское слово «яко (екэ)» в самом эвенкийском языке исторически не имеет понятийного смысла. Поэтому, видимо, он и не пытается раскрыть этимологию слова «яко (екэ)». Следовательно, логично считать его иноязычным словом, проникшим из языка, влиявшего на эвенкийский. Таким языком в то время был бурятский, носители которого оказывали огромное влияние не только на язык эвенков, но и на весь их хозяйственный уклад.

Как известно, при создании «Якутско-немецкого словаря» О. Н. Бётлингком консультантом у него по монгольским языкам был уже упоминавшийся нами Доржи Банзаров⁷. Оба они считали, что для слова *якут* характерен формант множественного числа монгольских языков *-д*. Это опровергает мнение А. Е. Кулаковского (с которым соглашается и П. Барашков) относительно окончания *-ут* и начального звука *э-* в слове *эко*, хотя они не раскрывают содержания слова *якут*, а значимая деривационная морфема *-ут* в русском языке вообще отсутствует.

Структура слов *якут* (по-русски), *яхад* (по-бурятски), *дзахад* (по-монгольски), *яко* (по-эвенкийски), *сах* (по-якутски) обнаруживает их этимологическую близость с монгольским корнем *дзыха* или *зах*, означающим «край», «берег», «окраина», «сторона», «окрѳга», «ворот, воротник (одежды)»⁸. В словаре В. В. Радлова слово *йаха* отмечено пометой: лебединское, чулымское, крымское, барабинское наречия, уйгурский

⁵ «История Бурят-Монгольской АССР», т. I, Улан-Удэ, 1954, стр. 73—74.

⁶ См.: Е. Залкинд. Присоединение Бурятии к России, Улан-Удэ, 1958, стр. 16.

⁷ См.: У.-Ж. Ш. Дондуков. Вклад Доржи Банзарова в филологическую науку. — Журнал «Байкал», 1976, № 5, Улан-Удэ; его же. О филологических изысканиях Доржи Банзарова. — В сб.: «Первый бурятский ученый» (К 150-летию со дня рождения Доржи Банзарова), Улан-Удэ, 1973.

⁸ См.: «Монгол хэлний товч тайлбар толь», Улаан-Баатар, 1966, стр. 270; «Калмыко-русский словарь», М., 1977, стр. 243; «Бурят-монгольско-русский словарь», М., 1951, стр. 267.

язык, в которых оно означает «воротник» и «берег»⁹. В «Древнетюркском словаре» это слово зафиксировано со следующими значениями: *jaq* 'сторона', *jaqa* 'ворот, воротник'¹⁰. Данные тюркских и монгольских языков указывают, что это слово очень древнее, исторически имеющее общетюркомонгольское происхождение, и что в результате развития семантика его (в частности, в монгольских языках) расширилась от значения «сторона», «ворот, воротник» до значения «край», «окраина», а в дальнейшем до этнонима *яхад* (*дзахад*), *якут*.

В «Истории Бурятской АССР» сообщается: «В 1628 г. из Енисейска был отправлен отряд сотника Петра Бекетова для ясачного сбора и постройки острога». Эта экспедиция положила начало непосредственным контактам русских с бурятами¹¹.

Таким образом, первыми бурятами, с которыми встретились русские при освоении Восточной Сибири, были добайкальские (западные) буряты, проживающие ныне не только по Ангаре, но и по всей Иркутской области. В говорах добайкальских бурят монгольская аффриката *дз* повсеместно заменяется среднеязычным сонантом *ј*, например, *дзургаан* — *јоргоон* 'шесть', *джил* — *јэл* 'год', *джиргал* — *јаргал* 'счастье', *дзахад* — *јахад* 'якут' и т. д. В словах *якут* и *саха*, имеющих общее происхождение, наблюдается закономерное в тюркских языках фонетическое чередование *ј* — *с*: татарское *јол* 'дорога', в якутском звучит как *сол*, то же чередование в словах *яха* и *саха*. Кроме того, в слове *якут* обнаруживается исконный показатель множественного числа монгольских языков -*д* (-*уд*).

Из изложенного видно, что в рассматриваемых языках закономерно звуковое чередование *дз*—*ј*—*с*. По-видимому, первоначальное *дзаха* — *дзахад* впоследствии стало *яха* — *яхад* — нынешнее бурятское название якутов. Начальный сонант *ј* тюркских и монгольских слов в якутском языке последовательно заменяется на *с*, поэтому бурятское *яхад* в якутском стало *саха*, однако формант -*д*, свойственный множественному числу монгольских языков, в якутском не привился, в русском же он сохранился в виде -*т* (*якут*).

Буряты называли якутов в прошлом *дзахын улас* 'окраинным народом' (здесь уместно вспомнить происхождение названия украинцев), ибо по представлению бурят якуты проживали на окраине Азиатского материка. Кроме того, у монголов также имеется народность *дзахад* или *дзахачин*, занимающая юго-западную окраину Монгольской Народной Республики.

В связи с тем, что слово *саха*, как и *якут*, на почве якутского и эвенкийского языков не этимологизируется, последнее (*якут*) надо считать монгольским словом, заимствованным у бурят первоначально русскими, приблизившими его звучание к фонетическим нормам русского языка и воспринявшими его в значении единственного числа при сохранении показателя множественного числа бурятского языка -*д*. Через русское посредство оно было заимствовано и самими якутами.

Древнее название нынешних якутов — *ураанхай* (*уриянхай*). Так их называли монголы в своих исторических хрониках, в то время когда предки якутов населяли районы Прибайкалья. Возможно, это название происходит от монгольского слова *урайнхи* 'древние', 'передние, находящиеся в боевых порядках войск'.

⁹ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских языков, т. III, ч. I, стр. 39.

¹⁰ «Древнетюркский словарь», Л., 1969, стр. 237.

¹¹ «История Бурят-Монгольской АССР», т. I, Улан-Удэ, 1954, стр. 93.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

М. ДЖАФАРЗАДЕ

ОБ ОДНОМ ПУТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

(НА МАТЕРИАЛЕ ДИАЛЕКТОВ И ГОВОРОВ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА)

Ряд вопросов общей проблемы сложноподчиненного предложения в тюркских языках связан с выявлением путей возникновения и развития данного типа предложения. Хотя в исследованиях последних лет¹ эти вопросы были частично разрешены, однако все еще продолжают оставаться неясные и спорные моменты.

Известно, что теория о путях возникновения сложноподчиненных предложений была выдвинута А. Рифтиным на основе некоторых высказываний А. А. Потебни. Согласно этой теории развитие сложноподчиненных предложений шло двумя путями: 1) два простых предложения, объединяясь на основе сочинения, в последующем образуют сложноподчиненное предложение, 2) глагольные обороты простого предложения, превращаясь в придаточные предложения, образуют сложноподчиненное предложение².

Позднее Г. С. Кнабе подверг критике эту теорию, указав, что в индоевропейских языках не встречаются случаи превращения глагольных оборотов в придаточные предложения. Таким образом, второй путь развития, иллюстрируемый А. Рифтиным примерами из аккадского языка, не подтверждается материалами индоевропейских языков³.

Однако многие тюркологи разделяют точку зрения А. Рифтина⁴.

Рассматривая вопрос возникновения сложноподчиненного предложения в азербайджанском языке, М. Ш. Ширалиев также отмечает указан-

¹ А. З. Абдуллаев. Пути возникновения сложноподчиненных предложений в тюркских языках. — «Советская тюркология», 1970, № 3; Ә. Абдуллаев. Мүасир Азәрбајҹан дилиндә табели мурәккәб чүмләр. Бақы, 1974; М. З. Закиев. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963; его же. Некоторые вопросы формирования сложноподчиненных предложений. — «Советская тюркология», 1972, № 2; Н. З. Гаджиева. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973.

² А. Рифтин. О двух путях развития сложного предложения в аккадском языке. — «Советское языкознание», т. III. М., 1937, стр. 66.

³ Г. С. Кнабе. Еще раз о двух путях развития сложного предложения. — «Вопросы языкознания», 1955, № 1, стр. 108—116.

⁴ А. И. Исаков. Пути развития придаточного предложения в составе сложноподчиненного предложения в казахском языке. — «Известия АН Казахской ССР. Серия лингвистическая», 1948, № 77; Э. В. Севортян. О некоторых вопросах сложноподчиненного предложения в тюркских языках. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. III. Синтаксис. М., 1961, стр. 126—127; Э. А. Грунина. Некоторые вопросы синтаксиса сложноподчиненного предложения в современном литературном узбекском языке. — Там же, стр. 149; М. Ш. Ширәлиев. Мүасир Азәрбајҹан дилиндә мурәккәб чүмләр мәсәләси. — «Әдәбијат вә дил институтунун әсәрләри», V ч. Бақы, 1953, стр. 35—36; З. Х. Тағызаде. Мүасир Азәрбајҹан дилинин синтаксиси. Бақы, 1960, стр. 132.

ные выше два пути. Говоря о втором из них, он указывает, что сложное предложение образуется в результате грамматического развития одного из членов простого предложения, выраженного причастием, деепричастием или масдаром и функционально тождественного придаточному предложению. Он дает объяснение процессу превращения глагольных оборотов в придаточные предложения⁵.

Хотя в статье М. Ш. Ширалиева не приводятся конкретные примеры развития оборотов в придаточные предложения, теоретические высказывания автора, несомненно, верны.

А. З. Абдуллаев, посвятивший сложноподчиненным предложениям в азербайджанском языке специальное исследование, с одной стороны, выражает несогласие с М. Ш. Ширалиевым, считая, что тот находится под влиянием идей А. Рифтина (по-видимому, автор здесь разделяет точку зрения Г. С. Кнабе)⁶. С другой стороны, А. З. Абдуллаев прослеживает такой путь возникновения сложноподчиненного предложения, как «выход за пределы» простого предложения (этим путем в придаточное предложение превращаются обычно обороты), и даже пишет об «эпохе превращения оборотов в придаточные предложения»⁷, тем самым фактически соглашаясь с возможностью превращения оборотов в придаточные предложения.

Напротив, Н. З. Гаджиева считает невозможным развитие придаточных предложений из глагольных оборотов⁸.

Конечно, теория А. Рифтина не свободна от недостатков (мы не касаемся вопроса о ее применимости для индоевропейских языков). Во-первых, эта теория исключает возможность непосредственного образования сложноподчиненного предложения из простых, тогда как исследования А. З. Абдуллаева, Н. З. Гаджиевой и других ученых показывают, что такой путь не только возможен, но является даже наиболее древним. И это мнение разделяет большинство тюркологов. Во-вторых, не все сложные предложения, образовавшиеся на основе сочинительной связи, становятся сложноподчиненными. Этому процессу подвергаются лишь некоторые из них⁹.

Таким образом, возможны три пути возникновения сложноподчиненных предложений в тюркских языках: 1) непосредственное соединение простых предложений на основе подчинительной связи; 2) превращение глагольного оборота в составе простого предложения в придаточное предложение; 3) превращение некоторых сложносочиненных предложений в сложноподчиненные.

Необходимо отметить, что дискуссии, ведущиеся вокруг проблемы сложного предложения (и синтаксиса вообще), часто возникают из-за отсутствия подтверждающего фактического материала. Так, например, Ю. Сеидов указывает, что в принципе превращение оборотов в придаточные предложения возможно, хотя в письменных памятниках азербайджанского языка это подтверждения не находит¹⁰.

Как известно, письменный литературный язык подчиняется устоявшимся «отшлифованным» нормам. Поэтому «дефектные» переходные

⁵ М. Ш. Ширалиев. Указ. раб., стр. 35—36.

⁶ Ә. Абдуллаев. Мүасир Азәрбајҹан дилиндә..., стр. 371—375.

⁷ Там же, стр. 385—387; А. З. Абдуллаев. Пути возникновения..., стр. 54—55.

⁸ Н. З. Гаджиева. Основные пути развития..., стр. 50.

⁹ Ә. Абдуллаев. Мүасир Азәрбајҹан дилиндә..., стр. 368.

¹⁰ J. Sejdov. Азәрбајҹан әдәби дилиндә сөз бирләшмәләри. Бақы. 1966, стр. 206—207. По-видимому, Г. С. Кнабе также пришел к своему выводу в связи с отсутствием подтверждающих это превращение фактов.

формы, как правило, не находят отражения в письменном литературном языке. Такие факты встречаются лишь в устной речи, особенно в диалектах и говорах.

Настоящая статья не ставит целью подробное рассмотрение всех путей возникновения сложноподчиненных предложений. Наша задача — попытаться на основе фактического материала проанализировать способы перехода оборотов в придаточные предложения в диалектах и говорах азербайджанского языка с учетом особенностей этих оборотов.

В диалектах и говорах азербайджанского языка, в сравнении с литературным языком, глагольные обороты встречаются гораздо реже. Это связано с процессом превращения оборотов в придаточные предложения. Наблюдения показывают, что в настоящее время в диалектах довольно интенсивно продолжается процесс образования придаточных предложений из оборотов путем помещения последних после сказуемого предложения либо другими способами¹¹. Наличие достаточного количества «дефектных» переходных форм в диалектных материалах позволяет проследить механизм отдельных превращений.

Невольно возникает вопрос: что же порождает указанный процесс, что создает условия для его развития?

1. Прежде всего сложноподчиненное предложение, по сравнению с простым предложением с глагольными оборотами, обладает рядом преимуществ.

А. Как отмечал в свое время еще Ф. Корш, в придаточном предложении мысль выражается яснее, нежели в обороте¹². Это особенно четко видно в диалектах и говорах. Поскольку оборот обычно функционирует в середине простого предложения, выражаемая им мысль как бы «обволакивается» содержанием других частей предложения и часто воспринимается слушателем не без труда. Синонимичное же сложноподчиненное предложение свободно от указанного недостатка. Здесь мысли, выражаемые его отдельными компонентами (главным и придаточным), воспринимаются слушателем последовательно, что способствует быстрому и четкому пониманию¹³.

Б. В основе оборота лежит неспрягаемая форма глагола, а в основе придаточного предложения — личная форма. Для передачи не только всей мысли в целом, но даже ее частей *verbum finitum* имеет известное преимущество перед неспрягаемыми формами, являясь более полноценным средством. Поэтому в развитых в синтаксическом отношении диалектах отчетливо выступает тенденция избегать употребления деепричастий (в частности, формы *-yb*). Так, в отличие от письменного литературного языка, здесь однородные глагольные сказуемые выражаются не деепричастиями, а спрягаемыми формами, например: *Goşyî aldym gäldim, apardym goşdym gojyna* (Саб.) *досл.* 'Барана купил, пришел; отвел, пустил к овце (овцам)'; *Kütügi çayartdym sürüddüm gät dim, duğradım jıy dım dama* (К.) 'Выкорчевал пень, потащил, принес, расколол, сложил в сарай'.

В. С превращением оборота в придаточное предложение последнее становится менее громоздким, освобождаясь от ряда слов. Объем компонентов сложноподчиненного предложения сравнительно невелик. Каж-

¹¹ Сходный вывод делает А. З. Абдуллаев на материале азербайджанского литературного языка (см.: *Ә. Абдуллаев. Мүасир Азәрбајчан дилиндә...*, стр. 388).

¹² *Ф. Корш. Способы сравнительного подчинения* (глава из сравнительного синтаксиса). М., 1877, стр. 36—39.

¹³ Четкость и понятность мысли, выраженной сложноподчиненным предложением, отмечает также А. З. Абдуллаев (см.: *Ә. Абдуллаев. Мүасир Азәрбајчан дилиндә...*, стр. 385).

дый компонент (предложение) обычно представляет собой отдельный речевой акт, ясно передающий нужную мысль¹⁴.

Г. В диалогической речи один из компонентов сложноподчиненного предложения может частично или полностью опускаться, в результате чего реплика становится гораздо лаконичнее. Подобные сокращения в простых предложениях с глагольными оборотами, хотя и допускаются, однако менее эффективны.

Д. Как известно, произношение масдарных оборотов на *-tag* нередко бывает затруднительным. В целом ряде языков, где представлена указанная форма, масдарные обороты часто заменяются оптативными конструкциями¹⁵. Сказанное относится и к причастным оборотам с формой на *-dyg*. Так, в письменном литературном языке можно встретить такие предложения, как *Hätta onun gajytmaṭaṭuna sevinirdi* 'Даже радовался тому, что он не возвращался'; *Atasy onun jaxşy oxumataṭundan xəbər tutmuşdy* 'Его отец узнал, что он плохо учится' (досл. 'хорошо не учится'); *Onun kitablagyny jaxşy saxlamadyṭuny bilirdik* 'Мы знали, что он плохо обращается' (досл. 'хорошо не обращается') с книгами'. Однако в разговорной речи, особенно в диалектах и говорах, подобные конструкции из-за трудностей произношения подвергаются инверсии, или же заменяются сложноподчиненными предложениями.

2. Превращение глагольных оборотов в придаточные предложения связано также с изменением порядка слов.

А. Согласно положениям современной психолингвистики, строгий порядок слов не является целесообразным с точки зрения коммуникации, поскольку при этом подлежащее и сказуемое довольно часто оказываются на значительном расстоянии друг от друга¹⁶. В диалектах данная коммуникативная трудность устраняется изменением порядка слов, путем перемещения сказуемого (как наиболее нагруженного по смысловому содержанию члена предложения) по направлению к началу предложения (к подлежащему). Мешающие же этому перемещению глагольные обороты помещаются вслед за сказуемым¹⁷.

Б. Одна из особенностей порядка слов в диалектах заключается в том, что члены предложения, выраженные формой дательно-направительного падежа, обычно помещаются в конце предложения (наблюдается в ряде тюркских языков в разговорной речи и в большинстве диалектов). Это происходит часто за счет масдарных и некоторых причастных оборотов.

3. Превращение оборотов в придаточные предложения и, соответственно, простых предложений в сложноподчиненные обусловлено диалектическими законами развития языка, распространяющимися и на область его синтаксической структуры. Ясно, что по сравнению с простым предложением с оборотами сложноподчиненное предложение представляет более высокую ступень развития; точно так же соотносятся между собой оборот и придаточное предложение.

4. В подобных превращениях в различных языках, особенно агглютинативных, определенную роль играет также закон экономии. Так, в

¹⁴ Это в общем виде отмечено и А. З. Абдуллаевым (Э. Абдуллаев. Мүасир Азәрбајҹан дилинде..., стр. 385).

¹⁵ Н. З. Гаджиева. Основные пути развития..., стр. 151; *ее же*. О роли некоторых внутренних и внешних факторов в изменениях структуры тюркских языков. — «Советская тюркология», 1972, № 3, стр. 12—13.

¹⁶ Там же, стр. 12.

¹⁷ Эти особенности изменения порядка слов были нами рассмотрены специально; см.: М. Чәфәрзаде. Азәрбајҹан диалект вә шивәләриндәки сәрбәст сөз сырасы һағында. — «Азәрбајҹан ССР ЕА Хәбәрләри.Әдәбијјат, дил вә инчәсәнат серијасы». Бақы, 1973, № 3.

диалектах переход оборота в придаточное предложение сопровождается значительной экономией в звуках и слогах.

5. Наконец, одна из основных причин рассматриваемого процесса заключается в том, что сами обороты исторически восходят к предложениям¹⁸. Конструкции же, являющиеся по происхождению предложениями, при благоприятствующих этому обстоятельствах вновь легко переходят в предложения.

Данные диалектов указывают на многообразие способов и средств перехода оборотов в придаточные предложения.

Ниже, исходя из фактического материала, мы рассмотрим несколько вариантов образования придаточных предложений из оборотов в диалектах и говорах азербайджанского языка.

Первый вариант. Он заключается в переходе в придаточное предложение оборота, следующего за сказуемым простого предложения. Данный вариант перехода является постепенным и многоступенчатым. Диалекты содержат богатые факты, отражающие различные этапы этого процесса.

I ступень. Глагольный оборот следует за сказуемым, однако он еще не приобрел самостоятельности, оставаясь членом предложения, изменившим свою позицию. Например: *Tažir gälej oylanun mülkindä imarät tikdirmäjä* (Дж.) 'Купец приходит построить дом во владениях мальчика'; *Män borşdujam naхur otarmaya* (Шх.) 'Я должен пасти стадо'.

II ступень. Глагольный оборот, следующий за сказуемым, в какой-то мере выделяется интонационно. Однако он еще не отделился от простого предложения, оставаясь по существу его членом. Например: *Doguz jaşun vardu män aяayuta çarux gijändä* (Ш.) 'Мне было девять лет, когда я надел на ноги обувь'; *Öjdän çухтуşux savaya bir sät galmyş* (Т.) 'Мы вышли из дому за час до рассвета'; *Män gojun otarmuşam gux ješinä kimin* (Зак.) 'Я пас овец до сорока лет'.

Данная ступень развития оборотов иногда встречается и в произведениях художественной литературы: *Гапына кәлмишәм, төвбә еләмәјә* (М. Ибраһимов. «Пәрванә») 'Пришел к твоему порогу, чтобы покаяться'.

III ступень. Причастный оборот, следующий за сказуемым, в значительной степени обособляется, выделяясь с помощью четкой паузы. Оборот с основным предложением обнаруживает сходство с моделью сложноподчиненного предложения с придаточным-подлежащим. Такие образования могут рассматриваться как переходные между простым и сложноподчиненным предложениями. Например: *İtmi ildi, ollar burja köçäli* (Гд.) 'Уже двадцать лет, как они сюда переехали'; *Otuz il var, hollı burdan gidän* (Ш.) 'Вот уже тридцать лет, как они уехали отсюда'; *Hamıja bällidi, mänim hānžāri işdäm äjim* (Кр.) 'Всем известно, как я работаю'.

IV ступень. Происходит образование сложноподчиненного предложения, хотя ведущее слово оборота (масдар, причастие, деепричастие) не превращается в *verbum finitum*.

А. Между оборотом и остальной частью предложения появляется союз *ki*: *Gurdayşunyn başu äjri olor kin, gojunu tutmaxşun* (Кз.) 'Конец палки бывает изогнутым, чтобы ловить овец'; *Gäldim kin, siz i ararmaya* (Мб.) '(Я) пришел, чтобы вас отвести'.

¹⁸ Тот факт, что глагольные обороты исторически восходят к предложениям, все-сторонне обоснован Н. З. Гаджиевой (см.: Н. З. Гаджиева. Основные пути развития...).

А. З. Абдуллаев приводит сходный пример из Тефсира: *Bıldılār kīm āṣhāb-al-kāhḫ kīṣilārī ḫmīṣīnī*. Хотя он и не считает это предложение правильным, однако указывает, что по своей структуре оно является сложноподчиненным, отражая переходный этап превращения оборота в придаточное предложение¹⁹.

Б. Иногда между предложением и оборотом употребляются союзы *taki, tādym* 'пока': *Нону jaxši sulujuḷlar taki bir gāriṣ galxana gāḍār* (Ш.) 'Его хорошо поливают, пока не поднимется на одну пядь'; *Jengā gyznān gāler, tādym, gyzy gātiriv oḷlana tarṣugapatan* (Кз.) 'Енгя (женщина, сопровождающая новобрачную в дом жениха) находится рядом с девушкой до тех пор, пока ее не передадут юноше'.

В. Глагольный оборот отделяется от предложения присоединением частицы *tu* к сказуемому: *Mān uṣayamtu, mānim žibimā belā ṣejlār doldurṡaḡa* (Ках.) 'Что я, ребенок, чтобы мне карман наполняли такими вещами'.

Г. Входящие в состав сказуемого предложения слова *dejiḷ, oldu* полностью отделяют глагольный оборот от предложения: *Gāldivaxd oldi, guzytuzyi gālin aramāḡa* (Саб.) 'Пришло время выдать нашу дочь замуж'; *Mān dāli dūrām, helā iṣḍār elāmāḡa* (К.) 'Я не сумасшедший, чтобы заниматься такими делами'.

Д. Условия для отделения глагольного оборота создает также наличие (или возможность употребления) в предложении относительных местоимений: *Gün olmazdy, āt kās māmīs* (Д.) 'Не бывало дня, чтобы не резали скот (букв. мясо)'; *Dajhara galdyi, biz axtarmadyuḡuḡuz* (Сл.) 'Где еще осталось (место), которое мы не обыскали'.

Е. Иногда в основном предложении представлена «модель» придаточного, а между компонентами имеется союз *ki*: *Dejir: bitārāf olaram o vaxtda ki, goḡum-āḡraba irazylyḡa gālāndā, māni dā o žāhātdān ṣayugyb māslatdaṣanda* (Сл.) 'Говорит: я воздержусь, до тех пор пока родственники придут к соглашению (и), позвав меня, будут советовать по этому поводу'; *Anṣax biržā o galyf kin, elā ha dyrganuḡ ol māmāḡ* (Кз.) 'Оставалось только одно: просто выкатившись, спастись (букв. не умереть)'.

Наконец, в таких оборотах, приобретших самостоятельность, ведущее слово (масдар, причастие, деепричастие) переходит в спрягаемую форму. С этой точки зрения представляют интерес две структуры, употребленные параллельно одним и тем же носителем диалекта: *Sā jaraṣerṡu, jedif ṣuḡulluḡ elāmāḡ* || *Sā jaraṣerṡu, jedif ṣuḡulluḡ elersān?* (Кз.) 'Разве тебе к лицу заниматься доносом?'.

Отметим также, что часть конструкций ступеней III, IV (хотя их второй компонент и не содержит личной формы глагола) может считаться сложноподчиненным предложением, поскольку второй компонент, располагаясь в конце предложения, имеет конечную интонацию. Однако их нельзя квалифицировать с точки зрения наличия/отсутствия формальных элементов (в частности союзов), так как многие диалектные предложения не имеют союзов. Основным условием является то, в какой степени эти конструкции при произнесении производят впечатление сложного предложения.

Рассмотренные факты ясно указывают на то, что многие сложноподчиненные предложения с постпозитивным придаточным возникли указанным путем²⁰.

¹⁹ Э. Абдуллаев. Мүасир Азербайжан дилинде..., стр. 386—387.

²⁰ Такой же вывод, хотя и в несколько иной форме, делается и в исследовании А. З. Абдуллаева (см.: Э. Абдуллаев. Мүасир Азербайжан дилинде..., стр. 56—57).

Обороты, относящиеся к глаголам условного и желательного наклонений (дополнения в составе условных и противительных придаточных предложений), перемещаясь в позицию после сказуемого, тем самым превращаются в зависимые дополнителные придаточные предложения: Bilām, boḡazum na p asaḡaɣlar, dedigimnān dōnān dōgrām (A.) 'Пусть даже знаю — повесят, но от сказанного не отступлюсь'; Ešitsān ki, gālīf, mā xavar elā (X.) 'Если услышишь, что пришел, дай мне знать'.

Данная структура, по-видимому, сформировалась давно (это, прежде всего, относится к таким употребительным глаголам, как bil- 'знать', gōg- 'видеть', ešit- 'слышать', de- 'говорить'). Поэтому употребление вместо вышеприведенных предложений соответственно конструкций типа Boḡazumdan asaḡaɣlaryny bilsām dā, Gāldijini ešitsān (как этого требуют нормы письменного языка) совершенно не характерно для диалектов. Переходные же формы встречаются довольно редко: Bilsām gāldijini zi, toɣlu saxlardym (D.) 'Если бы знал, что вы придете, приберег бы барашка'.

Второй вариант. Обороты с деепричастием на *-anda* часто переходят в придаточные предложения без изменения порядка слов, путем превращения деепричастия в личную форму глагола: Kāndā, h a v a i š u x l a š y f (<i>ışyğlaşanda) gālmišāx' (D.) 'В деревню (мы) пришли, когда рассвело'; Xōrāg' biširdim (<^vbiširāndā) baxmaram dadyna (Шем.)

'Когда готовлю пищу, не пробую'; Zeḡā oldi (<*olanda*), čalyb ojni-jannan sōra sazandarar, žamātnan bir jerdā čala-čala gedillār gyz öjünā (O.) 'Когда наступила ночь, после танцев сазандары, играя, вместе с людьми пошли к дому девушки'.

Особое внимание в этой связи привлекает следующий пример: Gugu olanda jaxšydy, hama sūjā dājdi (<*dājāndā*) žana olur barama (Ш.) 'Шелковичный кокон хорош, когда сухой, если попадет вода, портится'. Можно видеть, что в данном предложении первое деепричастие на *-anda* сохранено, а второе превратилось в спрягаемую форму глагола.

Нам представляется, что такая трансформация положила начало нескольким вариантам придаточного предложения времени (с частицами *ki*, *tu*, союзами *ki*, *elā ki* и др.). Хотя все они в какой-то мере напоминают деепричастные обороты, их следует тем не менее считать придаточными предложениями.

Отметим также, что А. З. Абдуллаев, приведя сходный пример из художественной литературы [*Икичэ финчан ичди, дөнүб олур башга адам* (М. Ибрагимов. «Бөжүк дајаг») 'Когда выпьет две чашки, становится другим человеком'], считает первый компонент этого предложения самостоятельным типом придаточного времени. Автор исходит из того, что к первой части могут быть добавлены либо частица *tu*, либо союз *elā ki*.

Действительно, к указанному типу придаточного предложения времени можно добавить частицу, союз (или союз с местоимением), тем самым образовав его различные варианты: *jaz girdi*, *jaz girdimi*, *jaz girdi ki*, *jaz ki girdi*, *elā ki jaz girdi*, *onda ki jaz girdi*. Все эти конструкции употребляются в диалектах. Однако наличие/отсутствие и даже степень возможности использования формальных элементов не должны служить критерием определения придаточного предложения в диалектах.

Следует указать, что на основе данного варианта превращения деепричастного оборота с формой на *-anda* в придаточное предложение возник совершенно новый тип придаточного предложения (придаточное — приложение). Оборот, являющийся приложением того или иного члена

предложения, превращается без изменения позиции в придаточное предложение. В результате, если от первого положения он сохраняет характер приложения, то в силу превращения выступает как придаточное предложение (времени, места и др.). Поскольку данный вопрос уже рассматривался нами специально²¹, ограничимся лишь одним примером: *Gyşyn zälo-zälo çayynda — onda ki gar dizzän olurdy* (<gar dizzän olanda), *gojun galyrdy aź-susuz* 'В самый холодный период зимы, когда снег доходил до колен, овцы оставались без пищи и воды'.

Третий вариант. Этот путь превращения оборотов в придаточные предложения представляет особый интерес.

А. Чужая речь, предшествующая деепричастию, с переходом в постпозицию превращается в зависимое дополнительное придаточное предложение. Поскольку чужая речь уже является предложением, то здесь нет необходимости в серьезных изменениях. Между деепричастием и чужой речью делается определенная пауза, а иногда включается союз *ki*: *Deändä, iş belädi* (*iş belädi deändä*), *inammyrdyn* (Гд.) 'Когда говорил, (что) такие дела, не верил'; *Män dijändä, goşulmejün opa* (*män opa goşulmejün dejändä*), *gulaş asmaduz* (А.) 'Когда я говорил: не связывайтесь с ним, — не слушали'; *Dändä kin, görmämişäx*, *inammady* (Д.) 'Когда говорили, (что) не видели, не поверил'.

Б. Если часть предложения, связанная с деепричастием, в свою очередь, представляет собой оборот, то, будучи исторически предложением, она, с переходом в постпозицию по отношению к деепричастию (или же причастию, масдару), активизируется и постепенно превращается в зависимое придаточное предложение. В диалектах представлены некоторые этапы такого превращения.

I ступень. Часть предложения, следующая за деепричастием, не выделяясь паузой либо интонацией, не приобретает самостоятельности. Однако весь оборот в целом четко отделяется паузой от остальной части простого предложения. В диалектах и говорах данная ступень встречается редко: *Kişi eşiđändä gojunun gurylmaşun döğüb başupa* (А.) 'Мужчина, услышав о гибели овец, бил себя по голове'; *Göga-göga selin gälmägin boyavy baylamamysuz* (Шем.) 'Видя приближение потока, (вы) не сделали затора'.

II ступень. Часть предложения, следующая за деепричастием, приобретает предикативность (если таковая отсутствовала), становится самостоятельной за счет паузы и интонации: *Biländä män irazy döjläm, küşüfdü bizdän* (Е.) 'Узнав, что я не согласен, обиделся на нас'; *Bilä-bilä mänim onnan zähläm gedir, gätirdib oturdmyssan juxary başda* (Шем.) 'Зная, что он мне отвратителен, (ты) привел и посадил во главе (стола)'.

Хотя такие конструкции и не отделены от деепричастия союзом *ki*, их следует считать придаточными предложениями. В диалектах и говорах большинство придаточных предложений, связанных с деепричастиями (причастиями, масдарами), находится именно на данной ступени развития.

III ступень. Между деепричастием и относящимся к нему придаточным предложением появляется союз *ki*. Такие конструкции встречаются реже, нежели бессоюзные: *Arvad annujanda ki, damjanug, ün salyb kändä* (Кюр.) 'Женщина, поняв, что горит сарай, закричала на все село';

²¹ См.: «Всесоюзная тюркологическая конференция. Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР». Тезисы докладов и сообщений. Алма-Ата, 1976, стр. 94—95.

Saŋa dändä kin, d ä j m ä η n ä n, onda baxmerdyn sözümä (Кед.) 'Когда тебе говорил, чтобы не трогал, не обращал внимания на мои слова'.

В настоящее время в диалектах и говорах данная структура быстро распространяется. Часть предложения, семантически связанная с такими деепричастиями, как *dejändä, biländä, ešidändä, görändä* и т. д., обычно имеет форму придаточного предложения. Деепричастие (иногда причастие или масдар), являющееся ведущим словом оборота, не переходит в спрягаемую форму глагола и не изменяет своей позиции. За ним следует остальная часть оборота, превращающаяся в зависимое придаточное предложение. Это происходит в том случае, когда часть предложения, относящаяся к деепричастию (причастию, масдару), либо сама является оборотом, либо состоит из чужой речи.

Отметим, что на основе данного варианта в придаточное предложение превращаются обычно такие обороты, в которых ведущее слово является переходным (спрягаемым или неспрягаемым) глаголом. Причем такому превращению способствовала, по-видимому, вначале прямая речь (обороты, состоящие из деепричастия и зависимой чужой речи), например: *Ora gedmä dijändä gulag asmadun* 'Когда говорил, не ходи туда, не послушался'.

Четвертый вариант. Отличается от предыдущего только тем, что личной формой глагола заменяется само деепричастие на *-anda*, а не ведущее слово последующей части предложения (масдарного оборота в функции дополнения). В результате вновь образуется придаточное предложение времени: *Durdum ki, garup u a s t a ŋ a, güllä ačyldyi* (Сл.) 'Когда я встал, чтобы открыть дверь, раздался выстрел'.

Таким образом, на базе рассмотренных вариантов превращения оборотов в придаточные предложения в азербайджанском общенародном языке, в том числе в диалектах и говорах, возникли новые типы придаточных предложений, связанные с условной и желательной формами глагола, а также деепричастиями, причастиями, масдарами. Эти формы, в свою очередь, вместе с зависимой частью предложения образуют составные придаточные предложения (времени, условия, противительные). Нет необходимости специально рассматривать каждый из этих типов предложения в отдельности, поскольку все они подробно проанализированы А. З. Абдуллаевым на материале литературного языка²².

Все изложенное свидетельствует о том, что в диалектах и говорах азербайджанского языка в настоящее время наблюдается интенсивный процесс превращения глагольных оборотов в придаточные предложения, в результате чего простые предложения уступают место сложноподчиненным. И этот процесс является характерным путем образования сложноподчиненных предложений также в других тюркских языках и их диалектах.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ РАЙОНОВ

А. — Ахсуинский,
Гд. — Гардабанский,
Д. — Дашкесанский,
Дж. — Джалилабадский,
Е. — Евлахский,
Зак. — Закатальский,
К. — Кубинский,
Ках. — Кахский,
Кед. — Кедабекский,
Кз. — Казахский,

Кр. — Красносельский,
Кюр. — Кюрдамирский,
Мб. — Мир-Баширский,
О. — Ордубадский,
Саб. — Сабирабадский,
Сл. — Сальянский,
Т. — Таузский,
Х. — Ханларский,
Ш. — Шекинский,
Шем. — Шемахинский,
Шх. — Шахбузский.

²² Э. Абдуллаев. Мүәсир Азәрбајҹан дилиндә..., стр. 105—108, 196—200 и др.

Ф. С. САФИУЛЛИНА

О ДИАЛЕКТНОМ СИНТАКСИСЕ

(НА МАТЕРИАЛЕ ДИАЛЕКТОВ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА)

При определении особенностей диалектного синтаксиса необходимо в первую очередь учитывать то обстоятельство, что диалектная речь по своему характеру является устной, разговорной. В связи с этим в диалектной речи, с одной стороны, выделяются синтаксические особенности, связанные с чисто речевой деятельностью человека и являющиеся общими для всех диалектов и говоров татарского языка и его литературной формы, с другой стороны — особенности, характеризующие тот или иной конкретный диалект. «Проблема изучения диалектного синтаксиса, — пишет Д. Г. Тумашева, — тесно связана с изучением синтаксиса живого разговорного языка. Однако ни та, ни другая проблема не разработаны в современном татарском языкознании и диалектологии»¹.

Результаты исследований в области разговорной речи позволяют по-новому взглянуть на некоторые синтаксические категории, способствуя выявлению новых синтаксических явлений. Раскрытие структурно-грамматических особенностей разговорной речи необходимо для изучения синтаксиса диалектов, пока еще мало исследованного. В тюркологии, в частности в татарском языкознании, подготовлена почва для тщательного изучения диалектного синтаксиса: защищены десятки кандидатских и три докторских диссертации², выпущен диалектологический словарь татарского языка по двум диалектам, в котором вслед за словарной

¹ Д. Г. Тумашева. Диалекты сибирских татар в отношении к татарскому и другим тюркским языкам. Докт. дисс. Казань, 1968, стр. 367.

² Р. Ф. Шакирова. Говор татар Красно-Октябрьского района Горьковской области (мишарский диалект). Автореф. канд. дисс. (далее — АКД), М., 1949; А. А. Юлдашев. Язык тептярей. АКД, М., 1950; Л. Т. Махмутова. Особенности касимовского говора татарского языка. АКД, Л., 1952; Л. З. Залаялетдинов. Средний диалект татарского языка. Автореф. докт. дисс. (далее — АДД), Казань, 1952; Л. В. Дмитриева. Язык татар Западной Сибири (барабинцев и тобольских татар). АКД, Л., 1951; Д. Г. Тумашева. Татарские диалекты Западной Сибири. АКД, М., 1952; Д. М. Сарманаева. Диалектные особенности языка средне-уральских татар. АКД, Казань, 1948; Н. Б. Бурганова. Языковые особенности каринских и глазовских татар. АКД, Казань, 1952; А. Ш. Афлетунов. Языковые особенности татар западной и юго-западной части БАССР. АКД, Казань, 1961; Р. Р. Мингулова. Особенности чистопольского говора татарского языка. АКД, Казань, 1962; Д. Б. Рамазинова. Говоры татар Среднего Прикамья. АКД, Казань, 1968; Г. Х. Ахатов. Диалект западно-сибирских татар. АДД, Уфа, 1965; Д. Г. Тумашева. Диалекты сибирских татар в отношении к татарскому и другим тюркским языкам. АДД, Казань, 1968; Л. Ш. Арсланов. Татарские говоры правобережных районов Татарской и Чувашской АССР. АКД, Казань, 1970; Ф. Ю. Юсупов. Татарские говоры Южного Урала и Зауралья (Челябинской и Курганской областей). АКД, Казань, 1972; Ф. С. Баязитова. Татарские говоры Нижнего Прикамья. АКД, Казань, 1973; Л. Ш. Арсланов. Татарские говоры правобережных районов Татарской и Чувашской АССР. АКД, Казань, 1966.

статьей приводятся фразы в диалектном произношении, собран также богатейший фактический материал по трем диалектам татарского языка. В третьем томе «Материалов по татарской диалектологии» (Казань, 1974) напечатаны новые исследования диалектологов Казанского института языка, литературы и истории Академии наук СССР. Подготовлена к печати капитальная хрестоматия, составленная на основе магнитофонных записей речи носителей диалектов.

Весь этот богатый зафиксированный речевой материал должен послужить базой для осуществления исследований диалектного синтаксиса татарского языка.

Диалектологи, в основном, исследовали фонетические, лексические и морфологические особенности диалектов, освещению же синтаксических особенностей того или иного диалекта и говора уделялось меньше внимания. Это объясняется тем, что происходящий в последние десятилетия интенсивный процесс нивелировки диалектных различий побудил ученых в первую очередь заняться фиксацией и исследованием вышеуказанных особенностей. Неразработанность вопросов синтаксиса разговорной речи послужила еще одной причиной отставания исследований по диалектному синтаксису.

Диалектологи подчеркивают трудность сбора синтаксического материала³. Методика сбора диалектных данных, как правило, включает и вопросы синтаксических особенностей того или иного говора⁴, хотя последние иногда и отсутствуют⁵.

Как известно, основной формой существования диалектной речи является устная форма и поэтому синтаксис диалектной речи представляет собой тесное переплетение особенностей собственно диалектного синтаксиса и синтаксиса разговорной речи.

Среди особенностей речевого функционирования диалектов следует в первую очередь выделить связанные со структурой предложения, порядком слов и изменением его. Все исследователи татарских диалектов в числе особенностей диалектного синтаксиса отмечают изменения порядка слов в предложении⁶.

В том или ином диалекте или говоре обычный порядок слов может нарушаться, а для всех членов предложения характерна инверсия, которая может служить иногда эмфатическим средством и средством актуализации того или иного члена предложения.

Анализ языкового и речевого материала позволяет прийти к выводу о том, что изменения порядка членов предложения, их инверсия харак-

³ См.: О. А. Лаптева. Литературная и диалектная разновидности устно-разговорного синтаксиса и перспективы их сопоставительного изучения. — «Вопросы языкознания», 1969, № 1, стр. 25.

⁴ Н. Б. Бурганова, Л. Залая. О принципах составления диалектологического атласа татарского языка. — «Вопросы диалектологии тюркских языков». Казань, 1960, стр. 61; А. Г. Велиев. Вопросы методики проведения наблюдений над говорами тюркских языков. — Там же.

⁵ М. М. Мирзоев (выступление). — «Вопросы диалектологии тюркских языков». Казань, 1960, стр. 147.

⁶ Р. Ф. Шакирова. Говор татар Красно-Октябрьского района Горьковской области (мишарский диалект). Канд. дисс. М., 1949, стр. 125; А. А. Юлдашев. Язык тептярей. Канд. дисс. М., 1950, стр. 70—73; Л. Т. Махмутова. Особенности касимовского говора татарского языка. Канд. дисс. Л., 1952, стр. 82—83; Ә. Әфләтунов. БАССРның көнбатыш һәм көньяк-көнбатыш өлешендә яшәүче татарларның тел үзенчәлекләре. Канд. дисс. Казан, 1960, стр. 224—230; Д. Б. Рамазанова. Татар теленң Урта Кама тирәсендә таралган сөйләшләре. Канд. дисс. Казан, 1968, стр. 236; Д. Г. Тумашева. Татарские диалекты Западной Сибири (Тюмень). Канд. дисс. М., 1952, стр. 156—157; Л. В. Дмитриева. Язык татар Западной Сибири (барабинцев и тобольских татар). Канд. дисс. Л., 1951, стр. 335—336; Р. Мингулова. Чистай сөйләшенең үзенчәлекләре. Канд. дисс. Казан, 1962, стр. 154—155; Д. Г. Тумашева. Диалекты сибирских татар в отношении к татарскому и другим тюркским языкам. Докт. дисс. Казань, 1968, стр. 378—379, 592 и др.

терны для всех форм проявления общенародного татарского языка и, следовательно, не являются специфичными только для одного диалекта и говора.

К тому же инверсия членов предложения и определенная свобода порядка слов присущи не только одному конкретному языку, а многим. М. Джафарзаде, например, исследовавший явление инверсии в азербайджанском языке и его диалектах, пришел к заключению об общности для них данного явления⁷.

Широкое распространение инверсий в современных литературных языках связано в первую очередь с влиянием на них именно разговорной речи. Например, в книге И. Г. Ведениной и Е. Н. Шор «Некоторые приемы стилистического исследования текста» (М., 1973) приводятся слова французского лингвиста Р. Ле Бидуа о том, что инверсия членов предложения, в частности, подлежащего, получила широкое распространение в английском языке и что «в настоящий момент письменный французский язык все более и более тяготеет к инверсии» (стр. 12, 16).

Следует заметить, что инверсия членов предложения была характерна и для языка древнейших тюркских письменных памятников⁸. Можно поэтому предположить, что в них нашли определенное отражение некоторые особенности устной речи того времени.

Проведенное исследование типов инверсий показало абсолютную идентичность их как для диалектной, так и для литературной речи в ее устной и письменной формах⁹. Следовательно, инверсия членов предложения и любые проявления ее не могут считаться собственно диалектными особенностями.

Явление присоединения слов или предложений, относимое к синтаксическим особенностям диалектов¹⁰, также является следствием речевой деятельности человека, ее психо-физиологических особенностей, а также результатом спонтанного характера живой речи и ее предварительной необдуманности. К уже сформулированному и высказанному предложению присоединяется слово, словосочетание, несущее в себе дополнительную информацию.

Исследования показывают, что явление присоединения характерно как для речи носителей всех диалектов и говоров татарского языка, так и для литературной речи. Приведенные в приложениях к диалектологическим работам отдельные примеры совершенно не отличаются от распространенных в повседневной литературной речи и литературном языке.

Вполне естественно, что употребление в литературном произведении оборотов и выражений, характерных для диалектов и устной литературной речи, носит преднамеренный характер, несет определенную стилистическую функцию. Причем структурно-грамматическая и коммуникативная характеристики их абсолютно одинаковы. Явление присоединения, обусловленное спонтанностью, непосредственностью, импровизационностью разговорной речи, характерно, конечно, не только для татар-

⁷ М. Джафарзаде. Азербайжан диалект вэ шивалариндэки сэрбэст сөз сырасы һаггында. — «Известия АН Азербайджанской ССР. Серия литературы, языка и искусства». Баку, 1973, № 3, стр. 53—58.

⁸ Г. Абдурахманов. Исследование по старотюркскому синтаксису (XI век). М., 1967, стр. 9—13.

⁹ Ф. С. Сафиуллина. Татар телендэ сүз тәртибе. Казан, 1974; *ее же*. Диалектный синтаксис татарского языка и его отношение к письменным памятникам тюркских языков. — «Совещание по вопросам диалектологии и истории языка». Тезисы докладов и сообщений. М., 1973, стр. 207.

¹⁰ А. Ш. Афлетунов. Указ. дисс., стр. 230—232; Д. Г. Тумашева. Указ. дисс. (1952), стр. 157—158 и т. д.

ского языка, так как оно обусловлено экстралингвистическими и психофизиологическими факторами, одинаковыми для всех языков¹¹. Это явление, частично относимое к парцелляции и широко распространенное также в современных литературных языках — результат несомненного влияния живой разговорной речи на литературный язык¹².

Инверсия членов предложения и ее типы, а также присоединение членов предложения не могут рассматриваться как синтаксические особенности того или иного диалекта, ибо: 1) они обладают экстралингвистической обусловленностью, 2) характерны не только для диалектной, но и для литературной речи, 3) существуют не только в одном диалекте или языке, но и во многих языках и их диалектах.

Стремление к повторам, обилие их естественны для разговорной речи. Но в одном случае повтор способствует актуализации того или иного члена предложения и в этом смысле является фактом речевого синтаксиса, а в другом — служит средством связи между репликами, придавая им диалогическую цельность. Он возможен и в литературной, и в диалектной речи. Повтор может быть и реликтом существовавшей некогда предикативности с употреблением личных местоимений. Например: *А л а р инде икенче нәсел а л а р. Син тумыш белән кайсы яктан с и н?*¹³.

Таким образом, исследование структуры разговорной речи позволило отделить от диалектного синтаксиса особенности, не являющиеся собственно диалектными, а связанные с психофизиологической стороной высказывания. Исследуя синтаксис разговорной речи в связи с проблемой выделения особенностей диалектного синтаксиса, А. А. Никольский пришел к заключению, что повторение предлогов в русском языке, считавшееся синтаксическим архаизмом (*он в семье / в такой / в простой / вырос; от листа оторви / от этого*), есть «характерная черта разговорной речи. Формируя предложение непосредственно в процессе речи, говорящий обычно не имеет времени для отработки высказывания и в результате этого может допустить повторение предлогов»¹⁴.

Модели инверсионного порядка слов, явления присоединения, повторы и т. д., наблюдаемые в диалектной и литературной речи, свидетельствуют об общности устной базы литературного языка и диалектов. Исследователь синтаксиса русской разговорной речи О. А. Лаптева также считает, что «устно-речевых построений, общих для литературного языка и диалектов, должно оказаться немало — во всяком случае больше, чем различных»¹⁵.

Сопоставление синтаксических особенностей собранного диалектологами богатого материала по диалектам татарского языка позволяет прийти к выводу о том, что по сравнению с фонетическими, лексическими, морфологическими особенностями в синтаксическом отношении татар-

¹¹ Подробнее об этом смотрите в статье: Ф. С. Сафиуллина. Матур әдәбият телендә өстәлмә конструкцияләр. — В сб.: «Татар тел белеме мәсьәләләре», IV китап. Казан, 1972.

¹² См.: «Русский язык и советское общество (социолого-лингвистическое исследование). Морфология и синтаксис русского литературного языка». М., 1968, стр. 236; Ю. В. Ванников. Синтаксические особенности русской речи (явление парцелляции). М., 1969; Е. А. Иванчикова. О развитии синтаксиса русского языка в советскую эпоху. — В сб.: «Развитие синтаксиса современного русского языка». М., 1966, стр. 12—13; Ф. С. Сафиуллина. Матур әдәбият телендә..., стр. 75—76.

¹³ А. Ш. Афлетунов. Указ. дисс., стр. 247.

¹⁴ А. А. Никольский. Очерки по синтаксису разговорной речи. Душанбе, 1964, стр. 20—21.

¹⁵ О. А. Лаптева. Русский разговорный синтаксис. М., 1976, стр. 87.

ские говоры и их диалекты довольно единообразны¹⁶: сохранение первого типа изафета, аффиксов сказуемости, особенностей управления глаголов, наличие диалектных средств связи между словами, преобладание сложносочиненных предложений по сравнению со сложноподчиненными, употребление аффикса вопросительности перед аффиксом сказуемости и т. д. — все это характерно почти для всех диалектов и говоров татарского языка. Трудно порой сказать, что отличает в синтаксическом плане тот или иной говор и диалект татарского языка от других. Такую же картину можно наблюдать и в синтаксисе всех тюркских языков, весьма сходных по своему синтаксическому строю. Нам представляется, что об особенностях синтаксиса того или иного диалекта можно говорить с учетом только количественного соотношения тех или иных особенностей, а именно — встречается ли то или иное явление спорадически в виде реликта либо архаизма, или же оно существует в говоре и диалекте как система. Указанные особенности тесно связаны с синтаксическими отличиями других тюркских языков, зафиксированы в тюркских и татарских языковых памятниках и восходят к языку-основе. Обратимся к примерам.

Во всех диалектах татарского языка имеются факты, подтверждающие общность происхождения аффиксов сказуемости в тюркских языках. Они встречаются и в говоре татар западной и юго-западной части Башкирии (средний диалект): *Ul kalxuz ešendä zär ešläde ul* 'Он в колхозе хорошо работал'; *Sin tumyştan qajsy jaqtan si n?* 'Ты родом с какой стороны?'; *Sez räxät zamanıya eläktesez*¹⁷ 'Вы живете в хорошее время'; в Агрызском говоре среднего диалекта: *Ul barmaqçı bulıan ul* 'Он хотел было идти'; *Ul işle dügel ul* 'Он — немногочисленный'; *Xazer bez qartajıam be z*¹⁸ 'Сейчас мы постарели'.

В диалектах сибирских татар довольно активно сохраняется сказуемое с аффиксами сказуемости¹⁹, то же наблюдается в чистопольском говоре западного диалекта²⁰ и в говоре горьковских мишарей²¹. Эти факты татарских диалектов на общем фоне тюркских языков и письменных памятников не являются в полном смысле слова их особенностями. Но реализация, активность функционирования этих аффиксов в различных говорах — разная, что и составляет их особенность в плане диалектного синтаксиса.

В мишарском диалекте особенно активным является употребление аффикса сказуемости 3-го лица — *-dyr||-der, -tyr||-ter* (*Bügen kön bolytlar toradur* 'Сегодня пасмурно'; *Ul bezgä jyş kiläder* 'Он к нам часто приходит')²².

Данные аффиксы спорадически встречаются и в современном татарском языке, заметна их активизация в языке художественной литературы, в частности, поэзии.

¹⁶ Весьма примечательно, что тот же вывод сделан М. Ш. Ширалиевым для диалектов азербайджанского языка. Говоря о программе составления диалектологического атласа азербайджанского языка, он отмечает: «В программе минимальное место отведено разделу синтаксиса. Это объясняется тем, что синтаксические различия между диалектами и говорами азербайджанского языка очень незначительны» (См.: М. Ш. Ширалиев. Диалектологический атлас азербайджанского языка. — В сб.: «Вопросы диалектологии тюркских языков». Казань, 1960, стр. 56).

¹⁷ А. Ш. Афлетунов. Указ. дисс., стр. 247—248.

¹⁸ Д. Б. Рамазанова. Указ. дисс., стр. 373.

¹⁹ Д. Г. Тумашева. Указ. дисс. (1968), стр. 317—318, 634—635; Л. В. Дмитриева. Указ. дисс., стр. 202.

²⁰ Р. Мингилова. Указ. дисс., стр. 89—90.

²¹ Р. Ф. Шакирова. Указ. дисс., стр. 101—112.

²² Л. Жәләй. Татар диалектологиясе. Казан, 1947, стр. 113.

Для диалектов и говоров татарского языка характерно своеобразное употребление вопросительной частицы *-tu/-me*, то есть присоединение ее перед аффиксом сказуемости²³ [типа *Bezneñ süzne ǵazur baǵamsyz?* 'Записываете ли наше слово?'; *Uşyqta utyǵamsyz?* 'В тени ли сидите?'] («Материалы по татарской диалектологии», III кн., Казань, 1974, стр. 9), что имеет полную аналогию в тюркских и татарских письменных памятниках: *J mǵrd, balyqyn satǵajmūsān?* 'О муж, продаешь ли рыбу?'; *Ǟelārmūsān, sāne bu jirǵā nā māynā öçen kǵlterdem?* 'Ты знаешь, зачем я привел тебя сюда?' («Борынғы татар әдәбияты», Казань, 1963, стр. 230, 396).

Другой отличительной чертой выражения вопроса в татарских диалектах является присоединение вопросительной частицы *-tu/-me* к слову, значение которого выясняется: *Suyqtu kerā?* 'Холод ли идет?'; *Qazanmy jyrǵamaǵ?* 'Казань ли не поет?'²⁴; *Jaxşymy su eläkte?*²⁵ 'Хорошая ли вода попалась?'; *Tuǵyzmy jāş äle sija, ulyǵ?*²⁶ 'Девять ли лет тебе, сын-нон?'. И в этом случае в диалектах наблюдается одинаковое употребление данной формы. Более того, даже в литературной речи, может быть, под влиянием русской (а, может, и диалектной?) распространено такое же явление.

Среди особенностей словосочетания в диалектах наибольшее внимание привлекают два явления: употребление первого типа изафета и функциональный параллелизм падежей. Обращает на себя внимание тот факт, что самым верным показателем синтаксической архаичности говора или диалекта выступает именно первый тип изафета. Например, он характерен для языка тептярей²⁷, говоров Прикамья²⁸, диалектов сибирских татар²⁹, говора уральских татар³⁰ и др. Исследовав природу первого типа изафета на обширном материале тюркских языков, Н. З. Гаджиева пришла к выводу, что он относится к «общетюркской праязыковой общности. На значительную древность синтаксического способа выражения отношений в изафете I указывают сохранившиеся тесно связанные комплексы слов, а также способ выражения синтаксических отношений (примыкание), на котором построен изафет I»³¹. Распространенный во многих говорах первый тип изафета отличается семантикой сочетающихся слов, частотностью и активностью употребления. Синтаксическая особенность диалекта или говора выражается именно в этом.

Особенности падежного управления наблюдаются во всех диалектах татарского языка. Употребление одного падежа вместо другого, широко распространенное в самых различных говорах и диалектах, вполне сопоставимо с тем или другим периодом в истории развития тюркских языков или с теми или иными письменными памятниками. Например: винительный падеж в функции винительного, предложного, именительного: *Utyzupşu jylny tudym* 'Я родился в тридцатом году'; *Tuǵyz jylny çittä üstem*

²³ Р. Ф. Шакирова. Указ. дисс., стр. 114; Л. Арсланов. Указ. дисс., стр. 182; Л. Т. Махмутова. Указ. дисс., стр. 81; А. Афлетунов. Указ. дисс., стр. 249; Н. Б. Бурганова. Указ. дисс., стр. 165—167; Д. Б. Рамазанова. Указ. дисс., стр. 184—185; Л. Жәләй. Татар теленең урта диалекты буенча монография. Докт. дисс. Казан, 1952, стр. 488—489.

²⁴ Н. Б. Бурганова. Говор каринских и глазовских татар. — «Материалы по татарской диалектологии». Казань, 1962, стр. 50.

²⁵ Л. Т. Махмутова. Основные характерные черты мишарских говоров на территории Пензенской области. — Там же, стр. 149.

²⁶ А. Ш. Афлетунов. Указ. дисс., стр. 249.

²⁷ Там же, стр. 232—233.

²⁸ Д. Б. Рамазанова. Указ. дисс., стр. 220—222.

²⁹ Д. Г. Тумашева. Указ. дисс. (1952), стр. 164; ее же. Указ. дисс. (1968), стр. 377.

³⁰ Д. М. Сарманова. Урта Урал татарлары телендә диалекталь үзенчәлекләр. Канд. дисс. Казан, 1948, стр. 101.

³¹ Н. З. Гаджиева. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973, стр. 111.

‘Я девять лет рос на чужбине’³²; Xisabyn belebulmuj kilešne³³ ‘Не посчитать, сколько приходил’; исходный падеж в значении дательного: Jakovlev Ivan küzdän paçar³⁴ ‘Яковлев Иван плох зрением’; основной в функции направительного: Bazar bardym³⁵ ‘На базар ходил’; исходного: Älmenäterä kiča Ufa qajttym³⁶ ‘Вот вчера вернулся из Уфы’; местно-временного: Elek başqır zäjläw torğan³⁷ ‘В старину башкиры выезжали на летовки’; исходный падеж вместо винительного: Utä ujlay inde ul balalardan³⁸ ‘Слишком она думает о детях’; направительный вместо винительного (с глаголами suyu ‘ударить’, tijü ‘трогать’): Mine ul suqmadu, sez aña timän ‘Он меня не бил, не трогайте его’; винительный вместо исходного (с глаголом kölü ‘смеяться’): Äj köläär bu jaqtay telne ‘Ай, как смеются над нашим языком’; исходный вместо направительного (с глаголом tuju ‘надоесть’): Sul nadan balalarğa tujdym ‘Надоели эти глупые дети’; основной вместо направительного (с глаголом qušu ‘дать’): Molla babaj Šämi isengä quşqan³⁹ ‘Мулла дал имя Шами’ и т. д.

В языке тюменских татар Д. Г. Тумашева зафиксировала особенности падежного управления, не характерные для современного татарского литературного языка. Они касаются в основном функций дательного и исходного падежей (например, Miñä köläte ‘Надо мной смеются’; Resneñ telgä sayınypty ul ‘Соскучился по нашему языку’; Per taqta alyp öçen miñä oryştylar ‘Меня ругали за то, что взял одну доску’; Pałama, iremā syqtar utyram ‘Скучаю по ребенку, мужу’; Aqyldan jeñel ‘Слабумом’; Per tüşäktän joqladyq ‘Спали на одной подушке’)⁴⁰. То же отмечается и в синтаксисе тоболо-иртышского диалекта⁴¹.

Барабинский диалект имеет «необычное с точки зрения современных тюркских языков употребление основного падежа в функции других падежей»⁴²; в нем также зафиксировано много случаев функционального параллелизма родительного, дательного-направительного, винительного, исходного и местного падежей⁴³; то же касается и томского диалекта⁴⁴. Как справедливо предполагает Д. Г. Тумашева, «случаи употребления одних падежных форм вместо других представляют собой, по-видимому, остаточные явления, отражающие в какой-то степени первоначальную недифференцированность падежных форм, или свидетельствуют об утрате одних в развитии других падежных функций в современных языках»⁴⁵. В тюркских языках обнаруживается много подобных фактов⁴⁶.

Этот функциональный параллелизм падежей, отражающий древнюю структуру глагольных и именных словосочетаний, имеет различную распространенность, масштабы и сферы употребления, лексическую и семантическую ограниченность, в чем и проявляется особенность диалектного синтаксиса, отличающего его от синтаксиса литературного языка.

Диалекты обладают обширным материалом для формирования связующих элементов в словосочетании, что можно считать диалектной осо-

³² Р. Ф. Шакирова. Указ. дисс., стр. 153—154.

³³ А. Ш. Афлетунов. Указ. дисс., стр. 236.

³⁴ Л. Ш. Арсланов. Указ. дисс., стр. 80.

³⁵ А. Ш. Афлетунов. Указ. дисс., стр. 237—238.

³⁶ Там же, стр. 243.

³⁷ Там же, стр. 244.

³⁸ Н. Б. Борханова. Нократ һәм Глазов татарларының тел үзенчәлекләре. Канд. дисс. Казан, 1952, стр. 193.

³⁹ Д. Б. Рамзанова. Указ. дисс., стр. 227—230.

⁴⁰ Д. Г. Тумашева. Указ. дисс. (1952), стр. 160—161.

⁴¹ Д. Г. Тумашева. Указ. дисс. (1968), стр. 370—371.

⁴² Там же, стр. 579—582.

⁴³ Там же, стр. 582—591.

⁴⁴ Там же, стр. 635—636.

⁴⁵ Там же, стр. 591.

⁴⁶ Н. З. Гаджиева. Указ. раб., стр. 124—147.

бенностью. Возьмем, к примеру, послелогои. В татарских диалектах послелогов *xätle*, *çaqlı*, *qädär* 'до' с вариантами насчитывается более пятидесяти. В диалектах зафиксировано, согласно данным «Диалектологического словаря татарского языка», более 200 послелогов и послеложных слов, среди которых есть немало редчайших: *xily* (*çaqlı* 'до' — Волгоград, Астрахань), *eštäre* (*qädär* 'до' — мензелинский говор), *täwmäle* (*çaqlı* 'как, с' — мензелинский говор), *šäjen* (*kebek* 'как' — заказанский и мензелинский говоры), *tälek* (*qädär* 'до' — «Татар теленең диалектологик сүзlege», стр. 437) и т. д.

Большой интерес представляет конструкция сложного предложения в свете материалов татарских диалектов. Большинство исследователей отмечает широкую распространенность бессоюзных сложных предложений⁴⁷, что характерно и для языка древнетюркских письменных памятников⁴⁸. Эта особенность присуща вообще разговорной речи. Преобладание паратаксиса над гипотаксисом прослеживается также в языке сказок, пословиц, загадок, песен, представляющих собой образцы разговорной речи.

В диалектах татарского языка имеется богатый материал также и для исследования аналитического способа связи в сложных предложениях. Широкое распространение получил аналитический тип придаточных предложений в мишарском и восточном диалектах: в говоре татар Красно-Октябрьского района Горьковской области (*Каҗан кем Казан алыңгас, Иван Грозный Касим ханпугун Шахалига аярыб берген*⁴⁹ 'Когда взяли Казань, Иван Грозный отдал Касимовское ханство Шахали'), в говоре тюменских татар⁵⁰, в чистопольском говоре⁵¹ и барабинском говоре⁵² и т. д., что сопоставимо с древними образцами, зафиксированными в письменных памятниках преимущественно кыпчакского типа («*Codex Comanicus*», половецкие документы, «Гюлистан» и др.).

Порой диалекты сохраняют трудно объяснимые языковые факты. Например, союз *ki*, считающийся принадлежностью только книжного языка, употребляется в языке нукратовских и глазовских татар в составе как сложного, так и простого предложения: *Kitap bar ki, jenel uqyla* 'Если есть книга, легко читается'; *Iskersä ki, taš ta tişeklene iken* 'Если долго лежит, и на камне бывают дырочки'.

В составе простого предложения этот союз употребляется для выражения сомнения, неуверенности: *Kilen ide juqmu?* — *Qaa çuqty isä ki* 'Снохи нет дома? — Куда-то вышла'; *Fatujmanuñ bar ki ipije* 'У Фатымы, кажется, есть хлеб'; и неопределенности: *Qaa ki barasinmy bügen?* 'Куда-нибудь сегодня идешь?'; *Qaa ki kitkän bulır çebilär* 'Куда-то ушли цыплята'⁵³.

Сохранение в говоре союза *ki* наводит на мысль, что он исконно бытовал в тюркских языках, и подтверждает суждение Н. З. Гаджиевой, что «тюркская усилительно-выделительная частица *ки* с развившимся у нее противительно-условным значением могла встретиться с иранским союзом *ки* и расширить свою семантику»⁵⁴.

⁴⁷ А. Юлдашев. Указ. дисс., стр. 75—88; Л. Т. Махмутова. Указ. дисс., стр. 85, 87—90; А. Ш. Афлетунов. Указ. дисс., стр. 223—224, 249—250; Н. Б. Бурганова. Указ. дисс., стр. 196; Д. М. Сарманаева. Указ. дисс., стр. 112—113; Д. Г. Тумашева. Указ. дисс. (1952), стр. 171—172; Л. В. Дмитриева. Указ. дисс., стр. 361; Д. Г. Тумашева. Указ. дисс. (1968), стр. 596.

⁴⁸ Г. Абдурахманов. Указ. раб., стр. 162.

⁴⁹ Р. Ф. Шакирова. Указ. дисс., стр. 139—142.

⁵⁰ Д. Г. Тумашева. Указ. дисс. (1952), стр. 172—173.

⁵¹ Р. Мингулова. Указ. дисс., стр. 157—162.

⁵² Д. Г. Тумашева. Указ. дисс., (1968), стр. 597—598.

⁵³ Н. Б. Бурганова. Указ. дисс., стр. 168—172.

⁵⁴ Н. З. Гаджиева. Указ. раб., стр. 371.

Следует сказать, что перечисленные синтаксические особенности встречаются в говорах и диалектах, территориально значительно удаленных от центров распространения литературного языка. Наиболее характерными в этом отношении являются диалекты сибирских татар, говоры парангинских, нукратовских татар и др.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что основой диалектного синтаксиса, естественно, являются модели общенародного разговорного языка. В синтаксисе диалектов, кроме того, выделяются, во-первых, особенности, порожденные их устной формой существования (инверсия и ее многочисленные типы, присоединение, повторы и т. д.); во-вторых, можно выделить собственно диалектные особенности, по-разному проявляющиеся в различных диалектах и говорах татарского языка. Конструкции диалектного синтаксиса (первый тип изафета, своеобразное присоединение вопросительной частицы, функциональный параллелизм падежей и т. д.) неодинаково реализуются и функционируют в различных говорах, тем самым являясь синтаксической особенностью того или иного диалекта или говора. Указанный выше первый тип диалектных особенностей не является собственно диалектным, а встречается и в живой разговорной речи, находясь на уровне речевых универсалий. Другие, собственно диалектные, особенности противопоставляются нормам современного татарского литературного языка и, демонстрируя различную степень активности, системности своего употребления, именно в силу этого составляют особенность того или иного диалекта и говора. Такое четкое разграничение особенностей диалектной речи на речевые и языковые, как нам кажется, является необходимым условием при описании синтаксической системы того или иного говора и диалекта.

Сравнение синтаксических особенностей диалектов позволяет также заключить, что в этом плане диалекты и говоры различаются меньше, чем в лексическом, фонетическом, морфологическом отношениях⁵⁵. Это, вероятно, обусловлено спецификой синтаксического яруса языка, формирующего мысль и коммуникативную единицу — предложение.

Эти выводы позволяют определить проблемы, тесно связанные с изучением татарской (тюркской) разговорной речи и синтаксиса диалектов татарского языка:

1. Определение общих моделей литературно-разговорной и диалектной речи, обусловленных общими для них факторами.
2. Синтаксические особенности татарских диалектов на фоне тюркских языков.
3. Отражение элементов диалектного синтаксиса в языке тюркских и татарских письменных памятников.
4. Устно-речевые особенности диалектов татарского языка.
5. Исследование устойчивости диалектного синтаксиса (путем сравнения записей различных лет, периодов).
6. Исследование степени сохранения диалектного синтаксиса в различных жанрах татарского фольклора.
7. Синтаксические особенности диалогической речи представителей того или иного диалекта и говора.
8. Описание конкретных синтаксических категорий и явлений в диалекте (односоставные, неполные, сложные предложения, типы сказуемого, объем предложения и глубина фразы, словорасположение и актуальное членение и т. д.).

⁵⁵ Ср. также аналогичные выводы русских диалектологов: О. А. Лаптева. Русский разговорный синтаксис. М., 1976, стр. 92.

А. ШЕРМАТОВ

НЕКОТОРЫЕ ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УЗБЕКСКИХ ГОВОРОВ НИЗОВЬЯ КАШКАДАРЫ

Тесные этнические, хозяйственные, культурные взаимосвязи узбекских родоплеменных групп, объединенных общей территорией, с одной стороны, длительный языковой контакт и взаимовлияние живых говоров с таджикским и арабским языками — с другой, не могли не отразиться и отразились на диалектном составе языка узбекского населения Кашкадарьинской области Узбекской ССР. Картографируемые узбекские говоры низовья Кашкадарьи изучались нами более десяти лет (1962—1975). Полевые материалы собирались в 209 населенных пунктах. Были исследованы говоры населения Каршинского, Дехканабадского, Усман Юсуповского, Гузарского, Ульяновского, Кассанского районов и городов Карши, Кассан, Муборак, а также части населенных пунктов верховья Кашкадарьи. Перед автором стояли следующие задачи: изучение лингвистического ландшафта языка данной территории; уточнение границ соответствующих изоглоссных явлений, характерных для всех диалектов и говоров данной территории; фиксация собственно языковых явлений, относящихся к каждому говору в отдельности; территориальное размещение каждого из изучаемых говоров; составление карты, отражающей характер распространения диалектных явлений узбекских говоров низовья Кашкадарьи.

Исследованные и картографированные узбекские говоры низовья Кашкадарьи, относящиеся к карлукскому и кыпчакскому наречиям, по своим языковым особенностям образуют три нижеследующие большие диалектные зоны с группами говоров:

1. Карлукская диалектная зона — е к а ю ш а я группа говоров:
 - а) говоры городского типа,
 - б) говоры сельского типа.
2. Кыпчакская диалектная зона — д ж е к а ю ш а я группа говоров:
 - а) говоры I типа,
 - б) говоры II типа.
3. Разнородная диалектная зона:
 - а) говоры I типа,
 - б) говоры II типа.

Узбекские говоры, распространенные на указанной территории, имеют как общие черты, характерные для всех говоров данного региона, так и некоторые специфические особенности. Многочисленные диалектные расхождения зафиксированы в лексике, фонетике, грамматике этих говоров.

Рассмотрим некоторые из них.

В говорах сельского типа имеется семь гласных фонем. В этих говорах сохраняется древнетюркская фонема /a/: *таға* 'еще', *бава* 'дедушка' и т. д. В говорах городского типа насчитывается шесть гласных фонем; джекающих — десять гласных фонем; разнородной диалектной зоны — шесть. Гласные делятся на переднерядные: /i/, /e/, /ä/; заднерядные: /u/, /o/; смешаннорядные: /ö/. Все гласные переднего ряда в говорах разнородной диалектной зоны /i/, /e/, /ä/ — неогубленные, все гласные заднего и смешанного рядов /u/, /o/, /ö/ — огубленные. Гласный /i/ в говорах городского типа имеет следующую особенность: в говорах сельского типа, как и в джекающих говорах, /i/ в слове *ekki* 'два' переходит в /e/ (ср. в говорах городского типа — *ikki*).

В исследованных нами джекающих говорах полуширокие гласные в начале слова обычно подвергаются дифтонгизации: *вö* 'он', 'еки' 'два', 'оп' 'десять' и т. д.

В джекающих говорах, бытующих на территории Камашинского, Чиракчинского, Дехканабадского, Гузарского районов, выступают контрастные парные гласные /ä/—/a/, /i/—/y/, /ü/—/u/, указывающие на наличие в этих говорах явления палатальной гармонии. Что же касается джекающих говоров на территории Каршинского, Кассанского, Ульяновского, Усман Юсуповского районов, то в них наблюдается процесс разрушения закона сингармонического противопоставления гласных фонем, по всей вероятности, под влиянием как соседних екающих говоров городского типа, так и контактирующих двуязычных говоров.

Широко распространенная фонема /ɔ/ в говорах сельского типа карлукской диалектной зоны и в джекающих говорах по своему произношению отличается от фонемы /ɔ/ говоров городского типа: гласный /ɔ/ здесь неогубленный, или по крайней мере значительно слабее, чем огубленный /ɔ/ в говорах городского типа.

В двуязычных говорах и в говорах городского типа огубленный гласный заднего ряда нижнего подъема /ɔ/ в первом слове часто переходит в средне-заднеязычный огубленный гласный типа таджикского *нӯн* 'хлеб', *ӯта* 'отец', *ӯна* 'мать', *сӯйа* 'тень' (литературно-орфографически: *нон*, *ота*, *она*, *соя*). Подобное явление вообще характерно для иранских языков и, по всей вероятности, возникло в отдельных узбекских говорах под влиянием соседних таджикских говоров.

Своеобразная особенность произношения свойственна гласному /i/ в говорах городского типа и в двуязычных говорах: в конце слова под ударением /i/ переходит в /u/ особенно в словах типа *aldu* 'мы взяли', *keldu* 'мы пришли' (литературно-орфографически: *олдик*, *келдик*). В говорах городского типа гласные *ä*, *ö*, *e* имеют первичную долготу, например, *тää be* (литературно-орфографически: *менга бер*) 'дай мне', *сää* (литературно-орфографически: *сенга*) 'тебе'. Такое явление наблюдается в шекинском (нухинском) диалекте азербайджанского языка¹ и в диалекте Туба алтайского языка². В джекающих говорах гласный /u/ переходит в /y/: *qujguq* (литературно-орфографически: *қуйруқ*) 'хвост'. Во всех говорах низовья Кашкадарьи, кроме говоров разнородной диалектной зоны, отсутствует согласный /F/.

В говорах городского типа звук /r/ подвергается регрессивной ассимиляции всеми переднеязычными согласными. Каждая группа говоров обладает специфическими морфологическими особенностями. Одинаковую форму имеют аффиксы родительного и винительного падежей в го-

¹ М. Ш. Ширалиев. Н. И. Ашмарин и развитие азербайджанской диалектологии. — «Советская тюркология», 1970, № 6, стр. 72.

² Н. А. Баскаков. Диалект черневых татар (туба-кижи). М., 1965, стр. 11.

ворах карлукской диалектной зоны (ni, di, ti), то есть в них отсутствует форма родительного падежа. В говорах кыпчакской диалектной зоны аффиксы родительного (-niŋ// -пуң, -diŋ// -дүң, -tiŋ// -түң) и винительного (-ni// -пу, -di// -дү, -ti// -тү) падежей имеют по шесть вариантов. Указатель родительного и винительного падежей в говорах разнородной диалектной зоны имеет только одну (ni) форму. Аффиксами местного падежа в говорах сельского типа являются -dā, -tā. Говоры же городского типа карлукской диалектной зоны и все говоры разнородной диалектной зоны не имеют аффиксов местного падежа. В этих говорах аффиксы направительного падежа -gä, -kä, -qä, -jä, -ä выполняют и функции аффиксов местного и направительного падежей. Например, bazargä kordim (литературно-орфографически: *бозорда кўрдим*) 'я видел на базаре'. Аффикс направительного падежа в говорах кыпчакской диалектной зоны имеет (-gä// -ya, -kä// -qa, -ä// -a, -nä// -na) восемь вариантов, а аффикс местного падежа в этих же говорах имеет (-dā// -da, -tā// -ta) четыре варианта. Показателями исходного падежа являются: в говорах сельского типа — -dān, -tān, -nān, в говорах городского типа — -dān// -tān// -nān, -din// -tin// -nin, в говорах разнородной диалектной зоны — -dān, в говорах кыпчакской диалектной зоны — -dān// -dan, -tān// -tan, -nān// -nan. Показатели принадлежности в говорах сельского типа карлукской диалектной зоны и во всех говорах кыпчакской и разнородной диалектных зон в основном совпадают. А в говорах городского типа показатель принадлежности и аффикс глагола будущего и прошедшего времени представлены формой на -vuz, например, anävuz (литературно-орфографически: *онамиз*) 'наша мать', barävuz (литературно-орфографически: *борамиз*) 'мы пойдем', alluvuz (литературно-орфографически: *олдик*) 'мы взяли'. Личные местоимения в говорах карлукской и разнородной диалектной зоны — mān 'я', sān 'ты', u 'он'; во множественном числе в говорах сельского типа — biza, в говорах городского типа — bizla, в джекающих говорах — byzlar, в говорах разнородной диалектной зоны — bizlār 'мы'; в говорах сельского типа — sizā, в говорах городского типа — sizlā, в джекающих говорах — sizlar, в говорах разнородной диалектной зоны — sizlār 'вы'; в говорах сельского типа — ulā, в говорах городского типа — ulā, в джекающих говорах — olar, в говорах разнородной диалектной зоны — ulār 'они'. Аффиксы глагола настоящего времени употребляются в говорах сельского типа -jār (barajapti 'они идут в данный момент'), -vāt (oqvā-tipti 'он читает'); в говорах городского типа -ar (-эр) (barapti 'он идет'), -am (alamman 'я беру'), -at (barattim 'я иду'); в говорах кыпчакской диалектной зоны -žatyr (alažatyr 'он берет'), -atyr (kelibatyr 'он идет'); в говорах разнородной диалектной зоны -ar (-р) (kelaptu). Наречия места имеют специфическую форму: в говорах сельского типа — or 'то место', orgā 'туда', borgā 'сюда', ordā 'там', bordā 'здесь', šordā 'тут'; в говорах городского типа — er 'то место', eḡā 'туда', beḡā 'сюда', šerḡā 'здесь', oḡā 'туда', boḡā 'сюда, здесь'; в говорах кыпчакской диалектной зоны — užerḡa 'туда', bužerḡa 'сюда', šužerḡa 'здесь'.

Приведем для наглядности таблицу по лексике.

Таблица

Говоры карлукской диалектной зоны		Говоры кыпчакской диалектной зоны	Говоры разнородной диалектной зоны
Говоры сельского типа	Говоры городского типа		
1	2	3	4
ata 'отец' ana 'мать' anapa 'бабушка'	dādā anā//āmā totā	ata enā mama//kāttaenā	dādā//pādār biji//anā, madār anāpir

1	2	3	4
bavā 'дедушка'	buvā	bava//katta ata	atāpir
xala 'тетя' (сестра матери)	ajtti	xala	xalā//aj biji
bolā 'двоюродный брат' (сын сестры матери)	xalāvāccā	bolā	xalāvāccā
āmāki 'дядя' (брат отца)	āmāki//āvā	āmāki//ākā	āmāk
āmājvačcā 'двоюродный брат' (сын брата отца)	āmākivačcā//āvā-vāccā	ākā//ukā	āmāk bācā
jāṅā 'сноха'	jāṅgā	čēcā	jaṅgā
jāzdā 'зять'	pačcā	jezdā	pāccā
tešā 'тесло'	tešā	cot	tešā
kāp 'ладонь'	kāp	allaqan//aja	kāft
karčā 'складной нож'	kačcā	pākki	kart
hāccā 'развилка'	hāccā	ājri	hāccā
ināk 'корова'	ināk	syjyr	ināk//madgāv
qojān 'кролик'	tāvušqan	qojān	tāvušqan//xārgoš
qyṛav 'иней'	šabnām	qyṛav	šabnām
šax 'por'	šax	mujus	šax
ālāv 'огонь'	ālāv	ot	ālāv
opiš//mučči 'поцелуй'	opiš//mučči	opiš	bosā//mučči
jay 'масло'	jay	maj	jay//royan
sar 'ручка'	dāstā	sar	dāstā
kālāvūš 'тюбетека'	qalpaq	qalpaq	kā:apoš
nuri 'навоз'	pari	gon	pari
qavurčaq 'кукла'	lācāj	quyurčaq	qāvurčāq
zigār 'печенка'	zigār	baur	zigar
zamir 'оса'	zamir	ary	zambur
saqimči 'ябеда'	didigoj	čaqimči	didigoj

Наблюдения показали, что лексика говоров данной территории состоит из исконных корневых слов, входящих в древнейший лексический пласт языка, и позднейших напластований иноязычной лексики (заимствования из таджикского, арабского, монгольского и русского языков).

Двуязычие сложилось на территории низовья Кашкадарьи в результате тесных экономических и культурных связей носителей двух системных языков — таджиков и узбеков. Этот долгий исторический процесс привел к двуязычию населения ряда районов и селений. «Двуязычные» говоры по своим грамматическим и особенно лексическим показателям несколько отличаются от других узбекских говоров кыпчакского типа, бытующих на территории низовья Кашкадарьи. Они весьма богаты синонимами, образовавшимися за счет лексического богатства таджикского и узбекского языков. В указанных говорах многие предметы и понятия имеют двойное наименование, например, *mojsar* — *sač* 'волосы', *ajaq* — *raj* 'нога', *qol* — *dast* 'рука', *qyz* — *duxtār* 'девочка', *tujā* — *uštur* 'верблюд' и т. д.

Большинство лексико-грамматических явлений и многочисленные синтаксические конструкции двуязычных говоров являются своеобразным результатом смещения узбекского и таджикского языков. Этот результат усваивается двуязычными говорами в готовом виде и служит материалом для образования новых слов. Например, *abtaba* (тадж. *ab* 'вода', узб. *tava* 'сосуд') 'лейка'; *rajčā* (тадж. *raj* 'нога', узб. *-čā* 'словообразующий аффикс') 'шаровары'; *atāpir* (узб. *atā* 'отец', тадж. *pir* 'старик') 'дедушка'; *apāpir* (узб. *apā* 'мать', тадж. *pir* 'старик') 'бабушка' и т. д.

Исследованные говоры, выполняя функцию своеобразного катализатора, одновременно способствуют и благоприятствуют обогащению узбекского и таджикского языков, развитию их словарного состава.

Основными единицами диалектного членения узбекских говоров низовья Кашкадарьи являются: диалектная зона, группа говоров и говор. Критерием для членения служит совокупность фонетических, лексических и грамматических признаков, характерных для исследованных говоров.

Все говоры, распространенные на территории низовья Кашкадарьи, находятся в неразрывной связи друг с другом. Развитие говоров одной диалектной зоны происходило не без влияния говоров другой диалектной зоны.

Благодаря мощному влиянию узбекского литературного языка (через школу, периодическую печать, художественную и иную литературу, радио, телевидение и т. д.) происходит интенсивный процесс утраты говорами своих специфических особенностей, их сближения с литературным языком. Именно поэтому неотложными задачами являются: сплошное описание живых говоров на территории Узбекской ССР и за ее пределами, выявление и регистрация всех диалектных особенностей и картографирование современного состояния живых говоров для создания в дальнейшем диалектологического атласа узбекского языка.

Г. В. ТУШМАЛИШВИЛИ

О ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКЕ ГОВОРА АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ ГАРДАБАНСКОГО РАЙОНА ГРУЗИНСКОЙ ССР

В статье рассмотрены некоторые лексические особенности говора азербайджанцев, проживающих на территории Квемо Картли (в селениях: Эртоба, Кесало, Назарло, Ульяновка). До настоящего времени этот говор никем не изучался. Собранный автором во время научных командировок диалектный материал позволил выделить в нем: местную азербайджанскую и заимствованную, специфичную для упомянутого говора лексику, а также лексику, отсутствующую в азербайджанском литературном языке, но зафиксированную в турецком языке или его диалектах. В своей работе мы пользовались вышедшими из печати азербайджанскими словарями и лексиконами других языков.

Исследуемый говор характеризуется обилием заимствованной лексики. Нами установлены факты взаимовлияния грузинского и азербайджанского языков, а также влияния русского языка на исследуемый говор.

При анализе изменений, произошедших в этом говоре в результате взаимовлияния языков, легко убедиться в том, что степень проницаемости различных уровней языка при языковых контактах неодинакова. Это определяется характером соотношения уровней и их различной организацией. «Так как слово, — пишет Н. А. Баскаков, — это основная языковая единица, а лексический состав языка представляет собой открытое множество, и степень системной организации лексики является меньшей, чем в других уровнях языка, наиболее проницаемый уровень языка представляет собой лексика. Поскольку фонетические и морфологические явления проникают во взаимодействующие языки только вместе с лексикой и через лексику, в этом смысле лексика выступает, как основной определяющий уровень при взаимодействии языков»¹.

Таким образом, когда речь заходит о лексике, заимствованной или проникшей в результате влияния одного языка на другой, естественно возникает мысль о наличии двуязычия: «Неполное или частичное двуязычие бывает самых различных градаций и распространено широко»². Частичный или пассивный билингвизм подразумевает неполное владение вторым языком, что выражается в умении частично понять, и в какой-

¹ Н. А. Баскаков. Двуязычие и проблема взаимопроникновения различных уровней при взаимодействии языков (на материале тюркских языков). — «Проблемы двуязычия и многоязычия». М., 1972, стр. 76.

² Там же, стр. 77.

то степени ответить или передать текст, не воспринимая полностью его содержания. Примерно таково на данном этапе состояние двуязычия в исследуемом говоре.

Как мы уже упоминали, в указанном говоре зафиксированы местные лексические элементы, имеющие параллели в турецком языке, а также некоторые архаичные лексемы.

Приведем примеры.

Alazlamax 'разжечь огонь'. Слово это встречается и в шекинском диалекте; включено в толковый словарь азербайджанского языка с припиской *māhālli söz* 'местное, территориальное слово'.

Мы пытались установить ареал функционирования этого слова. В азербайджанско-русских словарях оно отсутствует, видимо, в силу приведенной выше оговорки. Однако как активная лексическая единица оно включено в турецкие словари: в словарь В. Редхауза³ и в диалектологический словарь турецкого языка⁴. Корень этого слова *alaz* 'пламя' отмечен в словаре Тугладжи⁵ и диалектологическом словаре турецкого языка. Глагол *alazlamax* составлен из корня *alaz* и суффикса *-la*.

В этимологическом словаре тюркских языков Э. В. Севортяна⁶ приведено следующее соображение: «„Alas“ из иранских языков, ср. الاس 'горящий уголь' (Ягелло, *Steingass*)».

Таким образом, слово *alazlamax* имеет параллели в турецком литературном языке и его диалектах.

Bydy 'живое существо'.

В азербайджанском литературном языке и его диалектах слово это не встречается. Однако в турецких диалектах⁷ *bydy* обозначает: 1) *deve javrusu* 'верблюжонок'; 2) *kaz javrusu* 'гусенок'; 3) *ördek javrusu* 'утенок' (*Muğla*, *Çanakkale*, *Bursa*), в других словарях оно вообще не указано.

Demirşi 'плоская, широкая, металлическая в виде вертела палка, которой переворачивают тонкий лаваш'.

На первый взгляд, *demirşi* по форме идентичен слову *demirzi* 'кузнец', однако по своей семантике они совершенно отличны. *Demirşi*, видимо, составлено из двух слов: *demir*+*şiş* 'железный вертел', в отличие от обыкновенного деревянного вертела. Слияние этих двух слов и выпадение в ауслауте согласного *ş* и дало форму *demirşi*.

Ölçän 'миска, используемая в качестве меры для сыпучих продуктов: крупы, муки, сахарного песка и т. д.'

Исходным словом в данном случае является глагол *ölçmāk*, из которого образовано слово *ölçü* со значением «мерило, мерка, количество». Употребляемое в исследуемом говоре слово *ölçän* 'миска-мерило' представляет собой причастие от глагола *ölçmāk*. В этимологическом словаре тюркских языков указано, что все производные существительные, образованные от корня *-ölç*, *-ölçe*, в основном несут в себе значение «мерила, мерки»⁸.

Örü 'стена'. Слово это в данном значении не встречается ни в азербайджанском литературном языке, ни в его диалектах.

(В литературном азербайджанском *hörgü* 'кладка стены'). Оно встречается в словарях турецкого языка со значением «стена, строение»⁹.

³ W. Redhouse. A Turkish and English Lexicon. Constantinople, 1921.

⁴ «Türkiyede Halk Ağzından Söz Derleme Dergisi». İstanbul, 1939.

⁵ P. Tuğlacı. Büyük Türkçe-Fransızca Sözlük. İstanbul, 1968.

⁶ Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974.

⁷ «Türkiyede Halk Ağzından Söz Derleme Dergisi», с. I. İstanbul, 1939.

⁸ Э. В. Севортян. Этимологический словарь... М., 1974.

⁹ P. Tuğlacı. Büyük Türkçe-Fransızca Sözlük; Д. Магазаник. Турецко-русский словарь. М., 1931.

В диалектологическом словаре турецкого языка зафиксировано слово *öğüntü*¹⁰ в значении «стена, выстроенная без извести», у Э. В. Севортяна¹¹ *ögü* «стена сухой кладки».

Слово *ögü* архаичное и отмечается уже в XVI веке в словаре у Шамс-эд-дина Сами¹².

Sasy ijnä «большая игла, шило». В словаре В. В. Радлова¹³ отдельной словарной единицей вынесен корень глагола *sas-šaš* «колоть, пронзать, пробуравить».

По нашему мнению, первым компонентом указанного словосочетания является отмеченный В. В. Радловым глагольный корень *-sas-*; *-y* — аффикс, образующий от глагола имена существительные. Слово *ijnä* «игла».

Tälätin «крытая кожей палатка». Эта лексема не отмечена в словаре азербайджанского литературного языка и его диалектов. Однако в некоторых говорах западной группы азербайджанских диалектов встречается *talatin* со значением «кожаный кошелек»¹⁴.

По В. В. Радлову, *tälätin* (لاتين) обозначает «юфтовая кожа». Юфть — кожа взрослого быка или коровы, выделанная русским методом.

В турецком энциклопедическом словаре¹⁵ и в словаре Д. Магазаника¹⁶ слово *telätin* отнесено к русским заимствованиям со значением: 1) юфть, 2) юфтяной. В изданном недавно большом турецком словаре¹⁷ читаем: *telätin* — 1. *Eskiden beri Rusyada yapılan bir cins sağlam ve yumuşak deri ki, kendine mahsus bir kokusu vardı* «Мягкая эластичная кожа, которую выделяли в России издавна и которая имеет своеобразный запах».

Слово *talatini* зафиксировано и в грузинском языке. Так, в словаре Сулхана-Саба Орбелиани слово *talatini* отмечено как слово иноязычного происхождения, по-грузински *pata* «эластичная кожа»¹⁸.

В толковом словаре грузинского языка слово *talatini* признано персидским заимствованием со следующими значениями: «дорогая кожа, мягкая и эластичная», «кожаная тесьма, которой подвязывают лапти», «ремень, на котором точат бритву»¹⁹.

Что касается версии о персидском происхождении слова, то следует отметить, что в персидском словаре Б. Миллера²⁰ *telatin* дано следующее толкование: لاتين *telatin* «русская кожа (сорт кожи)».

В словаре Штайнгасса²¹ لاتین — Perfumed or Russia leather «пахучая кожа, выделанная русским способом». В грузинско-русском словаре²² *talatini* — «(кожа) — опоек, опойка — кожа молочных телят».

¹⁰ «Türkiyede Halk Ağzından Söz Derleme Dergisi», с. III. İstanbul, 1947.

¹¹ Э. В. Севортян. Этимологический словарь... М., 1974.

¹² ش. سامی. قاموس ترکی. درسعات ۱۳۱۷. اوری//اورو

¹³ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. IV. СПб., 1911.

¹⁴ На эту семантически интересную диалектную лексему, не зафиксированную в азербайджанских словарях, автору указал сотрудник Института языкознания АН Азербайджанской ССР Т. Гараев, за что выражаем ему свою благодарность.

¹⁵ «Resimli yeni lûgat ve ansiklopedisi», с. V.

¹⁶ Д. А. Магазаник. Турецко-русский словарь. М., 1931.

¹⁷ «Hayat — Büyük Türk Sözlüğü», İstanbul.

¹⁸ Сулхан-Саба Орбелиани. Словарь грузинского языка, кн. I, Тбилиси, 1966.

¹⁹ «Толковый словарь грузинского языка», т. IV, Тбилиси, 1955.

²⁰ Б. В. Миллер. Персидско-русский словарь. М., 1953.

²¹ «A comprehensive Persian-English Dictionary by F. Steingass». London.

²² К. Датикашвили. Грузинско-русский словарь, т. II, Тбилиси, 1959.

В толковом словаре В. Даля читаем: «... теля, телятко... опоек (Вятская губерния) — приплод от коровы неопределенного пола. Также **телятин**, теляткин, телков, телкин, телушкин, **все что их**: телячий, теленочий, телочий и телушачий — **к ним относящийся**»²³.

Здесь заслуживает внимания диалектная форма **телятин** и приписка **всё что их**; отсюда напрашивается предположение, что словом **телятин** обозначали и кожу теленка.

Кроме того, можно провести следующую параллель. У В. Даля слово **опоек** в говоре Вятской губернии обозначало приплод от коровы неопределенного пола и внесено в гнездо лексемы **теля**. В этом же лексиконе слово **опоек** — **ойка** 'тонкая кожа, выделанная из шкур молодых телят'. Таков ареал фиксации и семантических сдвигов слова *telâtin*.

Xâbi 'улей'. (В литературном азербайджанском языке улей — *pâtāk*, агу *pâtâji*, агу *sâbâti*.) Отметим, что в литературном языке и диалектах *pâtāk* — это сколоченный из досок улей, в отличие от улея, выдолбленного из цельного дерева, называемого в исследуемом говоре *xâbi*.

Ĥöfĥü 'женщина-знахарка, которая избавляет детей от застрявших в горле инородных предметов'. «Подобных знахарок до последнего времени можно было встретить в деревнях Азербайджана»²⁴.

В словарях азербайджанского литературного языка и в его диалектах это слово не зафиксировано, хотя широко распространено в разговорной речи.

Ĥöfĥü — составное слово. В азербайджанском литературном языке **ĥör** 'щепка', **-ĥü** — аффикс, обозначающий принадлежность к профессии.

Слово **ĥöfĥü** можно связать с грузинским словом *ĥamberavi*. Функционирование слова *ĥamberavi* в основном отмечается в восточной Грузии. Семантически и этимологически оно не связано с азербайджанским словом **ĥör** (→ **ĥöf**). Груз. *ĥamberavi* эквивалентно турецкому *üfürükçü*, в основе которых глаголы груз. *ĥaberva*, тур. *üfürmek* 'дуть'. В турецком языке слово **ĥörĥü** полисеманлично, имеет значения «уборщик», «дворник», «подметальщик улиц».

Проникновение элементов одного языка в другой (при билингвизме) является неизбежным, так как в подавляющем большинстве случаев владение одним из двух языков бывает недостаточно полным и совершенным. В силу несовершенного знания инородного языка говорящими допускается немало неточностей, ошибок в произношении, формо- и словоупотреблении.

Взаимовлияние языков двух соседних республик — Азербайджана и Грузии — неоднократно отмечалось лингвистами.

В исследуемом нами говоре представлена и грузинская заимствованная лексика, по сей день не отмечавшаяся в литературе.

Рассмотрим наиболее интересные примеры грузинских заимствований.

Bötü 'щенок'. В азербайджанском литературном языке это слово отсутствует. В толковом словаре грузинского языка указанное значение имеет слово *botvera* 'упитанный щенок' (часто употребляется как собственное имя собак). В кахетинском диалекте параллельно со словом *botvera* в устной речи употребляется форма *boto* с оттенком ласкательно-уменьшительности. В том же значении это слово с незначительным изменением встречается в кахском диалекте *böti* (*it balasy*).

Думается, слово **bötü** — это трансформированное грузинское *boto* с исходной формой *botvera*. В слове **bötü** первый гласный палатализован,

²³ В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1882.

²⁴ В. Гукасян. Тюркизмы в «Истории Албан» Моисея Утийского. — «Структура и история тюркских языков». М., 1971, стр. 240—242.

гласный звук ауслаута *й* — результат частичной дистанционной диссимиляции, что вызвано соответствующим фонетическим законом языка — наличием губных гласных *о, ö* только в первом слове основ большинства тюркских слов.

Таким образом, слово *boto* преобразовалось в *bötü*. В азербайджанской речи некоторых селений употребление этого слова можно объяснить влиянием языка кахетинцев, переселившихся сюда из Кахетии.

В кахском же говоре наличие этого слова объясняется влиянием ингилойского диалекта²⁵.

В исследуемом говоре отмечается параллельное употребление азербайджанских и грузинских слов. Например: *gatyx/mozon*; *skam/stul/alt istolu*; *gož/gož/tir/šalban*; *šjüüd/gämä*; *hindoј/žuga/loš/hind xoruzu/induška*; *alynlyg/sašubli* и др.

Подробно рассмотрим те фонетические сдвиги, которые произошли в результате заимствования указанных слов.

Mozon — это фонетически видоизмененное слово *масопі*. Как отмечает С. Джикия²⁶, грузинскому абруптивному согласному *ç* в тюркских языках соответствует звонкий согласный *z*, то есть *ç → z*, а гласный звук *о* первого слога — это результат полной, регрессивной ассимиляции.

Gož/gož/tir/šalban 'бревно'. В грузинском толковом словаре *koči* 'выструганное бревно, положенное на параллельные стены дома, к которым прибиваются доски потолка, уложенные внизу, служат основанием пола'²⁷. У Сулхана-Саба Орбелиани *koči* признано грузинским словом²⁸.

Gäma параллельно *šjüüd*. В литературном азербайджанском *šjüüd* 'укроп'²⁹. Ни в одном азербайджанском словаре слово *gäma* не зафиксировано. В грузинском толковом словаре *kata* — одногодичное пахучее растение из семейства зонтиковых³⁰.

В словаре Орбелиани *kata* 'трава', однако слово оставлено без толкования³¹. Грузинский абруптив *k* в основе этого слова в азербайджанском языке передан звонким *g* — *gäma*. Такое озвончение характерно для азербайджанского языка.

Sulgun 'вид сыра'. В азербайджанском словаре это слово отсутствует, в грузинском толковом словаре *sulguni* 'сыр, приготовленный особым способом, вареный и вымешанный'.

В работе М. Андроникашвили указано, что в грузинском языке, в частности его западных говорах, слово это довольно активно функционирует и широко распространено³². В. Абаев возводит *sulguni* к осетинско-дигорскому *sulugun* (*syxt*), что означает «сыр с сывороткой, из сыворотки», *sulu* 'сыворотка' + *gun* суффиксальный элемент³³. Однако в азербайджанском говоре это слово заимствовано из грузинского языка.

Следует отметить, что в исследуемом говоре активно функционирует большое количество русских слов, часто заимствованных без каких-либо изменений.

²⁵ «Азәрбајҹан дилиҹин диалектологи лүгәти». Бақы, 1964.

²⁶ С. С. Джикия. Пространный реестр Гюрджистанского вилайета, кн. III. Тбилиси, 1958, стр. 104.

²⁷ «Толковый словарь грузинского языка», т. IV. Тбилиси, 1958.

²⁸ С.-С. Орбелиани. Словарь...

²⁹ «Азәрбајҹанча-русча лүгәт». Бақы, 1965.

³⁰ «Толковый словарь грузинского языка».

³¹ С.-С. Орбелиани. Словарь...

³² М. Андроникашвили. Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям. Тбилиси, 1966, стр. 109.

³³ В. Абаев. О некоторых осетинских элементах в грузинском. — «Труды Института языкознания», т. VI. М., 1956, стр. 438.

Фонетическая зависимость деривата от его корневого слова, спроецированная из языка-источника в заимствующий язык, могла сохраниться в последнем только благодаря системности освоения им заимствований. Примечательно, что слова русского происхождения в процессе заимствования часто приобретают новую семантику.

Влияние одного языка на другой может носить закономерный, системный характер. Однако определенная часть заимствованных слов подчиняется канонам заимствующего языка. В азербайджанских диалектологических исследованиях русская лексика изучена довольно широко. Ниже нами приводятся примеры из лексики, характерной для указанного говора.

Русская лексика проникает в говор из разговорной речи, что частично обуславливает и объясняет некоторую трансформированность заимствований: *agard* — вм. «огород»; *şar* — вм. «шарф»; *gravat* — вм. «кровать»; *gusok* — вм. «кусок».

Однако в примерах типа: *veris*, *zybun*, *aguşga* и других явно чувствуется действие внутренних фонетических законов заимствующего языка. Слово *veris* 'верста'. Можно предположить, что *veris* заимствовано через посредство грузинского языка, в котором русское *versta* имеет форму *versi*, тем более, что в литературном азербайджанском употребляется *verst*. Таким образом, произошла трансформация: русск. *versta* → груз. *versi* → азербайджанское диалектальное *veris*.

Glavny 'главный'. В исследуемом говоре произошел семантический сдвиг, и слово это стало употребляться только в значении «должностное лицо», «начальство»; *-й* в конце слова утрачено, так как для говора чуждо окончание типа нисходящего дифтонга *-ый*.

В примерах типа:

galso — русск. «кольцо»,
gorova — русск. «корова»,
gravat — русск. «кровать»,
gusok — русск. «кусок»,

gyrşa — русск. «крыша»,
balgon — русск. «балкон»,
darylga — русск. «тарелка»,
maşynga — русск. «машинка»

наблюдается традиционное озвончение русского глухого согласного *к*: *к* → *г*.

В примерах типа:

galso — русск. «кольцо»,
gransa — русск. «граница»,
balynsa — русск. «больница»,

malades — русск. «молодец»,
milisa — русск. «милиция»,
simit — русск. «цемент»

также наблюдается традиционное замещение чуждого азербайджанскому языку русского *ц* согласным *с*.

Zybun 'зипун'. В старорусском «зипун» — кафтан без ворота³⁴. Слово это в литературном азербайджанском языке не встречается, однако зафиксировано в куткашенском диалекте³⁵. Интересно, что в диалектах грузинского языка, в частности — аджарском и в говорах Джавахетии, употребляется форма *zybun*. Это слово встречается также в диалектах турецкого языка и означает — «род длинной рубашки» — *entari*³⁶.

Kaşovka 'кочевка — место, занятое кочевым хозяйством'. Указанное слово полностью заменило употребляемое в азербайджанском *düşərgā*,

³⁴ В. Даль. Толковый словарь...

³⁵ «Азәрбајҹан дилинин диалектологи дүгәти».

³⁶ «Türkiyede Halk Ağzından Söz Derleme Dergisi»...

kõş jeri, kõşte. Хотя корень слова «кочевка» — kõş тюркского происхождения, оно оформлено русскими аффиксами.

Figan||jäkä rende. Ни в азербайджанском литературном языке, ни в его диалектах слово figan не зафиксировано.

По нашему мнению, оно связано с русским fuganok, синонимом которого является jäkä gändä. В русском языке встречается также глагол «фуговать». Само же слово «фуганок» восходит к немецкому Fugebank.

Таким образом, изучение лексики указанного азербайджанского говора позволило выявить в нем исконно тюркские основы, а также выдвинуло ряд интересных проблем, в том числе проблему заимствований, связанных с частичным билингвизмом, рассмотрение которых требует продолжения исследований и дальнейшей вдумчивой работы.

В. А. ЛИВШИЦ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ РУНИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Проблема генезиса древнетюркских руноподобных графем, привлекавшая внимание исследователей еще в конце прошлого века, не может считаться разрешенной и в наши дни. Филологами, историками, этнографами высказано много различно оцененных в ходе развития науки предположений¹ относительно происхождения древнетюркской руники, в том числе следующие: возникновение руники из родовых тамг; пиктографическое или идеографическое происхождение руники; генетическая связь древнетюркской руники с англосаксонскими и скандинавскими рунами; финикийская алфавитная основа руники; арамейская гипотеза с рядом вариантов: собственно арамейская, парфянская, пехлевийская (среднеперсидская), согдийская, согдийско-хорезмийская, согдийско-пехлевийско-бактрийская²; сложение руники на основе индийского письма кхарошти (также, вероятно, арамейского происхождения); наконец, гипотезы, объединяющие элементы различного происхождения, — «арамейско-тамговые» и «арамейско-идеографические».

В последние годы интерес к проблеме происхождения древнетюркской руники обострился в связи с открытием надписи на серебряной чаше из Иссыкского кургана (в 50 км к востоку от Алма-Аты, раскопки К. А. Акишева), относящейся по археологическим данным к периоду не позднее VI—IV веков до нашей эры. Текст этой небольшой по объему надписи (две горизонтальных строки, нанесенных на донную поверхность чаши; всего 25 или 26 знаков, из них разных не более 16) до сих пор не может считаться расшифрованным. Направление письма — справа налево; расположение знаков показывает, что первой строкой является более длинная (в ней 16 знаков); вторая строка частично повреждена, однако ясно, что она начиналась на уровне третьего знака первой. Поскольку три знака в надписи выступают по два раза, один — три раза и еще один — пять раз, можно предположить, что письмо ее — алфавитное или силлабическое.

Недавно изданная фотография иссыкской надписи³ показывает, что прорисовки, публиковавшиеся ранее в газетах и популярных журналах,

¹ См. обзоры этих гипотез: С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии, М., 1964, стр. 44—50; А. М. Щербак. Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения. — В кн.: «Тюркологический сборник, 1970». М., 1970, стр. 133 и сл.; И. Фридрих. История письма (русский перевод), М., 1978, стр. 168.

² G. Clauson. The origin of the Turkish «runic» alphabet. — «Acta Orientalia», XXXII, 1970, стр. 51—76 (об этой гипотезе см. ниже).

³ См.: «История Казахской ССР», т. I. Алма-Ата, 1977, стр. 220. О раскопках Иссыкского кургана см.: К. А. Акишев. Курган «Иссык». — В кн.: «В глубь веков». Алма-Ата, 1974, стр. 61—77, (о чаше см. стр. 70—71, рис. 7).

были весьма неточными. Гораздо более точно воспроизведены знаки надписи на прорисовке, опубликованной в 1971 году в статье А. С. Аманжолова⁴. Он отождествил большинство знаков с графемами древнетюркской руники, а остальные сопоставил с буквами финикийского, арамейского и мессапского (греческого по происхождению) алфавитов и предложил читать надпись как древнетюркскую. (Сходная попытка была предпринята еще раньше О. Сулейменовым, который также предлагал считать надпись древнетюркской.) Следует, однако, заметить, что в публикации А. С. Аманжолова прорисовка надписи перевернута, так что первая строка оказалась под второй; соответственно в перевернутом виде предстают и все знаки надписи. Уже это обстоятельство вызывает сомнения в достоверности предложенной дешифровки.

Письмо иссыкской надписи, как можно судить, не обнаруживает сходства с северносемитским письмом и с его известными к настоящему времени потомками, в том числе с финикийской и арамейской письменностями, и с письменностями, происходящими из арамейской; к такому же мнению пришел И. М. Дьяконов, крупнейший семитолог и специалист по истории письма, который имел возможность ознакомиться с иссыкской надписью в оригинале⁵. В трех знаках этой надписи, отделенной более чем тысячелетним периодом от старейших из известных нам памятников древнетюркской руники, можно, вслед за О. Сулейменовым и А. С. Аманжоловым, найти сходство с руническими графемами, однако это обстоятельство еще не позволяет делать каких-либо выводов о взаимосвязях данных письменностей, поскольку сходство может быть чисто случайным. Формы остальных 12 или 13 знаков иссыкской надписи не имеют аналогий в древнетюркских рунических памятниках. Против сближения «иссыкского письма» с древнетюркским руническим высказывается и С. Г. Кляшторный⁶. Заслуживает особого внимания структура ряда иссыкских знаков, в которых графемообразующую роль играют короткие диагональные штрихи, отходящие от нижней части вертикальной хвасты — признак, не характерный для структуры древнетюркских рунических графем. Отдельные знаки надписи могут быть с равным успехом сопоставлены с буквами малоазийских и некоторых других алфавитов греческого происхождения (в том числе и с мессапским, как отметил А. С. Аманжолов), с индийским письмом кхарошти и со многими другими письменностями, но на таких сопоставлениях, как известно, нельзя основывать дешифровку или строить выводы о генетических связях данной письменности.

«Этимологический» метод определения письменных знаков, как показывает опыт дешифровок, может быть успешно применен в случаях, когда сопоставляемые системы письма расходятся лишь в деталях, но он, как правило, не приводит к успеху, когда сходство начертаний ограничивается лишь немногими отдельными знаками. «Совпадение форм отдельных знаков вне системы, — пишет И. М. Дьяконов, — особенно простых знаков геометрического характера или схематических изображений..., не доказывает ровно ничего, как ничего не доказывают и случайные сходства звучания отдельных слов в разных языках»⁷. Важно подчеркнуть, что системного сходства между письмом иссыкской надписи и древнетюркской руникой обнаружить не удается.

⁴ А. С. Аманжолов. Руноподобная надпись из сакского захоронения близ Алматы. — «Вестник Академии наук Казахской ССР», 1971, № 2, стр. 64—66.

⁵ Ср.: «История Казахской ССР», т. I, стр. 221.

⁶ Там же.

⁷ И. М. Дьяконов. О методах дешифровки древних текстов. — В кн.: «Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки», М., 1976, стр. 22, примечание 12.

Можно было бы, однако, возразить, что со временем будут найдены посредствующие звенья, которые позволят все же доказать связь этих двух письменностей, разделенных более чем тысячелетием, и возвести их к общему источнику. Но от такой гипотезы мы должны уже сейчас отказаться.

Дело в том, что в настоящее время известно еще несколько надписей, письмо которых либо близко родственно «иссыкскому», либо является прямым его продолжением. Это: одна из версий трилингвы, обнаруженной в Дашт-е Навуре на Газнийском плато (Центральный Афганистан, около 100 км к юго-западу от Кабула) и относящейся к раннекушанской эпохе, вероятно, к I веку нашей эры (две другие версии этой надписи — бактрийская и пракритская — начертаны, соответственно, бактрийским письмом греческого происхождения и индийским кхарошти)⁸; надпись на обломке известняковой плиты из Сурх-Котала (Северный Афганистан, II век нашей эры)⁹; фрагмент надписи на керамике из Халчаяна (Южный Узбекистан, I—III века)¹⁰; надписи на глиняных сосудах из Фаяз-тепе (район Термеза, слои I—III веков); фрагмент настенной (?) надписи из Кафирниган-тепе (40 км к югу от Душанбе, памятник VII века нашей эры)¹¹.

Таким образом, перед нами серия памятников одной письменности, обнаруженных на огромной территории — от района Алма-Аты (Иссыкский курган) до Центрального Афганистана — и охватывающих более чем тысячелетний период. Следует отметить, что формы знаков этой письменности (в перечисленных памятниках насчитывается в общей сложности около 50 разных знаков), в том числе и тех, которые представлены на иссыкской чаше, и в наиболее поздних из указанных памятников не обнаруживают системного сходства с древнетюркской руницей.

Естественно, что пока иссыкская надпись и примыкающие к ней по письму памятники не расшифрованы (наибольших результатов можно ожидать от третьей версии надписи из Дашт-е Навура), любые заключения о языке этих памятников будут лишь гипотетическими. Можно заметить, что поскольку в надписи из Дашт-е Навура две версии — бактрийская и пракритская — отражают официальные языки и письменности Кушанского царства, то мы вправе предположить, что и письмо третьей версии употреблялось достаточно широко в этом государстве и принадлежало какой-то части его нестроено-этнического населения. Такое предположение подтверждается тем, что в Сурх-Котале наряду с надписью неизвестным письмом найдено несколько бактрийских надписей, а на Фаяз-тепе неизвестное письмо представлено в тех же слоях, что и бактрийские и пракритские надписи. Так как бактрийские язык и письмо принадлежат коренному, оседлому в основной своей массе населению северных областей Кушанского царства (левобережная и правобережная Бактрия), а пракрит с письмом кхарошти — населению Северо-Западной Индии, находившейся в то время под властью Кушан, то можно также предположить, что неизвестная письменность скрывает язык пришельцев, из среды которых вышли династии кушанских правителей. Су-

⁸ Публикации надписи: G. Fussman. Documents épigraphiques Kouchans. — «Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient», t. 61, 1974, стр. 1—66. Издатель пытался расшифровать неизвестную письменность, исходя из предположения, что это модифицированное кхарошти, однако эта попытка не увенчалась успехом.

⁹ A. Maricq. Inscriptions de Surkh-Kotal (Baghlân). — «Journal Asiatique», t. 246, 1953, стр. 417, табл. IV; G. Fussman. Указ. раб., стр. 30—31, табл. VII, XXVIII.

¹⁰ Г. А. Лугаченкова. Халчаян. Ташкент, 1966, стр. 59 (рис. 35), 91—92; G. Fussman. Указ. раб., стр. 27.

¹¹ Надписи из Фаяз-тепе (раскопки Л. И. Альбаума) и Кафирниган-тепе (раскопки Южно-Таджикистанской археологической экспедиции под руководством Б. А. Литвинского) еще не опубликованы.

для по сообщениям письменных источников и памятникам кушанского искусства, этими пришельцами были скорее всего саки, так что неизвестную письменность можно было бы предположительно связать с сакской средой¹². Сходную гипотезу высказал К. А. Акишев, рассматривающий иссыкскую надпись как свидетельство высокого уровня социальной организации саков Семиречья в середине I тысячелетия до нашей эры¹³.

Возвратимся теперь непосредственно к нашей главной теме. С методической точки зрения целесообразно ограничиться лишь рассмотрением происхождения графической системы рунических центральноазиатских памятников, не привлекая рунических надписей, обнаруженных на территории юго-восточной Европы (секейские руны, «руны западных тюрков», «печенежские», «хазарские рунические письмена»). В надписях этой группы, представляющих, очевидно, несколько вариантов рунической письменности, обнаружены несомненные аналоги орхоно-енисейских рун; это относится прежде всего к надписям на предметах клада из Надь-Сент-Миклош, в значительной части расшифрованным Ю. Неме-том¹⁴. Однако нынешнее состояние изучения восточноевропейских рунических памятников (все они, очевидно, не старше VIII—IX веков) и значительные отличия в формах ряда графем сравнительно с орхоно-енисейскими надписями (ср., например, графемы для гласных)¹⁵ затрудняют возведение центральноазиатской и восточноевропейских рунических письменностей к единому источнику. Попытки, предпринимавшиеся в этом направлении, не увенчались пока успехом (например, гипотеза Ф. Альтгейма о сложении древнетюркской руники в гуннской среде на основе согдийского и хорезмийского алфавитов и последующем ее разделении на региональные ветви)¹⁶. Положение осложняется еще и тем, что в пределах одних и тех же историко-культурных ареалов могли, очевидно, сосуществовать разные варианты древнетюркской руники¹⁷. Для территории Семиречья об этом может как будто свидетельствовать на-

¹² См.: В. А. Лившиц. Надписи из Дильберджина. — В кн.: «Древняя Бактрия», М., 1976, стр. 165—166, примечание 14.

¹³ К. А. Акишев. Общество и письмо у саков Казахстана (постановка проблемы). — В кн.: «Всесоюзная тюркологическая конференция. Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР». Тезисы докладов, Алма-Ата, 1976, стр. 11—13; *его же*. — В кн.: «История Казахской ССР», т. I, стр. 219—221. Упоминаемые в последней работе знаки на необработанном камне из могильника Акташ (пасып кургана, III—V века нашей эры) по опубликованной фотографии определить не представляется возможным; эти знаки, как и краткая надпись (?) на дне миниатюрного каменного сосуда из могильника Каратома (III—I века до нашей эры), требуют дальнейшего изучения по оригиналам. Отметим попутно, что техника выполнения иссыкской надписи, неглубоко вырезанной или процарапанной острым инструментом (см.: К. А. Акишев. Курган «Иссык»..., стр. 71), показывает, что она была сделана одним из владельцев чаши (причем не обязательно последним).

¹⁴ J. Németh. Die Inschriften des Schatzes von Nagy-Szent-Miklós, Budapest-Leipzig, 1932 (Bibliotheca Orientalis Hungarica, II); *его же*. The runiform inscriptions from Nagy-Szent-Miklós and the runiform scripts of Eastern Europe. — «Acta Linguistica», Budapest, t. XXI, 1971, fasc. 1—2, стр. 1—52. В последней статье Ю. Немец определяет руническую письменность юго-восточной Европы как «хазарскую», но надписи из Надь-Сент-Миклош продолжает считать печенежскими. Дешифровка Ю. Немеца получила новое подтверждение в работе: С. Г. Кляшторный. Хазарская надпись с городища Маяки (находится в печати).

¹⁵ См. сопоставительную таблицу: А. М. Щербак. Les Inscriptions inconnues sur les pierres du Khoumara (au Caucase du Nord) et le problème de l'alphabet runique des Turcs occidentaux. — «Acta Orientalia Hungarica», t. XV, 1962, стр. 289.

¹⁶ F. Altheim. Hunnische Runen, Halle, 1948; *его же*. Geschichte der Hunnen, Bd. I, Berlin, 1959, стр. 268—289. См. критику этой гипотезы: O. Maenchen-Helfen [рецензия на F. Altheim. Geschichte der Hunnen, Bd. I]. — «Journal of American Oriental Society», vol. 79, 1959, № 4, стр. 295—298.

¹⁷ См. оценку современного состояния изучения восточноевропейских рунических памятников: А. М. Щербак. О рунической письменности в юго-восточной Европе. — «Советская тюркология», 1971, № 4, стр. 76—82.

ходка в Ачикташе, в долине реки Талас, деревянной палочки с рунами, сближающимися по формам с восточноевропейскими памятниками¹⁸, тогда как рунические эпитафии на валунах и наскальные надписи из той же Таласской долины выполнены орхоно-енисейскими рунами (не исключено, однако, что палочка была занесена в Семиречье из Восточной Европы). Вариант руники, приближающийся по некоторым формам знаков к восточноевропейским памятникам, можно видеть и в документе, написанном на коже, найденном вместе с согдийскими документами в крепости на горе Муг. Этот рунический текст должен относиться к периоду не позднее 722 года и, по всей вероятности, был написан на территории Средней Азии; попытка его прочтения на основе орхоно-енисейской руники не увенчалась успехом¹⁹.

Старейшими памятниками центральноазиатской руники можно считать наиболее ранние орхонские надписи. Енисейские надписи, которые первоначально рассматривались как более ранние или представляющие самостоятельную ветвь рунического алфавита²⁰, И. В. Кормушин по палеографическим признакам относит к периоду не ранее начала IX века²¹. Л. Р. Кызласов, основываясь на историко-археологических данных, датирует большинство енисейских надписей IX—X веками²². Более ранние даты для нескольких енисейских памятников устанавливает С. Г. Кляшторный — первая половина VIII века (две надписи он относит к 711—712 годам)²³. Енисейские надписи отличаются от орхонских формами ряда знаков, большим разнообразием графических вариантов и наличием четырех новых («ювенильных») графем—*e* (или *è*, *е*, *ë*), *š*², *η*¹, *m*²; эти особенности принято ныне рассматривать как региональные и

¹⁸ С. Е. Малов. Таласские эпиграфические памятники. — «Материалы Узкомстариаса», вып. 6—7, 1936, стр. 37—38; *его же*. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, М.—Л., 1959, стр. 67—68; А. М. Щербак. Знаки на керамике и кирпиче из Саркела — Белой Вежи. — «Материалы и исследования по археологии СССР», № 75, М.—Л., 1959, стр. 387—388; *его же*. Les inscriptions incoupées..., стр. 27—30; И. А. Батманов. Таласские памятники древнетюркской письменности, Фрунзе, 1971, стр. 27—30. Ср. попытку отнести надпись из Ачикташа, как и ряд восточноевропейских рунических надписей, к памятникам «осетинского (аланского) письма»: Г. Ф. Турчанинов. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы, Л., 1971, стр. 89—96.

¹⁹ А. Н. Бернштам. Древнетюркский документ из Согда. — «Эпиграфика Востока», V, Л., 1951, стр. 65—75. Ср. критическую оценку этого чтения в рецензии: С. Е. Малов. — «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», т. XIII, 1954, № 2, стр. 197—198. Сходство письма мугского документа с таласской палочкой отметил И. А. Батманов («Таласские памятники...», стр. 27). Внимание тюркологов должна привлечь публикация новых фотографий этого плохо сохранившегося документа, см.: «Документы с горы Муг». Фотоальбом, М., 1963 (Корпус ираноязычных надписей, ч. II, т. III), табл. X (документ В 13). Оригинал документа хранится в рукописном отделе Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР. Отметим еще, что вариант рунического письма, близкий к мугскому документу и некоторым восточноевропейским памятникам, представлен в тексте на черепке, найденном А. А. Марущенко на городище Гяур-кала (Старый Мерв) в слоях начала VIII века и еще не опубликованном (черепок хранится в Отделе Востока Государственного Эрмитажа).

²⁰ W. Radloff. Die alttürkische Inschriften der Mongolei, Dritte Lieferung, St.-Pbg., 1895, стр. 301; С. В. Киселев. Краткий очерк древней истории хакасов. Абакан, 1951, стр. 70—73; *его же*. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 607—610.

²¹ И. В. Кормушин. К основным понятиям тюркской рунической палеографии. — «Советская тюркология», 1975, № 2, стр. 38, 45.

²² Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности. — «Советская археология», 1960, № 3, стр. 93—120; *его же*. О датировке памятников енисейской письменности. — «Советская археология», 1965, № 3, стр. 38—49. Иную точку зрения см.: А. С. Аманжолов. К генезису тюркских рун. — «Вопросы языкознания», 1978, № 2, стр. 76 и сл.

²³ С. Г. Кляшторный. Стелы Золотого Озера (к датировке енисейских рунических памятников). — В кн.: «Turgologica (К семидесятилетию академика А. Н. Кононова)». Л., 1976, стр. 258—267.

вторичные²⁴. Ленско-прибайкальская группа рунических надписей по палеографии никак не старше енисейской; нет также оснований считать и небольшую группу алтайских надписей более древней, нежели енисейские²⁵.

Таласские рунические эпитафии С. Е. Малов склонен был датировать не позднее VII века, скорее всего V—VI веками. Он исходил главным образом из выводов финских археологов, согласно которым курган, находящийся неподалеку от валуна № 3, должен быть отнесен к V веку²⁶; С. Е. Малов полагал также, что уже в VIII веке, после утверждения в Семиречье господства карлуков, тюркское население приняло ислам и пользовалось арабской письменностью²⁷. Ранняя датировка таласских эпитафий — V—VI или VI—VII веков — была принята многими тюркологами и послужила основой для гипотезы о семиреченском центре происхождения древнетюркской руники²⁸. Однако в последние годы доказано, что с точки зрения палеографии в таласских эпитафиях нет признаков, свидетельствующих о том, что эти памятники старше орхонских. И. А. Батманов указывал на большое сходство знаков таласских эпитафий с енисейскими надписями²⁹; И. В. Кормушин отмечает такие особенности таласских памятников, как наличие «ювенильных» графем *m*¹, *z*¹ и позднейшие (сравнительно с орхонскими) формы ряда знаков; по его мнению, эти памятники вряд ли старше середины IX века³⁰. Несколько более раннюю дату — 40—60-е годы VIII века — предлагает в настоящее время С. Г. Кляшторный, который связывает таласские эпитафии с династией Кара-чоров, владевшей Таласом в последний период господства тюркшей в Семиречье³¹. Заметим также, что погребения, раскапывавшиеся финской экспедицией Г. Гейкеля, вообще не связаны с эпитафиями (это относится и к кургану вблизи валуна № 3), а материалы раскопок датируются ныне очень широко, в пределах V—VIII веков. К IX или даже к X веку следует отнести рунические надписи на скалах в ущельях Терек-сай и Кулан-сай на южном склоне хребта Киргизский Алатоо, к северу от современного города Таласа. Эти надписи расположены рядом с согдийскими (письмо последних — уйгурское, то есть модифицированное согдийское), которые имеют даты, соответствующие 906, 944 и 1026 годам нашей эры, причем по крайней мере в одном случае

²⁴ О палеографии енисейских надписей см.: А. М. Шербак. Енисейские рунические надписи..., стр. 122—125; И. В. Кормушин. К основным понятиям..., стр. 45—47.

²⁵ Э. Р. Тенишев по палеографическим данным датирует алтайские надписи предположительно VI—VIII веками, однако из его описания выясняется, что эти памятники имеют те же палеографические особенности, что и таласские. См.: Э. Р. Тенишев. Древнетюркская эпиграфика Алтая. — В кн.: «Тюркологический сборник». М., 1966, стр. 265.

²⁶ Н. Heikel. Altertümer aus dem Tale des Talas in Turkestan, Helsinki, 1918 (Société de Finno-Ougrienne. Travaux ethnographiques, VII), стр. II: 2, II: 14.

²⁷ С. Е. Малов. Таласские эпиграфические памятники, стр. 26; его же. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, стр. 63.

²⁸ См., например: С. В. Киселёв. Древняя история Южной Сибири, стр. 604—610; А. von Gabain. Alt-türkische Schrifttum, Berlin, 1950, стр. 12; его же. Inhalt und magische Bedeutung der alttürkischen Inschriften. — «Anthropos», Bd. 48, 1953, № 3—4, стр. 539; ср. также: А. М. Шербак. Знаки на керамике..., стр. 388. И. А. Батманов («Таласские памятники...», стр. 27, 30) принимал для таласских эпитафий датировку V—VI или VI—VII века, но полагал, что «носители рунического письма двигались с Енисея в Среднюю Азию, а не наоборот». Ср. также: С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники..., стр. 53.

²⁹ И. А. Батманов. Таласские памятники..., стр. 27.

³⁰ И. В. Кормушин. К основным понятиям..., стр. 38, ср. также стр. 41—42 (таблица), 45, 47.

³¹ С. Г. Кляшторный. Источники по истории Киргизии и сопредельных регионов Средней Азии (VI—IX века) (находится в печати).

ясно, что руническая надпись нанесена на скалу позднее, чем согдийская³².

Старейшие из точно датированных орхонских надписей относятся к 30-м годам VIII века, это памятники Кюль-Тегину (732 год) и Бильге-кагану (735). Более ранними, возможно, являются надписи в честь Тоньюкука (предположительно между 712 и 716 годами) и Кули-чора (721?), а также Онгинский памятник (около 731?)³³. К концу VII века относится, возможно, надпись из Восточного Гоби, в которой упоминается Эльтериш-каган³⁴. Рунических надписей древнее второй половины VII века до сих пор не обнаружено, а формирование древнетюркской центральноазиатской руники на территории Монголии окажется наиболее вероятным и в том случае, если старейшие из енисейских надписей отнести, вслед за С. Г. Кляшторным, к началу VIII века.

Уже в самых ранних памятниках орхонская руника выступает как вполне сложившаяся система, базирующаяся на принципах алфавитно-слового письма: 4 знака для гласных (V), 27 для согласных (C) и сочетаний VC/CV, 3 для сочетаний VC/CV, 1 для сочетания VC и 3 для сочетаний C₁C₂. Поэтому естественно, что из гипотез, предлагавшихся для объяснения генезиса этой письменности, наиболее вероятной уже давно признается версия о создании рунических графем на основе одного из алфавитов арамейского происхождения. Большинство тюркологов ныне допускает возможность идеографического происхождения лишь единичных рунических графем, в первую очередь знака *oq* (*qo*)/*uq* (*qu*), который Е. Д. Поливанов убедительно интерпретировал как «знак стрелы»³⁵.

Среди алфавитных письменностей, выдвигавшихся в качестве предполагаемого источника древнетюркской руники, наибольшее внимание уже давно привлекает согдийская письменность. «Согдийская гипотеза» основывается прежде всего на близости форм ряда рунических и согдийских графем, имеющих тождественные или близкие фонетические референты. При этом учитываются также многовековые контакты согдийцев и тюрков в Центральной Азии, в частности, на территории Монголии. Достаточно указать, например, на Бугутскую согдийскую надпись, представляющую собой каганскую эпитафию, близкую по структуре и стилю к орхонским монументальным памятникам: эта надпись, относящаяся к последней четверти VI века (не позднее 587 года), является единственным письменным памятником, дошедшим до нас от I Тюркского каганата, она недвусмысленно указывает на роль согдийской письменности в каганской ставке³⁶. В конце VI — начале VII века на территории Монго-

³² С. Е. Малов, основываясь на рисунках М. Е. Массона, опубликовал транслитерацию четырех рунических строк на большой скале в Терек-сая, оговорив предварительный характер издания и ограничившись переводом лишь нескольких слов [см. «Таласские эпиграфические памятники», стр. 28; ср. также И. А. Батманов. Таласские памятники..., стр. 16, рис. 9, где воспроизведены (без чтений) прорисовки рунических надписей из Терек-сая и Кулан-сая, сделанные в 60-х годах]. Публикация согдийских надписей из этих ущелий подготовлена автором настоящей статьи.

³³ Н. В. Корминин. К основным понятиям..., стр. 37; «Древнетюркский словарь», Л., 1969, стр. XXVII, XXIX—XXX.

³⁴ С. Г. Кляшторный. Руническая надпись из Восточного Гоби. — В кн.: «*Studia Turcica*», Budapest, 1971 («*Bibliotheca Orientalis Hungarica*», XVII), стр. 249—258; ср.: G. Clauson [рецензия на: «*Studia Turcica*»]. — «*Asia Major*», N. S., XVIII, pt. 2, 1973, стр. 212.

³⁵ Е. Д. Поливанов. Идеографический мотив в формировании орхонского алфавита. — «Бюллетень Среднеазиатского государственного университета», 1929, № 9, стр. 177—181.

³⁶ С. Г. Кляшторный. В. А. Лившиц. Согдийская надпись из Бугута. — В кн.: «Страны и народы Востока», X, М., 1971, стр. 121—146; S. G. Klyashtorny, V. A. Livshits. The Sogdian inscription of Bugut revised. — «*Acta Orientalia Hungarica*», t. 26, fasc. 1, 1972, стр. 69—108. Об историко-культурном значении Бугутской надписи см. также: L. Bazin. Turcs et Sogdiens: les enseignements de l'inscription de Bugut (Mongolie). — В кн.: «*Mélanges linguistiques offerts à E. Benveniste*», Paris, 1975, стр. 37—46.

лии существовали согдийские поселения, а число согдийцев было столь велико, что китайский историограф писал о них как об одном из племен каганата³⁷. Хорошо известна эстафета согдийской письменности, которую заимствовали уйгуры и передали через несколько столетий монголам, а последние — маньчжурам. Однако, при всей важности этих фактов для оценки историко-культурного фона возникновения центральноазиатской руники, решающее значение в данном случае имеет сопоставление систем письма, причем не только форм графем, но и их фонетических значений.

Уже вскоре после открытия и идентификации первых согдийских памятников из Восточного Туркестана В. Томсен, ранее склонявшийся к признанию происхождения древнетюркского рунического письма из арамейского или парфянского («аршакидско-пехлевийского»), отметил сходство ряда рунических знаков с буквами согдийского алфавита³⁸. Несколько позднее В. Томсен уже более решительно писал, что между руническим и согдийским алфавитами «существуют ясные и неоспоримые соответствия»³⁹. Исследования в этой области начал пионер согдологии Р. Готью, консультировавшийся с В. Томсеном. Согласно Р. Готью, основой для создания древнетюркской руники послужил ранний вариант согдийского алфавита, известный по «Старым письмам», которые относятся скорее всего к началу IV века нашей эры⁴⁰ (Готью датировал их I веком нашей эры) и отделены, таким образом, от старейших рунических надписей более чем тремя столетиями. Согдийский алфавит «Старых писем» насчитывает 19 букв, из которых 17 — 'β γ w z x y k δ m n s p ċ r š t — имеют фонетические референты, ^c (соответствует арамейской букве ^cайин) выступает только в арамейских идеограммах, а h (арам. хē) употребляется в качестве чисто графической приметы конца слова и, подобно ^c, не имеет соответствия среди согдийских фонем.

Р. Готью подчеркивал, что, в отличие от уйгурского письма, непосредственно продолжавшего согдийское, древнетюркская руника была создана на базе согдийского алфавита, причем формы согдийских букв подверглись значительным преобразованиям⁴¹. Согласно Р. Готью, согдийские прототипы можно достаточно уверенно предположить для 12 рунических знаков: a/ā < с. (огдийский) ' (алеф); i/i < с. y; o/u < с. w; b/v¹ < с. β; d¹ < с. δ (Р. Готью видел в этой согдийской букве арамейский *далет*, d, совпавший по форме с *ламедом*. l); l¹ < с. δ; k (k²) < с. k; m < с. m; n¹ < с. n; p < с. p; r¹ < с. r; t² < с. t. Р. Готью допускал также сближения рун γ (g¹) — с. h⁴²; η — с. γ; z — с. z; s¹ — с. s; š — с. š⁴³.

Понски согдийских рунических прототипов для других рунических знаков затруднены прежде всего разницей в количестве графем. Некоторые знаки, очевидно, вообще не имели согдийских прототипов и были изобретены в

³⁷ О согдийцах в I и II каганатах см.: С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники..., стр. 78—100, 133—135 и др.

³⁸ См.: R. Gauthiot. Essai de Grammaire Sogdienne. Première partie: Phonétique, Paris, 1914—1923, стр. 5 (о письме В. Томсена от 27 июня 1911 года).

³⁹ V. Thomsen. Samlede Afhandlinger, vol. 3, København, 1922, стр. 76.

⁴⁰ W. B. Henning. The date of the Sogdian Ancient Letters. — «Bulletin of the School of Oriental and African Studies», XII, pt. 3—4, 1948, стр. 601—615. Более раннюю дату — начало II века — выдвигал Г. Райхельт в своем издании «Старых писем» (H. Reichelt. Die soghdischen Handschriftenreste des Britischen Museums, II, Heidelberg, 1931, стр. 1—56); последние годы II века предлагает датировать их Я. Харматта (J. Harmatta. Eine neue Quelle zur Geschichte der Seidenstrasse. — «Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte», Berlin, 1971, II, стр. 135—143).

⁴¹ R. Gauthiot. Essai..., стр. 6, 9.

⁴² Ср. объяснение знака γ (g¹) из «аршакидско-пехлевийского» g (арам. гимел) у V. Thomsen. Inscriptions de l'Orkhon, Helsingfors, 1896, стр. 49 и сл.

⁴³ R. Gauthiot. Essai..., стр. 7—10.

процессе создания руники. Это кажется наиболее вероятным для 7 орхонских знаков — lt^1 , $nč$, nt , $ič/ič$, iq/qi ; oq (qo)/ uq (qu), $ök$ ($kö$)/ $ük$ ($kü$), которые можно отнести к «периферийным», поскольку они обозначают только сочетания фонем. Однако возведение к согдийским прототипам только 12 (или 17) из 31 графемы, составляющих «ядро» рунического алфавита, ставило под сомнение согдийскую гипотезу.

Дж. Клосон предложил искать прототипы рунических знаков в трех алфавитах — согдийском, пехлевийском и бактрийском⁴⁴. При этом для согдийского Дж. Клосон, как и ранее В. Томсен и Р. Готье, привлек алфавит «Старых писем»; для пехлевийского письма была избрана разновидность, засвидетельствованная в рукописи среднеперсидского перевода Псалтири (рукопись VII или VIII века, воспроизводящая, очевидно, тип письма V века); для бактрийского письма (греческого происхождения) выбор пал на рукописный фрагмент из Лоуляна (III—IV века?) и надписи на эфталитских монетах (V—VIII века). Согласно выводам Дж. Клосона, из согдийского и пехлевийского алфавитов происходят в общей сложности 16 рунических знаков: из согдийского 12 — $a/\bar{a}$; o/u ; b/v^1 ; q (k^1 , у Дж. Клосона — x/k^1); l^1 ; n^1 ; r^1 ; s^1 (для этого знака Дж. Клосон допускает и пехлевийское происхождение); k (k^2); m ; $č$; p (последние два, возможно, из пехлевийского); из пехлевийского 4 — $i/\bar{i}$; предположительно d^1 , t^1 (для последнего допускается и изобретение); $š$. К бактрийским, то есть греческим по происхождению буквам, Дж. Клосон возводит 11 рунических знаков: $ö/\bar{ü}$; b^2 ; d^2 (из бактрийско-греческой *каппы*!); g (g^2); y^2 ; l^2 ; n^2 ; r^2 ; s^2 ; t^2 ; z . Из бактрийского предлагается объяснять и происхождение $é$ енисейских памятников (греческая *альфа*). Знаки γ (g^1), $\bar{j}$ ($\bar{n}$), η , согласно Дж. Клосону, изобретены; знак y^1 восходит к пиктограмме ('лук', тюрк. *ya*).

Возникновение рунической письменности Дж. Клосон относит к середине VI века, к правлению Истеми-кагана в западной части Тюркского каганата; создание руники он связывает в первую очередь с потребностями дипломатической переписки, для которой руника могла выступать в качестве тайнописи (cryptography). Выбор алфавитов для создания рунических знаков и отбор графических прототипов мог быть осуществлен лицами, хорошо знавшими соответствующие письменности, а также древнетюркский язык. Дж. Клосон полагал, что наиболее подходящими кандидатами для такого предприятия были согдийцы и что создание или, по крайней мере, первые попытки применения рунического письма могли быть связаны с тюркскими гогольствами в сасанидский Иран и Византию (567 год), во главе которых стоял согдиец Маниах⁴⁵.

История письма знает немало случаев, когда при создании новой письменности были использованы графемы, почерпнутые из разных источников⁴⁶, однако гипотеза Дж. Клосона о гетерогенном характере графических прототипов древнетюркской руники не кажется убедительной. Сомнения вызывает прежде всего постулируемый принцип дифференцированного отбора графических прототипов — твердоядные знаки преимущественно из согдийского, мягкоядные — из бактрийского. Следует заметить, что ни согдийская и пехлевийская, ни бактрийская письменности не имели каких-либо аналогий для «раздельноядных» гра-

⁴⁴ G. Clauson. The origin...

⁴⁵ Там же, стр. 57.

⁴⁶ Ср., например, заимствование из греческого алфавита прототипов для некоторых графем, обозначающих гласные, при создании армянского алфавита, который в основе своей восходит к арамейскому. См.: А. Г. Периханян. К вопросу о происхождении армянской письменности. — В кн.: «Передвосточный сборник II: Дешифровка и интерпретация письменностей Древнего Востока» М., 1966, стр. 177.

фем⁴⁷. Привлечение Дж. Клосоном материалов трех письменностей имело единственной целью расширение базы для графических сопоставлений. Выбор прототипов для рунических твердо- и мягкорядных знаков предстает в его схеме случайным, а многие из предложенных им сопоставлений не выдерживают палеографической проверки или кажутся неоправданными (см. особенно постулируемые Дж. Клосоном прототипы для рунических $\ddot{o}/\ddot{y}$; b/v^2 ; d^2 ; g ; r^2 ; y^2 ; t^1 ; t^2).

Недостаточно обоснованными представляются и дата создания руники, принятая Дж. Клосоном, — середина VI века, а также объяснение целей ее создания. Древнетюркская руника, как об этом можно судить по многочисленным памятникам, употреблялась прежде всего для надписей на камне и других твердых материалах. Геометризованные формы знаков указывают, что это письмо — лапидарное; находка нескольких рунических рукописных фрагментов в Восточном Туркестане не противоречит сказанному, поскольку и в этих, сравнительно поздних (X век) текстах сохраняются основные особенности лапидарного письма. Можно поэтому полагать, что руника с самого начала была предназначена для надписей на камне. Но в любом случае отсутствие древнетюркской версии на Бугутской стеле логичнее всего объяснять тем, что в последней четверти VI века рунического письма еще не существовало.

Представляется вероятным, что руника возникла в результате единовременной сознательной обработки согдийского алфавита, а не как следствие его длительной стихийной трансформации. Согдийские графемы служили для творцов руники лишь исходными прототипами, формы которых были существенно изменены, причем основные изменения были продиктованы задачей создания лапидарного письма. Количество и состав рунических графем определялись в первую очередь избранными принципами обозначения гласных и отражения в системе письма сингармонизма.

Исходными прототипами для подавляющего большинства рун послужили скорее всего буквы согдийского курсивного письма, известного по памятникам уже с V—VI веков — именно такое письмо выступает в Бугутской надписи. Согдийский алфавит, использованный при создании руники, содержал 22 буквы — 19 букв, известных по «Старым письмам» и другим памятникам (см. выше), и еще 3, впервые представленные в согдийской азбуке, обнаруженной при раскопках городища Пенджикент⁴⁸, — d , t , q ; эти буквы могли употребляться в согдийском письме только в арамейских идеограммах, однако ничто не препятствовало их использованию, наряду с другими согдийскими буквами, в качестве прототипов для создания рунических знаков⁴⁹. Творцы руники могли использовать и зеркальные изображения графических прототипов, а также изменения направлений составляющих их линий; в нескольких случаях разные рунические знаки могли быть созданы из позиционных вариантов одних и тех же согдийских букв.

Предполагаемые графические соответствия для 29 рунических знаков показаны в таблице (см. стр. 94 и 95). В графе 1 номера в скобках соответствуют нумерации рунических знаков у Дж. Клосона. В графе 2 даны

⁴⁷ Таких аналогий нет и в известных нам письменностях других народов, с которыми контактировали древние турки (индийское брахми и родственное ему тибетское письмо; китайская иероглифика и связанная с ней тангутская письменность).

⁴⁸ V. A. Livshits. A. Sogdian alphabet from Panjikant. — В кн.: «W. B. Henning Memorial Volume», London, 1970, стр. 256—263.

⁴⁹ Буквы d , t , q пенджикентской азбуки, как и c , h , не имели в согдийском фонетических референтов, однако можно полагать, что писцы-согдийцы заучивали не только написание, но и примерное произношение арамейских идеограмм (так поступали и персидские писцы сасанидского времени).

Сопоставительная таблица согдийского и рунического алфавитов

	Согдийский алфавит				Реконструкция графических прототипов в процессе создания рунического алфавита	Руническое письмо		
		„Старые письма”	Согдийско-буддийский курсив	Согдийская азбука из Пенджикента			Орхонские надписи	Рукописные варианты
1(1)	'a)	𐰢 𐰣	𐰢 (нач.)		𐰢 → 𐰣	a, ä	𐰢	
2(2)	y(i, ě, ŷ)	𐰤 𐰥	𐰤 𐰥 𐰦		𐰤 → 𐰥 → 𐰦	i, ě	𐰤	
3(31)	”	”	”		𐰧 → 𐰨 → 𐰩	y ¹	𐰨	
4(32)	”	”	”		𐰪 → 𐰫	y ²	𐰪, 𐰫 ; 𐰬	
5(4)	w(ü, ö, w)	𐰭 𐰮	𐰮 𐰯		𐰮 → 𐰯 или 𐰮 → 𐰰	o, u	𐰮, 𐰯 ; 𐰰	
6(5)					𐰱 + 𐰲 → 𐰳	ö, ü	𐰱, 𐰲 ; 𐰳	𐰴
7(6)	β(v)	𐰴 𐰵	𐰴		𐰴 → 𐰵 → 𐰶	b/v ¹	𐰴, 𐰵 ; 𐰶	𐰷
8(7)	p(p, f, b)	𐰶 (нач.) 𐰷 (сер.)	𐰶 (нач.) 𐰷 (сер.)		𐰶 → 𐰷	b/v ²	𐰶, 𐰷 ; 𐰸	𐰹
9(8)	č(č, ĵ)	𐰸 𐰹	𐰸 𐰹		𐰸 → 𐰹 → 𐰺	č	𐰸, 𐰹 ; 𐰺	𐰻
10(9)	D				𐰻 → 𐰼 → 𐰽	d ¹	𐰻 ; 𐰼	
11(10)	δ(δ, ṛ, L)	𐰾 𐰿	𐰾 𐰿 𐱀		𐰾 → 𐰿 → 𐱀	d ²	𐰾, 𐰿 ; 𐱀	𐱁
12(15)	”	”	”		𐱁 → 𐱂 → 𐱃	ḏ ¹	𐱁, 𐱂 ; 𐱃	
13(16)	”	”	”		𐱄 → 𐱅 → 𐱆	ḏ ²	𐱄, 𐱅 ; 𐱆	

14 ⁽¹¹⁾	$\chi(\chi)$	$\chi(\chi)$	χ	χ	$\chi \rightarrow \chi \rightarrow \chi$?	$\chi(g)$	$\chi, \chi; \chi$		
15 ⁽¹³⁾	$x(x)$	χ	χ	χ	$\chi \rightarrow \chi \rightarrow \chi$	$q(k)$	$\chi; \chi$		
16 ⁽¹⁴⁾	$k(k, q)$	χ	χ	χ	$\chi \rightarrow \chi \rightarrow \chi$	k^2	$\chi; \chi$		
17 ⁽¹²⁾	q	χ	χ	χ	$\chi \rightarrow \chi \rightarrow \chi$	q^2	$\chi; \chi$		
18 ⁽¹⁷⁾	$m(m)$	χ	χ	χ	$\chi \rightarrow \chi \rightarrow \chi$	m	$\chi; \chi$		
19 ⁽¹⁸⁾	$n(n)$	χ	χ	χ	$\chi \rightarrow \chi \rightarrow \chi$	n^1	$\chi; \chi$		
20 ⁽¹⁹⁾	z	χ	χ	χ	$\chi \rightarrow \chi \rightarrow \chi$	n^2	$\chi; \chi$		
21 ⁽³³⁾	$z(z, \check{z})$	χ	χ	χ	$\chi \rightarrow \chi \rightarrow \chi$	z	$\chi; \chi$		
+ 8 ⁽²²⁾	$\rho(\rho, \check{\rho})$	χ	χ	χ	$\chi \rightarrow \chi \rightarrow \chi$	ρ	$\chi; \chi$		
22 ⁽²³⁾	$\chi(\chi)$	χ	χ	χ	$\chi \rightarrow \chi \rightarrow \chi$	χ^1	$\chi; \chi$		
23 ⁽²⁴⁾	$\delta(\delta)$	χ	χ	χ	$\chi \rightarrow \chi \rightarrow \chi$	χ^2	$\chi; \chi$		
24 ⁽²⁵⁾	H	χ	χ	χ	$\chi \rightarrow \chi \rightarrow \chi$	δ^1	$\chi; \chi$		
25 ⁽²⁶⁾	$\delta(\delta)$	χ	χ	χ	$\chi \rightarrow \chi \rightarrow \chi$	δ^2	$\chi; \chi$		
26 ⁽²⁷⁾	T	χ	χ	χ	$\chi \rightarrow \chi \rightarrow \chi$	δ	$\chi; \chi$		
27 ⁽²⁹⁾	$t(t)$	χ	χ	χ	$\chi \rightarrow \chi \rightarrow \chi$	t^1	$\chi; \chi$		
28 ⁽³⁰⁾						t^2	$\chi; \chi$		

транслитерационные обозначения согдийских букв, в скобках приведены их фонетические референты⁵⁰. В графе 3 представлены формы согдийских букв в «Старых письмах»; в графе 4 — соответствующие формы в согдийско-буддийских текстах (каллиграфический курсив). В графе 5 приведены начертания нескольких букв в согдийской азбуке из Пенджикента (*d*, *t*, которые отсутствуют в других согдийских памятниках; *γ*, *x*, *s*, несколько отличные по формам от большинства памятников). В графе 6 сделана попытка представить — только предположительно, разумеется, — трансформации исходных прототипов и пути их превращения в рунические знаки (создание «рабочих праформ»). В графе 7 содержатся транслитерационные обозначения рунических знаков. В графе 8 воспроизведены из таблицы Дж. Клосона⁵¹ основные варианты начертаний рунических знаков в орхонских надписях, при этом первый вариант воспроизводит форму в Тон., второй (после запятой) — в КТ и БК, третий (после точки с запятой) — в памятниках уйгурского периода (КБ и др.). В последней, 9 графе даны начертания нескольких знаков в рунических рукописных фрагментах (также по Дж. Клосону).

Создатели рунического письма хорошо знали фонетические значения согдийских графем и, как правило, стремились использовать их для выражения соответствующих или близких древнетюркских звукотипов. К таким руническим знакам можно отнести:

№ 1 *a/ā* из с. *алефа*, обозначающего в согдийском в начальной позиции (вне сочетаний с *y* и *ω*) наиболее часто гласный */a/*, в середине слова — */ā/* или */a/*⁵². Путь графического преобразования этой буквы в рунический геометризованный знак не вызывает сомнений.

№ 2 *i/i* — из с. *у*, обозначающего согласный */y/* (ср. №№ 3, 4) и — в середине и конце слова — гласные */i/*, */i/*, */e/*.

№ 3 *y¹*, № 4 *y²* — из вариантных форм с. *у*. Для *y¹* могут быть реконструированы и другие пути графического изменения прототипа.

№ 5 *o/u* — из с. *ω*, обозначающего согласный */ω/* и — в середине и конце слова — гласные */ū/*, */u/*, */o/*. Форма этой буквы в «Старых письмах» гораздо ближе к руническому знаку, чем в позднем согдийском курсиве, что могло бы указывать на раннюю дату создания рунического алфавита (эволюция начертаний *ω* служит одним из основных палеографических признаков датировки согдийских памятников). Однако, поскольку в других рунических знаках нельзя заметить четких схождений с раннесогдийскими формами, представляется более вероятным, что при создании рунической графемы за основу был взят согдийский курсивный вариант, подвергшийся сильному преобразованию.

№ 7 *b/v¹* — из с. *β*, с упрощением верхней части буквы. В согдийском *β* обозначала фонемы */v/* и */f/*, в передачах иноязычной лексики иногда также *b* (в согдийском *[b]* — аллофон фонемы */p/*; в древнетюркском смычная */b/* имела щелевой аллофон *[v]* или *[β]*).

№ 8 *b/v²* — из с. *p*, обозначавшего в согдийском фонемы */p/*, */f/*, а также аллофон *[b]*⁵³. Кажется вероятным, что прототипом для рунического знака послужил вариант, выступавший в согдийском в позициях середины и конца слова.

№ 8 + *p* — из вариантной формы с. *p*, обычной для начала слова.

⁵⁰ Состав согдийских фонем и их соотношения с графемами устанавливаются на основе сопоставления согдийских текстов, написанных разными письменностями (собственно согдийская, манихейская, сирийская), с учетом передач иноязычной лексики, этимологических данных и сравнения с современным ягнобским («новосогдийским») языком.

⁵¹ G. Clauson. The origin., стр. 74—75, табл. V.

⁵² В согдийском имелись краткие и долгие фонемы *a ā, i, ī, u, ū*, а также *o* и *e*, для которых количественный признак, возможно, не был фонологическим.

⁵³ Ср. употребление с. *p* в уйгурском письме для обозначения фонемы */b/*.

№ 9 ξ — из с. ξ , обозначающего фонему / ξ / и аллофон [j]. Направления графической трансформации буквы неясны. Наиболее близка к руническому знаку форма ξ в согдийском вертикальном письме⁵⁴, однако не исключен и поворот буквы на 90° при создании руники.

№ 11 d^2 — из с. δ . В согдийском буква обозначала звонкую щелевую фонему / δ / и соответствующую глухую / θ / (ср. ниже об употреблении этой буквы для передачи иноязычного l). В уйгурском письме соответствующая буква обозначает / d /, что, возможно, указывает на существование согдийских диалектов, в которых / δ / переходила в / d /⁵⁵. Впрочем, и в древнетюркском наряду с / d / существовал, очевидно, аллофон [δ].

№ 12 l^1 , № 13 l^2 — также из с. δ , обозначавшей иногда иноязычное l (например, $\beta u \delta k$ для тюрк. *Bilgä*; в идеограммах δ соответствует арамейскому l). При создании рунических d^2 , l^1 , l^2 были использованы, очевидно, различные варианты начертаний с. δ .

№ 15 q (k^1) — из с. x . Ср. в уйгурской азбуке из Кочо соответствия графем: уйг. γ (q) — с. γ и уйг. γ (q) — с. x (в согдийском курсивном письме формы γ и x в неконечной позиции совпадали по начертаниям)⁵⁶.

№ 16 k (k^2) — из с. k , с преобразованием верхней части буквы.

№ 18 m — из с. m ; наличие двух вариантов рунического знака уже в ранних орхонских памятниках (Тон., КТ, БК) может объясняться разными путями графических преобразований прототипа.

№ 19 n^1 — из с. n в позиции начала слова.

№ 20 n^2 — из с. n в позиции середины слова; № 21 z — из с. z в той же позиции. Преобразования букв очень значительны, но шли аналогичным путем, что, вероятно, связано с совпадением форм $-n$ - и $-z$ - в согдийском письме.

№ 22 r^1 — из с. r , с минимальной геометризацией буквы.

№ 24 s^1 — из с. s ; как и в случае с руническим знаком m , наличие двух ранних вариантов (в Тон. и в КТ, БК) может отражать различные направления преобразований прототипа (две «рабочих прформы»?).

№ 26 ξ — из с. ξ ; путь графической трансформации, предложенный в таблице, лишь один из нескольких возможных.

№ 28 t^2 — из с. t , с простой геометризацией начертаний (ср. сходные по типу трансформации, легко объяснимые при создании лапидарного письма, в №№ 1, 2, 8+, 12, 15, 16, 22).

Руны, не имеющие прямых соответствий в согдийском алфавите, могли быть созданы различными путями. Знак № 17 g^2 скорее всего возник как зеркальное изображение с. k (ср. № 16); при этом следует учитывать, что в согдийском буква обозначала не только фонему / k /, но и аллофон [g]. № 6 $\delta/\bar{u}$ может быть понят как происходящий из диграммы — сочетания с. $\omega + y$ (ср. аналогичное выражение $\bar{o}, \bar{u}$ в уйгурском письме посредством wy). № 10 d^1 можно связать с с. d пенджикентской азбуки; предложенный в таблице путь преобразования этой буквы — один из многих возможных. Для № 27 t^1 ясного прототипа не видно, наиболее вероятной кажется связь с с. t пенджикентской азбуки. Возведение № 25 s^2 к с. h весьма сомнительно; предпочтительнее считать этот знак изобретенным, равно как № 14 γ (или из с. γ ?) и № 23 r^2 (или модифика-

⁵⁴ Бугутская надпись показывает, что по крайней мере уже в конце VI века согдийцы применяли, наряду с горизонтальным, и вертикальное письмо.

⁵⁵ В ягнобском также / d / из общесогдийского / δ /, ср. W. B. Henning. *Sogdian Loan-words in New Persian*. — «Bulletin of the School of Oriental Studies», X, pt. 1, 1939, стр. 97.

⁵⁶ См.: A. v. Le Coq. *Türkische Manichaica aus Chotscho*. III. — «Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Kl.», 1922, № 2, стр. 22; W. B. Henning. *Sogdian Loan-words*, стр. 98.

ция с. r? ср. № 22). Знаки η , j ($\tilde{n}$), не включенные в таблицу, как и 7 «периферийных» знаков, также могут рассматриваться как изобретенные.

Создание двух серий графем — твердорядных и мягкорядных (10 пар знаков в ранних орхонских памятниках) — было, несомненно, наиболее оригинальной идеей творцов рунической письменности. Осуществление ее обусловило экономное и достаточно точное отражение на письме древнетюркской фонологической и морфологической структуры. Принципы обозначения гласных, во многом определяющие орфографию рунических памятников⁵⁷, основаны на глубоком понимании тюркского сингармонизма и связанной с ним «предсказуемости» фонетической структуры неначальных слогов. Состав группы «обоюдорядных» (амбивалентных) рунических знаков свидетельствует о том, что создатели руники тонко понимали особенности фонетической структуры древнетюркских начальных слогов — ср., например, отсутствие собственно древнетюркских слов с начальными $\check{c}$ -, p -, $\check{s}$ -, z -, почти полное отсутствие (по крайней мере, в некоторых древнетюркских диалектах) слов с начальным m -и, соответственно, наличие только «обоюдорядных» графем в орхонской рунике⁵⁸. Избранные творцами руники принципы обозначения гласных привели к усилению силлабического начала в письме. Примечательно, что согдийской письменности была присуща противоположная тенденция — обозначение, хотя и нерегулярное, всех гласных во всех позициях с помощью $'$, y , w (и сочетаний $''$, $'y$, $'w$) и, соответственно, усиление звукового начала сравнительно с арамейским прототипом. Своеобразие обозначения гласных в рунике выступает особенно отчетливо при сопоставлении ее с уйгурской письменностью, в которой способы обозначения гласных первоначально лишь в некоторых деталях отличались от согдийской⁵⁹.

В заключение хотелось бы отметить, что автор настоящей статьи — иранист, а не тюрколог, он сознает, что предложенные графические сопоставления и комментарии к ним могут лишь несколько уточнить и дополнить согдийскую версию происхождения руники, разработанную уже Р. Готью; эта версия и ныне остается гипотезой, хотя и наиболее правдоподобной⁶⁰.

⁵⁷ Из последних работ в этой области см.: I. R. Meyer. Bemerkungen über Vokal- und Schriftsystem der Runentürkischen. — «Acta Orientalia», XXIX, 1965, стр. 196 sqq.; E. Hovdhangen. The relationship between the two Orkhon inscriptions. — «Acta Orientalia», XXXVII, 1974, стр. 55—82.

⁵⁸ Труднее объяснить наличие знаков n^1 и n^2 , поскольку фонема $/n/$ в начальной позиции в собственно древнетюркской лексике также не засвидетельствована.

⁵⁹ Ср. прежде всего обозначения древнетюркских гласных $\tilde{i}$, i ; o , u ; $\tilde{o}$, $\tilde{u}$ посредством сочетаний графем $'y$ -, $'w$ -, $'wy$ - в памятниках так называемого «согдийского письма» (правильнее было бы называть его «раннеуйгурским» или «протоуйгурским», поскольку оно содержит букву l , возникшую из r с диакритикой и отсутствующую в собственно согдийском алфавите). Единственное отличие от согдийской орфографии в данном случае состоит в том, что в согдийских текстах сочетания y и w с *алефом* могут обозначать гласные во всех позициях, тогда как в древнетюркских памятниках указанной группы такие сочетания не выступают в первом слове. См.: A. v. Gabain. Alt-türkische in sogdischer Schrift. В кн.: «Hungaro-Turcica. Studies in honour of J. Németh», Budapest, 1976, стр. 69—77.

⁶⁰ В основу статьи положен доклад, прочитанный 30 сентября 1976 года на Всесоюзной тюркологической конференции (см.: «Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР». Тезисы докладов и сообщений, Алма-Ата, 1976, стр. 62—70). Автор приносит сердечную благодарность С. Г. Кляшторному, прочитавшему статью в рукописи и сделавшему много ценных замечаний.

М. З. ЗАКИЕВ, А. Г. КАРИМУЛЛИН

ПЕРВОПЕЧАТНОЙ «АЗБУКЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА» — 200 ЛЕТ

«Исторически Россия всегда была связана с тюрками и их культурой, — писал Н. К. Дмитриев. — Практическое знание татарского и других тюркских языков было, очевидно, весьма распространено как в Киевской Руси, так и в Московском государстве»¹. Как известно, в Московской Руси было немало служилых татар, работавших толмачами в Польском Приказе, Иностранной коллегии, в Азиатском департаменте... В качестве переводчиков они участвовали и в военных походах, в том числе в Прутском, Персидском походах Петра I. Документы по истории дипломатических отношений России с ханствами Средней Азии, с Индией, Персией отражают участие тюрков-татар в русских зарубежных дипломатических контактах в качестве переводчиков посольств и послов России в странах мусульманского Востока.

Как отмечает академик В. В. Бартольд, благодаря находившимся на русской службе татарам, владеющим восточными языками, Россия всегда располагала готовыми кадрами переводчиков на восточных языках². Еще в XVIII веке тюрко-татарский язык применялся в дипломатических отношениях России с народами Востока.

С усилением экономических связей России со странами Востока и присоединением территорий, населенных тюркскими народами, возникает необходимость в подготовке специалистов, владеющих тюркскими язы-

¹ Н. К. Дмитриев. Труды русских ученых в области тюркологии. — «Ученые записки Московского государственного университета», 1946, т. III, вып. 107, кн. 2, стр. 63.

² В. В. Бартольд. Сочинения, т. IX. М., 1977, стр. 373—374.

ками. Первые шаги в этой области были сделаны Петром I. С середины XVIII века, особенно со второй его половины, во многих русских учебных заведениях открываются классы восточных языков, в которых основное внимание уделяется изучению тюрко-татарского языка. В XVIII веке преподавание этого языка было введено в духовных академиях Санкт-Петербурга, Казани, в Казанской, Нижегородской, Астраханской и Тобольской семинариях, в Новокрещенской школе Казани, в Нижегородском, Пензенском, Долматовском, Казанском, Чистопольском, Тобольском, Астраханском, духовных училищах, в Московском университете, Омской азиатской школе, в «главных училищах» Оренбургской, Астраханской губерний, в школах для солдатских детей Поволжья и Приуралья, в отдельных гимназиях Казани, Астрахани, а в начале XIX века — в Казанском, Харьковском университетах, в Лазаревском и Одесском институтах языков.

Это привело к необходимости создания учебников и учебных пособий по татарскому языку. В 1776 году в Петербурге, а в 1777 году в Москве была издана «Грамматика турецкого языка» Ж. Б. Д. Гольдермана, переведенная с французского языка.

В 1778 году в типографии Московского университета впервые издается «Азбука татарского языка» Сагита Хальфина.

Сагит Хальфин принадлежал к племени Хальфиных, заслуги которых в создании востоковедческой школы края в свое время были высоко оценены Х. Френем, А. Казем-беком, И. Березиным, а также европейскими ориенталистами. Внук С. Хальфина — Ибрагим Хальфин был первым профессором из татар в Казанском университете.

С. Хальфин является автором уникального «Татарско-русского словаря», включающего около 20 тысяч слов. Словарь был подготовлен для нужд русских учебных заведений. По оценке академика А. Н. Кононова, словарь С. Хальфина свидетельствует о его глубоком знании «... тюркских языков и является ценным памятником тюркской лексикографии... заслуживает тщательного изучения»³. Сагит Хальфин в качестве депутата от казанских татар принял участие в работе «Комиссии об Уложении», выступил со своими «мнениями», которые затем были опубликованы в 14-м томе «Сборника русского исторического общества».

В 1768 году «Комиссия об Уложении» была упразднена и С. Хальфин возвратился в Казань. В 1769 году при Первой казанской гимназии открывается класс татарского языка, преподавателем которого становится С. Хальфин. О его назначении на эту должность Екатериной II был издан именной указ. Там, в частности, было сказано: «Определить онго Старой и Новой в Казани татарских слобод, депутата и тамошней Адмиралтейской конторы толмача Сагита Хальфина, которого пожаловав в переводчики с чином и жалованьем против губернского переводчика, как его самого, так и детей его исключить из податного сословия, дабы он со своей стороны к обоим ему порученным должностям прилежание, а дети его к изучению себя вперед годными к службе надежное одобрение иметь могли».

Многолетний опыт переводческой и преподавательской работы помог С. Хальфину подготовить «Азбуку татарского языка». Он представил ее директору гимназии Людеману, по инициативе которого было организовано обсуждение с участием мугаллимов татарских мектебе и медресе. После одобрения «Азбуки» ее рукопись была направлена в Петербург, а оттуда в Москву, в типографию Московского университета. Расходы по изданию «Азбуки» взяли на себя Анна и Дмитрий Янковы (к сожале-

³ А. Н. Кононов. История изучения тюркских языков в России. Л., 1972, стр. 92—94.

нию, архив Московского университета этого периода погиб при пожаре, поэтому их личности пока не установлены).

Тираж «Азбуки татарского языка» был разослан в пограничные комиссии при губерниях, в Министерство иностранных дел, в русские учебные заведения, в которых преподавался татарский язык. Часть тиража — 100 экземпляров — поступила в том же году и в Первую казанскую гимназию.

Книга не велика по объему — 55 страниц. Набрана она татарскими буквами на основе арабской графики, титульный лист дан параллельно на татарском и русском языках. Название на русском языке гласит: «Азбука татарского языка с обстоятельным описанием букв и складов, сочиненная Казанских Гимназий учителем и Адмиралтейской конторы переводчиком Сагитом Хальфиным, и Татарских в Казани слобод муллами в оных Гимназиях рассмотренная и одобренная».

На первых страницах книги приведены алфавит, название букв, слоги и слова, а остальная часть состоит из текстов для чтения и упражнений. Шрифт издания отличается простотой и четкостью, набор безупречен, книга издана на высоком для своего времени полиграфическом уровне. Есть основание предполагать, что наборщиком, корректором и редактором «Азбуки» был преподаватель татарского языка в Московском университете Ильяс Арасланов.

«Азбука» С. Хальфина более двадцати лет оставалась единственным учебником татарского языка для русских учебных заведений. В XIX веке появились новые учебники и азбуки, татарско-русские словари, самоучители татарского языка для русских и русского языка для татар Б. Атнометова, И. Гиганова, И. Хальфина, А. Троянского, Г. Вагапова, М. Бекчурина, К. Насыри, М. Салихова и др.

«Азбука татарского языка» С. Хальфина была известна и ориенталистам Западной Европы и отмечена в востоковедческих библиографических указателях Франции и Австрии начала XIX века.

200-летие издания «Азбуки татарского языка» С. Хальфина является знаменательным событием, свидетельствующим о глубоких исторических связях и культурном содружестве русского и татарского народов.

Академик А. Н. Кононов отмечает, что «Многовековое непосредственное общение восточных славян, русов, с различными восточными, в первую очередь с тюркоязычными, племенами и союзами племен, обитавшими в южнорусских степях, в Поволжье, в Крыму, на Северном Кавказе, нашло свое отражение в этногенезе, словарном составе, быте и жизни наших далеких предков. Широко распространенное мнение об извечной вражде русов и тюрок (печенегов, торок, берендеев, половцев, черных клобуков и др.) — явно надуманного происхождения и не имеет ничего общего с истинным положением вещей»⁴. История издания «Азбуки татарского языка» — явное тому подтверждение.

⁴ «Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период». М., 1974, стр. 9.

РЕЦЕНЗИИ

ПРОФ. Э. Э. ОРУЧОВ. АЗЕРБАЙДЖАНЧА-РУСЧА
ФРАЗЕОЛОКИЈА ЛУҒӘТИ (5 500 ифадә).

«ЕЛМ» НӘШРИЈАТЫ, БАҚЫ, 1976, 248 стр.

ПРОФ. А. А. ОРУДЖЕВ. АЗЕРБАЙДЖАНСКО-РУССКИЙ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ (5 500 выражений).

ИЗД-ВО «ЭЛМ», БАКУ, 1976, 248 стр.

«Азербайджанско-русский фразеологический словарь» профессора А. А. Оруджева, включающий 5 500 выражений азербайджанского языка, охватывает как собственно фразеологизмы: *әли јункул олмағ* 'легко на руку' (стр. 137), *јахасы әлдә галмағ* 'придется отвечать (кому)' (стр. 156), *кечәни сабаһ еләмәк* 'всю ночь не спать, не смыкать глаз' (стр. 170), так и номинативные устойчивые сочетания разного типа и характера: *уаун сөзүн гысасы* 'короче говоря' (стр. 215), *тапанча кими ачылмағ* 'взорваться, как порох' (стр. 211), *нә олар, олар* 'будь, что будет' (стр. 186), *јолу дүшмәк* 'случайно (по пути) быть где-нибудь' (стр. 161), формулы доброжелательства: *аллаһ узағ еләсин!* 'оборони бог!' (стр. 52), пожелания кары, возмездия: *аллаһ бала(сыны) версин!* 'накажи его господа!' (стр. 51), устойчивые мифологические сочетания: *Нух әјјамында* 'при царе Горохе, до потопа' (стр. 187), устойчивые сочетания с именем собственным, ставшим нарицательным: *начыгара олмағ* 'быть скупым' (стр. 233). Все примеры расположены в алфавитном порядке.

Отдельные фразеологизмы для словаря извлечены автором из произведений азербайджанских классиков М. Ф. Ахундова, Дж. Мамедкулизаде, Н. Везирова, Дж. Джабарлы, а также фельетонов, рассказов, юморесок современного азербайджанского сатирического журнала «Қирни». Большинство же из них записано автором непосредственно от носителей азербайджанского языка, причем многие фразеологизмы фиксируются впервые.

В словаре четко отмечены все варианты фразеологизмов. Полные и краткие варианты заключены в ломаные скобки: *бурнуну <јухары> галдырмағ* 'поднять (задрать) нос' (стр. 89). Собственно лексические варианты даются в круглых скобках: *ағзындан кәләни (чыханы) демәк* 'ругать на чем свет стоит; сильно обругать' (стр. 37). В словаре хорошо представлены калькированные русские фразеологизмы: *галоша отуртмағ* 'посадить в калошу' (стр. 93), *телефондан асылыб галмағ* 'висеть на теле-

фоне' (стр. 211), *нәмрәси кечмәмәк* 'его номер не пройдет' (стр. 187). Эти материалы позволяют сделать ряд новых наблюдений относительно фразеологических заимствований в тюркских языках.

Словарь имеет весьма важное значение для изучения фразеологизмов в сравнительном плане. Так, например, в некоторых тюркских языках существует фразеологизм *қонини халол қилмоқ*:

«То кўз била кўнглумни ул ғамза
мақом этмиш,

Қонимни халол англаб уйқумни харом
этмиш»¹

«Devletli paşam, diya yalvardı. Katlime
ferman buyurmuşsunuz kanım helal olsun»².

Из-за неясности значения тексты с этим выражением толковались по-разному.

Приведенный бейт Навои переводился:

«Ее глаза лишь неприметно мигнут —
и счастьем грудь полна,
И кровь кипит. Нет днем покоя и длинной
ночью нету сна»³.

Теперь благодаря азербайджанскому *ғаны һалалдыр* 'он достоин смерти' (стр. 95) эти тексты получают окончательное толкование:

«С тех пор, как она сделала глаза мои
и сердце жертвами своего кокетства,
Расквитавшись, сон сделала для меня
запретным»

«Мой богатый государь, взмолился он, Вы
Издали приказ меня убить. Пусть умру»

Достоинством словаря является передача азербайджанских сочетаний на русском языке. При соответствии значений азербайджанских и русских словосочетаний между

¹ Алишер Навоий. Фаройиб ус-сиғар. Тошкент, 1959, стр. 275.

² «Aşık Garip». Sofya, 1966, стр. 49.

³ «Алишер Навоий», т. II. Ташкент, 1969, стр. 45. Перевод С. Сомовой.

ними ставится знак равенства (=): *дил тапмаг* = 'найти общий язык' (стр. 119).

Если в основе фразеологизмов этих языков лежат разные образы, то между ними ставится знак параллели (||): *бурнуну овмаг* || 'сломить рога' (стр. 89). Если азербайджанское сочетание не имеет варианта в русском языке, то первый переводится на русский язык описательно: *iñə kimi iñçəlmək dosl.* 'стать тонким, как иголка', 'очень сильно похудеть' (стр. 145). Следует отметить, что фразеологизмы переведены на русский язык весьма квалифицированно, что имеет важное практическое значение для перевода художественных произведений азербайджанских авторов. Словарь окажет неоценимую помощь учащимся в усвоении фразеологического материала.

Все перечисленные достоинства работы свидетельствуют о несомненной ее значимости. С. Н. Иванов в своей рецензии на рукопись словаря отметил, что «словарь приобретает общетюркологическое значение»⁴.

В заключение выскажем некоторые замечания.

В приведенных в словаре следующих разнovidностях фразеологизмов с одинаковым значением [*ган уддурмаг* — *ган удмаг* (стр. 94), *ган агламаг* — *ган аглазмаг* (стр. 93)]

⁴ Б. Т. Абдуллаев. Алигейдар Алиаббас оглы Оруджев. — «Советская тюркология», 1976, № 2, стр. 117.

следовало бы ограничиться одним примером в инфинитивной форме, ибо это не авторский фразеологический словарь.

Некоторые варианты фразеологизмов приведены в разных местах словаря, что затрудняет пользование им. Так, например, фразеологизм *булаг башына сусуз апарыб сусуз катирмак* 'обвести вокруг пальца' приводится на стр. 88, его же вариант *чаја сусуз апарыб сусуз катирмак* на стр. 237, а сочетание *сусуз апарыб сусуз катирмак* — на стр. 210.

В предисловии «От автора-составителя» А. А. Оруджев пишет, что ему при составлении словаря нередко приходилось: «...для собирания их (фразеологизмов. — Э. У.) — брать на заметку все случайно услышанные от людей выражения» (стр. 21). Вследствие этого в словарь могли проникнуть словосочетания и фразеологизмы, не получившие в азербайджанском языке широкого распространения, не ставшие устойчивыми, отражающие язык узкого круга людей, которые не следовало бы в него включать. Но благодаря прекрасному знанию живого азербайджанского языка, высокому профессионализму и огромной практике лексикографической работы автору, судя по всему, удалось избежать этой опасности.

Словарь А. А. Оруджева представляет несомненный интерес для всех специалистов, работающих в области тюркской фразеологии.

Э. А. Умаров

АХМАД ИШАЕВ. ҚОРАҚАЛПОҒИСТОНДАГИ ЎЗБЕК ШЕВАЛАРИ

(ҚҚАССРдаги ЎЗБЕК ШЕВАЛАРИНИНГ ҚИПЧОҚ ГРУППАСИДАГИ
ТҮРКИЙ ТИЛЛАРГА МУНОСАБАТИ. ЛУҒАТ),
ЎЗБЕКИСТОН ССР «ҒАН» НАШРИЕТИ, ТОШКЕНТ, 1977, 176 стр.

Диалектологическими исследованиями установлено, что узбекские говоры Каракалпаки в основном относятся к кыпчакским и частично к огузским наречиям.

В монографии А. Ишаева «Узбекские говоры ККАССР» исследуется отношение данных говоров к кыпчакским группам тюркских языков (стр. 1—60). К монографии прилагается словарь диалектизмов (стр. 61—174).

В ряде работ по диалектологии узбекского языка были затронуты вопросы отношения кыпчакских говоров и диалектов к казахскому и каракалпакскому языкам. В рецензируемой работе А. Ишаева эти задачи ставятся шире: в круг исследований включаются не только каракалпакский, казахский, ногойский языки, относящиеся по классификации Н. А. Баскакова к кыпчакско-ногойской подгруппе, но и татарский

и башкирский языки, входящие в кыпчакско-татарскую подгруппу, а также кумыкский, карацаево-балкарский, караимский, крымско-татарский, составляющие кыпчакско-караимскую подгруппу.

Исследования, проведенные А. Ишаевым и опубликованные в монографии, подтверждены многочисленными примерами, еще раз убедительно подтверждают правильность и научную обоснованность классификации тюркских языков Н. А. Баскакова.

Изучение лексических особенностей узбекских говоров ККАССР проводится А. Ишаевым сравнительно-историческими методами. Вначале сопоставляются материалы современного узбекского литературного языка и тюркских языков и диалектов кыпчакской семьи, затем диалектные материалы узбекских говоров ККАССР и других тюркских языков и диалектов.

По ряду лексических особенностей узбекские говоры ККАССР близки к тюркским языкам кыпчакской семьи и к современному узбекскому литературному языку. Вместе с тем многие лексические соответствия имеются только в сравниваемых языках или в их диалектах и говорах, но отсутствуют в современном узбекском литературном языке. Сравните узбекские литературные: *олис* 'далекий', *ёстиқ* 'подушка', *нон* 'хлеб', соответственно в узбекских говорах ККАССР и в западно-сибирском диалекте татарского языка: *алыс*, *йастық*, *нан*, в то время как в татарском литературном языке: *ерақ*, *мендәр*, *икмәк* (стр. 45). Сложные языковые процессы, имевшие место в узбекских говорах ККАССР, в словаре представлены схемой на стр. 6.

Н. А. Баскаков, считающий, что кыпчакская группа языков образовалась в среде многочисленных кыпчакских племен, неоднократно приводил соответствия родоплеменных названий каракалпаков и ногайцев, каракалпаков и казахов и др. В данной работе А. Ишаев, следуя этому методу, сравнивает более 150 этнических названий узбеков-кыпчаков ККАССР с каракалпакскими (количество соответствий составляет 40), ногайскими (29), казахскими (23), башкирскими (12) названиями родов и племен (стр. 10—12, 18—21, 37—38). Большое количество соответствий родоплеменных названий у этих народов указывает, хотя и косвенно, на близкое родство их языков и диалектов.

В рецензируемой работе в сжатой форме излагаются фонетико-морфологические и лексические особенности кыпчакских групп языков (стр. 12—17). Привлекает внимание то, что по признаку *ч > ш*, *ш > с* узбекские *й*-кающие и *дж*-кающие кыпчакские говоры ККАССР отличаются от кыпчакско-ногайских подгрупп, но идентичны с кыпчакско-булгарскими и кыпчакско-половецкими подгруппами языков. По соответствию гласных *ә* и *е* узбекские (кыпчакские) говоры сближаются с татарским и башкирским языками и отличаются от кыпчакско-ногайских, кыпчакско-половецких подгрупп языков (см. схему на стр. 15).

А. Ишаевым обстоятельно исследовано отношение узбекских говоров Каракалпакки к казахскому, каракалпакскому и ногайскому языкам (стр. 17—36). Автор на многочисленных примерах показывает необоснованность теории Е. Д. Поливанова о «казакизированности» северохорезмских (кыпчакских) говоров узбекского языка (стр. 24—33). Кратко освещены в книге фонетические, морфологические и лексические особенности говоров и их соответствия в татарском, башкирском языках и их диалектах (стр. 36—50). Более подробно проследжено отношение узбекских говоров ККАССР к западно-сибирскому (или восточному) диалекту татарского языка (стр. 45—49). Кроме того, материалы говоров сопоставлены с материалами кумыкского, карачаево-балкарского, караймского и крымско-татар-

ского языков (стр. 50—59). Выводы автора, завершающие исследовательскую часть работы, представляют определенный интерес для тюркологов, занимающихся сравнительным изучением узбекских кыпчакских говоров и кыпчакских групп языков. На наш взгляд, заслуживают особого внимания некоторые нижеследующие этимологические изыскания автора.

1. В ногайском языке слово *куп* обозначает «племя, крупные объединения родов» (*кенегес куп*, *сарай куп* и др.). А. Ишаев, сравнивая данное слово с фактами самодийских языков (например, селькупского), приходит к заключению, что значение слова *куп* тесно связано с семантикой слова «люди» (стр. 20).

2. Слово *багалар* (узбекское литературное *болалар* 'дети') Е. Д. Поливанов объяснял как результат диссимилиативного явления *-лал->-гал-* (*ба-лал-ар > ба-гал-ар*), а Ф. А. Абдуллаев — как *балалар > баалар > бахалар > багалар*. Автор рецензируемой работы, сравнивая корень данного слова с лексемами из монгольского, бурят-монгольского, тунгусо-маньчжурского и других языков и их диалектов, расчленяет слово *багалар* на *ба+га+лар*, где *ба* 'младенец', *га* 'родственник' > 'маленький родственник' (стр. 30—31).

3. А. Ишаев справедливо опровергает распространенную этимологию этнонима *караим* 'читающие', считая, что самоназвание караймов *қарай||карай (+лар)* связано с этнонимом *керей||кэрэй* (ит) ~ *герей||гэрэй*, встречающимся как родоплеменное название в некоторых тюркских (гагаузском, туркменском, казахском, башкирском, узбекском) и монгольских языках (стр. 54—55).

Словарь диалектизмов, занимающий большую часть работы (четыре тысячи слов), может стать составной частью много томного словаря узбекских говоров, послужить сравнительным материалом при исследовании других тюркских языков или составлении этимологических словарей. Так, в процессе ознакомления с лексическим материалом словаря нами были выявлены некоторые лексические (полные и частичные) соответствия в чувашском языке. Например, в узбекских говорах ККАССР имеется лексема *йелләмәк* 'пронзывать, продувать', в чувашском языке *силлемә* употребляется в том же значении, соответственно: *қыйар* — *хăяр* 'огурец', *кемирчәк/кемиришәк* — *кăмăрчăк* 'хрящ', *монча* — *мунча* 'баня', *начар* — *начар* 'плохой', *йалав* — *ялав* 'знамя', *нық* — *нăкă* 'крепкий', *ләм* 'сырость' — *лём* 'сырость, сыкость; мокрое', *нагиз* 'род, поколение' — *никёс* 'основа, фундамент', *алаша* 'лошадь низкой породы' — *лаша* 'лошадь', *бурчақ* 'град', 'горох' — *пăрса* 'горох', *ымырдуман* 'дым, запах' — *ăмăр* 'духота, душно' и многие др. Все это свидетельствует о том, что данный словарь, несомненно, послужит ценным сравнительным материалом не только для исследования кыпчакской группы языков, но и для изу-

чения тюркских языков вообще. Как справедливо отметила Н. А. Лукьянова, «региональные словари различных типов... — это своего рода хранилище диалектных слов, каждый из них — единственный и неповторимый»¹.

Словарь не свободен и от ряда недостатков. В словарных статьях дан перевод слова только на узбекский язык, правда, иногда в скобках приводится его толкование и в весьма редких случаях дается русский перевод. Например, алмас — *хавфсиз, устаранинг итиги* (рус. 'лезвие'), *пэшшэ ~ пешшэ* — *чивин* (рус. 'комар'), *пыган* — *дароз ранда* (рус. 'фуганок' — стр. 71, 146). Но таких примеров очень мало, и отсутствие перевода на русский язык ограничивает круг читателей, могущих пользоваться данным словарем.

¹ Н. А. Лукьянова. К вопросу о нормах диалектного языка. — «Вопросы лексикологии». Новосибирск, 1977, стр. 90.

В тех случаях, когда фонетические варианты начинаются с одинакового звука, например, *джоңырчқа||джоңычқа* ('люцерна; клевер', стр. 105), они даются в одной заглавной статье, а их варианты с другим начальным звуком приводятся в первоначальной статье. Например: *йонджа||йоринджа||йонгычқа||йончычқа... йонырчқа... қ.* (см.) *джоңырчқа* (стр. 117). Такая практика подачи фонетических вариантов диалектизмов создает трудности при пользовании материалами словаря.

Рецензируемая работа А. В. Ишаева — это оригинальное исследование, обогащающее узбекскую диалектологию и, несомненно, представляющее интерес и для специалистов по другим тюркским языкам.

А. П. Ходжиев,
К. М. Мухамеджанов,
Л. В. Данилова.

«ЯЗЫКИ НАРОДОВ СИБИРИ»

ИЗД-ВО КЕМЕРОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, КЕМЕРОВО, 1977, 128 стр.

Кемеровский государственный университет и Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР издали офсетным способом сборник статей, посвященных языкам народов Сибири, их диалектам и говорам. Сборник предваряет очень содержательная статья его редактора Е. И. Убрятовой «Изучение тюркских языков народов, живущих в Кемеровской области» (стр. 3—10), представляющая собой интересный и богатый фактами обзор изучения тюрков, населяющих территорию Кемеровской области: татар-аборигенов, телеутов, шорцев.

Большая часть вошедших в сборник статей (8) посвящена частным и общим вопросам фонетики языков этих народов, а также кумандинского, долганского языков и некоторых диалектов эвенкийского. Это статьи И. П. Бородкиной «Состав гласных в мрамском диалекте шорского языка» (стр. 11—20), Н. Б. Поспеловой «Состав согласных фонем в шорском языке» (стр. 21—33), К. В. Меркурьева «О губных фонемах [p] и [p:] в языке бачатских телеутов» (стр. 34—37) и «Шумные переднеязычные консонанты [s] и [S] в языке бачатских телеутов» (стр. 38—44), И. Я. Селютиной «Фонемы [t]₁ и [t]₂ в кумандинском языке» (стр. 45—58), Н. П. Бельтюковой «Дистрибуция согласных четвертой артикуляции в долганском языке» (стр. 59—63), Ф. Г. Числяковой «Фонетические процессы в кондомских говорах шорского языка»

(стр. 64—75), Т. Е. Андреевой «Среднеязычные в томмотском говоре эвенкийского языка» (стр. 78—82). Все эти статьи содержат точное фонетическое описание, основанное на экспериментальных данных, подтверждаемое иллюстративным материалом — таблицами, палатограммами, рентгенограммами, программами словоформ, свидетельствующими о том, что в Западной Сибири благодаря многолетним усилиям В. М. Надеяева создана прекрасная экспериментальная лаборатория и на ее базе воспитаны хорошие кадры фонетистов-экспериментаторов, исследования которых обогащают тюркское языкознание новыми, очень нужными материалами. В таком обстоятельном плане и так последовательно тюркские языки, к сожалению, изучаются не везде.

Три статьи Г. Г. Фисаковой посвящены морфологии: «Этюды по имени существительному в бачатско-телеутском языке» (стр. 83—90), «Личное оформление сказуемого в бачатско-телеутском языке» (стр. 91—94), «Наречие в бачатско-телеутском языке» (стр. 95—99). Эти статьи впервые вводят в научный обиход конкретный материал и снабжены большим числом иллюстративных примеров, таблицами. Вместе с последующей статьей «Бачатско-телеутские тексты, поговорки и загадки» (тексты и их переводы, стр. 100—102) и прежними публикациями Г. Г. Фисаковой они представляют собой первое хорошо документиро-

ванное, достаточно полное описание языка бачатских телеутов, до сих пор так подробно не рассматривавшегося.

Статья А. В. Есиповой «Простое причастное определение в шорском языке» (стр. 103—109) впервые характеризует данный раздел синтаксиса шорского языка и содержит свежий материал.

Для тунгусо-маньчжуроведов и алтаистов определенный интерес представит статья М. Д. Симонова «Этимология личных аффиксов эвенкийского языка в свете новых полевых данных» (стр. 110—112), построенная на новых материалах, собранных автором в 1975 году в экспедиции к северобайкальским эвенкам.

Статья М. А. Жевлова «Орфографические термины» (стр. 113—122) основана на полевых записях автора и в ней делаются справедливые, на наш взгляд, выводы.

Сборник заключает статья В. Т. Сыркашевой «О плаче по покойнику „сыгыте“ у бачатских телеутов» (стр. 123—126), сообщающая новые сведения о похоронных обрядах и плачах у тюрков Сибири и

анализирующая плач *сыгыт* с литературной и этнографической точек зрения.

Сборник, издание которого в техническом и организационном отношении в местных условиях (отсутствие необходимой издательско-полиграфической базы) было связано с большими трудностями, предлагает тюркологам и алтаистам новый фактический материал, собранный в полевых экспедициях, добросовестно изученный и интерпретированный его собирателями. Этот сборник и последующие подобные издания в Кемерово и других центрах Западной Сибири будут способствовать дальнейшему развитию отечественной тюркологии и алтаистики, воспитанию в этих центрах квалифицированных кадров тюркологов и алтаистов. Появлению рецензируемого сборника мы прежде всего обязаны инициативе и заботам Е. И. Убрятовой и В. М. Надеждина. Необходимо отметить также энтузиазм Г. Г. Фисаковой, взявшей на себя нелегкий труд по его редактированию.

Л. В. Дмитриева

«ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ПО АВТОМАТИЧЕСКОМУ УПРАВЛЕНИЮ»

РУССКО-АНГЛО-АЗЕРБАЙДЖАНСКО-КИРГИЗСКО-ТУРКМЕНСКО-УЗБЕКСКИЙ

СОСТАВИТЕЛИ: К. А. АЛЫМКУЛОВ, А. А. БЕРДЫЕВ, З. И. КЯЗИМЗАДЕ,

С. М. МЕДЖИДОВ, А. С. СЕИДОВ, М. З. ХАМУДХАНОВ, А. А. ЭФЕНДИЗАДЕ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ АКАД. АН АЗЕРЬ. ССР А. А. ЭФЕНДИЗАДЕ

ИЗД-ВО «ЭЛМ», БАКУ, 1977, 644 стр.

Автоматическое управление — одно из самых молодых и быстро развивающихся направлений технического прогресса. В настоящее время нет ни одной отрасли народного хозяйства, где бы не использовалось или не планировалось применение автоматических систем управления.

Внедрение автоматического управления вызвало появление большого количества новых понятий и возникновение новых терминов. Все это привело к необходимости разработки и упорядочения терминологии в данной области науки.

Созданием терминологии по автоматическому управлению занимаются многие страны и международные организации, в том числе Международный комитет терминологии и стандартов, Международная ассоциация по автоматическому управлению (ИФАК), Национальный комитет СССР по автоматическому управлению (НКАУ), Комитет научно-технической терминологии Академии наук СССР и др. В результате интенсивной деятельности коллективов специалистов издан ряд терминологических словарей на английском и русском языках.

Изучение технической литературы, выпускаемой в большом количестве на различных языках, сделало необходимым подготовку многоязычных терминологических словарей. Это отмечалось и на конгрессе ИФАК в 1966 году в Лондоне. Терминологический комитет НКАУ СССР также рекомендовал создание терминологических словарей на русском, английском и на языках народов СССР.

В настоящее время издательством «Элм» (Баку) выпущен русско-англо-азербайджанско-киргизско-туркменско-узбекский терминологический словарь по автоматическому управлению. Хотя этот труд является первой попыткой создания такого рода словаря, подготовлен он на высоком научном уровне.

В составлении терминологического словаря принимали участие такие известные специалисты в области автоматического управления, как академик АН Азербайджанской ССР А. А. Эфендишаде, академик АН Туркменской ССР А. А. Бердыев, академик АН Узбекской ССР М. З. Хамудханов, доктор технических наук, профессор З. И. Кязим-

заде, кандидаты технических наук К. А. Алымкулов, С. М. Меджидов, А. С. Сендов.

Огромная заслуга в создании этого большого труда принадлежит его ответственному редактору и одному из составителей словаря А. А. Эфендизаде. Благодаря большой организаторской работе ученого составителя словаря, проживающие в различных городах и республиках, образовали единый коллектив.

В результате многолетней и кропотливой работы создана техническая терминология на тюркских языках в сопоставлении с аналогичной терминологией русского и английского языков. Словарь представляет большой научный и практический интерес с точки зрения уточнения, совершенствования и систематизации национальной терминологии в области автоматического управления на азербайджанском, киргизском, туркменском и узбекском языках.

С выходом в свет этого словаря советские ученые, работающие в области автоматического управления, инженеры, техники, студенты вузов, особенно в национальных республиках, получили возможность пользоваться специальной литературой на любом из упомянутых языков.

Терминологический словарь охватывает 2750 терминов. Основные термины приводятся на русском языке, затем даются соответствующие термины на других языках. Каждый термин имеет в словаре свой порядковый номер. Кроме того, для удобства пользования словарем на всех шести языках дан алфавитный список английских, азербайджанских, киргизских, туркменских и узбекских терминов с указанием порядкового номера в основном словаре. Для облегчения чтения английских терминов дается международная транскрипция английских слов. В словаре указаны также английские сокращения и условные обозначения, использованные в терминологическом словаре. Значения их указываются на английском и на других языках.

Настоящий терминологический словарь создан на базе трехязычного азербайджанско-русско-английского терминологического словаря по электроприводу и автоматизации промышленных установок А. А. Эфендизаде¹, но по сути дела это новый труд, ибо составители его столкнулись с рядом проблем, потребовавших коренной переработки упомянутого трехязычного словаря.

Одной из серьезных трудностей оказалась несинхронность развития русской и английской терминологий. В зарубежной литературе нередко встречаются описания технологий и установок, по той или иной причине не нашедших применения в нашей стране. В этом случае составителям оставалось либо использовать технический жаргон, либо прибегнуть к прямому заимствованию.

Появление большого количества новых, зачастую еще не устоявшихся, терминов привело к тому, что в английской и американской научной и технической литературе одни и те же установки или оборудование, выполняющие одинаковые функции, называются по-разному, а международные организации, занимающиеся стандартизацией терминологии по автоматическому управлению в своих изданиях для обозначения одного и того же понятия, параллельно рекомендуют несколько терминов, не отдавая предпочтения какому-либо одному из них.

Общеизвестно, что в связи с постоянным процессом усовершенствования технологий и техники, а также внедрения нового оборудования изменяются и термины, обозначающие те или иные понятия, нередко приобретая новые значения или же полностью выпадая из употребления.

В языках тюркской группы терминология многих специальных областей знания, особенно по вычислительной технике и автоматическому управлению, разработана крайне слабо и почти не отражена в лексикографических трудах общего типа, а специальных отраслевых и терминологических словарей пока слишком мало.

Электротехническая терминология на узбекском языке частично разработана в учебниках и учебных пособиях на узбекском языке, например, в учебнике Г. Р. Рахимова «Общая электротехника», в учебнике М. З. Хамудханова и С. М. Меджидова «Электропривод и основы его управления», в учебных пособиях С. М. Меджидова: «Электрические машины и электропривод», «Практика по электрическим машинам и электроприводу», в его «Русско-узбекском толковом словаре по электрическим машинам и электроприводу», а также в учебнике А. Абдуллаева «Электронные цифровые вычислительные машины» и составленных им словарях по ЭВМ.

В области терминологии по смежным наукам имеются работы Г. Тагиева, И. Мирабидова, А. К. Кашкарова, Б. А. Биримжанова, С. Т. Омарова (на казахском языке), П. Азымова, Г. Тойлыева (на туркменском языке), М. Турусбекова (на киргизском языке), Ш. Чуряева (на башкирском языке) и др.

Составители шестизычного терминологического словаря удачно унифицировали и систематизировали имеющиеся термины на тюркских языках. При этом была учтена общность корней азербайджанского, киргизского, туркменского и узбекского языков. Поэтому в словаре многие термины на упомянутых языках сходны по звучанию, хотя каждый из этих языков обладает богатой синонимией, позволяющей найти различные эквиваленты. Унификация технических терминов в языках тюркской группы в конечном итоге открывает широкие возможности для использования имеющейся на тюркских языках технической литературы, не умаляя при этом объединяющей и связующей роли русского языка.

¹ А. А. Эфендизаде. Словарь терминов по электроприводу и автоматизации промышленных установок (азербайджанско-русско-английский). Баку, 1966.

При подготовке шестязычного терминологического словаря авторы руководствовались следующими основными принципами.

Терминология, обозначающая сложные научные понятия, должна соответствовать национальным формам, составляя неотъемлемую часть языка народа.

Вместе с тем термины должны быть также в пределах одной определенной науки по возможности однозначными и точно отражать основное содержание специальных понятий, их необходимые и достаточные признаки, вскрывать физическую сущность и характеризовать, с одной стороны, их общность, а с другой — специфику. Например, *возбудитель* — *Exciter*, азерб. *та'сирлэндиричи*, кирг. *дүүлүктүргүч*, туркм. *ояндырыжы*, узб. *қўзгатгич*; *вращающий момент* — *Torque*, азерб. *фирладычы момент*, кирг. *айландыруучу момент*, туркм. *айлайжы момент*, узб. *айлантирувчи момент*; *ключ* — *Key*, азерб. *ачар*, кирг. *ачкыч*, туркм. *ачар*, узб. *калит*; *качество регулирования* — *Control performance*, азерб. *тэнзимлэмәнин кејфијјати*, кирг. *жөндөөнүн сапаты*, туркм. *дүзетмәнің хили*, узб. *ростлаш сифати*; *переключатель* — *Switch*, азерб. *чевиркәч*, кирг. *кайра туташтыргыч*, туркм. *айрып утгашыдырыжы*, узб. *алмашлаб улагич*; *фиктивная величина* — *Dummy variable*, азерб. *гондарма кәмијјат*, кирг. *жалган чондук*, туркм. *тослама улулык*, узб. *уйдирма миқдор*.

С точки зрения отражения национальных особенностей научные термины по своему звучанию должны соответствовать фонетическому строю данного языка, а по своей структуре — правилам его словообразования.

При выработке терминологии следует учитывать также особенности истории, самобытность культуры и специфику языка данного народа. Термины должны легко усваиваться, способствовать распространению научных и технических знаний среди широких масс, а для этого отличаться краткостью, точностью, удобством чтения и произношения, доходчивостью. Если о лаконичности можно судить по каждому отдельному термину, то точность его может быть оценена лишь в системе терминов языка.

Например: *аналоговый* — *Analogous*, азерб. *аналокија*, кирг. *аналог*, *бирдей*, ок-

шош, туркм. *аналог*, узб. *аналог*; *выражение* — *Expression*, азерб. *ифадә*, кирг. *туюнма*, туркм. *аңлатма*, узб. *ифода*; *многополюсник* — *Multiterminal, multipole*, азерб. *чоҳугтблү*, кирг. *көп уюлдук*, туркм. *көп полюслы*, узб. *кўп қутблик*; *преобразователь* — *Converter, transformer*, азерб. *чевиричи*, кирг. *өзгөрткүч*, туркм. *өвүрүжи*, узб. *ўзгартгич* и многие другие.

Термины, представленные в рецензируемом словаре, в основном отвечают всем этим требованиям.

В формировании узбекской научно-технической терминологии особую роль сыграла терминологическая система русского языка. В большинстве случаев научно-техническая информация на узбекском языке осуществляется через посредство русского языка путем перевода.

В словаре удачно составлены производные термины, отражающие связи, существующие между научно-техническими понятиями. Чем большее отражение в термине находит дифференцированность производных суффиксов, тем ярче обнаруживается эта связь. Наиболее четко проступает связь между понятиями, передаваемыми односложными многокорневыми терминами и терминами-словосочетаниями, в состав которых в качестве элементов также входят термины. Связь эта подчеркивается, во-первых, значением отдельных элементов, привлекаемых к построению терминов, во-вторых, она проявляется в выборе определенных морфологических форм отдельных элементов и в синтаксических отношениях, в которые эти элементы вступают.

В отличие от специалистов, идущих в процессе обучения от понятия к термину, при переводе часто следуют обратным путем, и, к сожалению, нередко переводчик механически воспроизводит оригинал, а практика отбора и употребления терминов носит произвольный характер.

В связи с этим весьма актуальной задачей является творческая разработка терминологической системы при подготовке учебников и учебных пособий, на базе которой формируется научно-технический язык.

Приведенные в Словаре международная транскрипция английских слов и английские сокращения делают его весьма удоб-

Язык	Методы образования терминов			
	Непосредственное заимствование русских терминов	Кальки и полукальки	Аффиксации	Аббревиатуры
Азербайджанский	15	31	51	3
Узбекский	16	32	49	3
Киргизский	18	30	49	3
Туркменский	17	31	49	3

ным универсальным пособием для специалистов.

При работе над Словарем авторы наряду с соблюдением указанных выше принципов стремились использовать русские и интернациональные термины, укоренившиеся в узбекском языке и не имеющие соответствующих эквивалентов, принимая эти, усвоенные тюркскими языками, слова без перевода.

В приведенной таблице представлено распределение в Словаре терминов по автоматическому управлению на азербайджанском, узбекском, киргизском, туркменском языках (в процентах).

Несмотря на некоторые редакционные погрешности, рецензируемый Словарь станет,

несомненно, ценным настольным пособием для ученых, инженеров, переводчиков и студентов технических вузов тюркоязычных республик.

К сожалению, этот ценный и нужный труд издан ограниченным тиражом (4800 экземпляров) и стал уже библиографической редкостью, особенно в среднеазиатских республиках и Казахстане.

*В. К. Кабулов, З. М. Салихов,
Н. И. Усманходжаев, А. М. Абдуллаев,
Т. Хамдамов, А. Т. Шермухамедов*

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Н. А. Баскаков* (Москва). Форма прошедшего времени глагола на -сух ~ -си в тюркских языках и ее происхождение 3
- М. А. Ахметов* (Уфа). Залоги глагола в языке орхон-енисейских памятников и их отношение к современному башкирскому языку 9
- Р. Г. Сибгатов* (Уфа). Модальность как структурно-семантическое единство 21

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- С. М. Исхакова, Ф. Т. Валеев* (Казань). Таджикский компонент в народно-разговорном языке западносибирских татар 31
- К. М. Кошанов* (Нукус). Словообразование существительных на базе русских и интернациональных слов в каракалпакском языке 40

ОНОМАСТИКА

- М. Р. Федотов* (Чебоксары). Этацизм и итацизм в свете тюркских названий реки Волги 44

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- М. И. Трофимов* (Ош). О фонетическом способе словообразования в современном уйгурском языке 48
- У.-Ж. Ш. Дондуков* (Улан-Удэ). К происхождению слова-этнонима «якут» 51

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- М. Джафарзаде* (Кировабад). Об одном пути возникновения сложноподчиненных предложений в тюркских языках 54
- Ф. С. Сафиуллина* (Казань). О диалектном синтаксисе 63
- А. Шерматов* (Ташкент). Некоторые характерные особенности узбекских говоров низовья Кашкадарьи 72
- Г. В. Тушмалишвили* (Тбилиси). О диалектной лексике говора азербайджанцев Гардабанского района Грузинской ССР 77
- В. А. Лившиц* (Ленинград). О происхождении древнетюркской рунической письменности 84
- М. З. Закиев, А. Г. Каримуллин* (Казань). Первопечатной «Азбуке татарского языка» — 200 лет 99

РЕЦЕНЗИИ

- Э. А. Умаров* (Ташкент). Проф. Э. Э. Оручов. Азербайджанча-русча фразеолокија лугъти 102
- А. П. Ходжиев, К. М. Мухамеджанов, Л. В. Данилова* (Ташкент). Аҳмад Ишаев. Қорақалпоғистондаги ўзбек шевалари 103

<i>Л. В. Дмитриева</i> (Ленинград). «Языки народов Сибири»	105
<i>В. К. Кабулов, Э. М. Салихов, Н. И. Усманходжаев, А. М. Абдуллаев, Т. Хамдамов, А. Т. Шермухамедов</i> (Ташкент). «Терминологический словарь по автоматическому управлению»	106

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

<i>N. A. Baskakov</i> (Moscow). The past form of a verb <i>-çux ~ -çu</i> in the Turkic languages and its origin	3
<i>M. A. Akhmetov</i> (Ufa). Voices of a verb in the language of Orkhon-Yenisei inscriptions and their relation to modern Bashkir language	9
<i>R. G. Sibagatov</i> (Ufa). Modality as a structural semantic unity	21

LANGUAGES IN CONTACT

<i>S. M. Iskhakova, F. T. Valeyev</i> (Kazan). The Tajik component in the people's spoken language of the West Siberian tatars	31
<i>K. M. Koschanov</i> (Nukus). Nouns word-formation on basis of Russian and international words in the Karakalpak language	40

ONOMASTICS

<i>M. R. Fedotov</i> (Cheboksari). Etacism and itacism in the light of the Turkic names of the river Volga	44
--	----

DISCUSSIONS

<i>M. I. Trofimov</i> (Osh). On the phonetic way of word-formation in modern Uigur language	48
<i>U.-Zh. Sh. Dondukov</i> (Ulhan-Ude). Towards the origin of the word-ethnonym «yakut»	51

REPORTS, SURVEYS

<i>M. Dzhafarzade</i> (Kirovabad). On one way of complex sentences origin in the Turkic languages	54
<i>F. S. Sajiullina</i> (Kazan). On dialect syntax	63
<i>A. Shermatov</i> (Tashkent). Some characteristic peculiarities of the Uzbek subdialects of the lower Kashkadarya	72
<i>G. V. Tushmalishvili</i> (Tbilisi). On dialect vocabulary of Azerbaijanians' subdialect in the Gardaban region of the Georgian Soviet Socialist Republic	77
<i>V. A. Livshits</i> (Leningrad). On the origin of the Turkic runic written language	84
<i>M. Z. Zakiyev, A. G. Karimullin</i> (Kazan). The printed early «Alphabet of the Tatar language» is 200	99

REVIEWS

<i>E. A. Umarov</i> (Tashkent). Проф. Э. Э. Оручов. Азәрбајҹанҹа-русҹа фразеолоҹија лугәти	102
<i>A. P. Khodzhiyev, K. M. Mukhamedzhanov, L. V. Danilova</i> (Tashkent). Аҳмад Ишаев. Қорақалпоғистондаги ўзбек шевалари	103
<i>L. V. Dmitriyeva</i> (Leningrad). «Языки народов Сибири»	105
<i>V. K. Kabulov, Z. M. Salikhov, N. I. Ustankhodzhayev, A. M. Abdullayev, T. Khamdamov, A. T. Shermukhamedov</i> (Tashkent). «Терминологический словарь по автоматическому управлению»	106

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Рукописи не возвращаются

Корректоры *Ф. М. Джавадова, А. А. Гусейнова*

Сдано в набор 4/IX-1978 г. Подписано к печати 28/XII-1978 г. ФГ 18862.
Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 9,8. Усл. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.
Заказ 5171. Тираж 3195. Цена 1 руб.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал